

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

На правах рукописи



Москаленская Дарья Николаевна

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ-«ЛИШЕНЦЫ»  
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.:  
СТАТУС, ОБЛИК, ПОВЕДЕНИЕ

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация  
на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель  
доктор исторических наук, профессор  
Красильников Сергей Александрович

Новосибирск – 2017

## Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Дискриминационный статус и его последствия для православных священно- и церковнослужителей.....	42
1.1. Законодательство о лишении избирательных прав и практика его применения в Западной Сибири.....	42
1.2. Последствия лишения избирательных прав духовенства в контексте взаимоотношений власти и церкви.....	60
1.3. Распространение дискриминационного статуса на членов семьи «лишенца».....	76
Глава 2. Динамика состава и облика священно– и церковнослужителей-«лишенцев» региона.....	93
2.1. Демографические и социокультурные характеристики группы.....	93
2.2. Пути и возможности социальной адаптации.....	110
Глава 3. Борьба за правовой статус: тактики поведения и результаты.....	141
3.1. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев».....	141
3.2. Апелляции «лишенцев»: опыт дискурсивного анализа.....	160
3.3. Динамика восстановлений в избирательных правах и деятельность избирательных комиссий.....	175
Заключение.....	192
Список использованных источников и литературы.....	199
Приложение А. Информационные поля базы данных.....	219
Приложение Б. Категории контент-анализа.....	221
Приложение В. Численность категории «служителей религиозного культа и монахов» в городах Сибирского края.....	226
Приложение Г. Численность «служителей религиозного культа и монахов» в сельской местности округов Сибирского края.....	227

## Введение

**Актуальность темы.** С самого начала своего существования большевистская власть проводила дискриминационную политику в отношении представителей бывших привилегированных сословий, к которым относилось и православное духовенство. Лишение избирательных прав вводилось уже в первой Конституции РСФСР 1918 года. В статье 65 определялись семь категорий лиц, лишаемых избирательных прав, одной из которых являлись «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов»<sup>1</sup>. Естественно, что к категории «служителей религиозных культов» относились представители всех конфессий, хотя наиболее многочисленной группой являлось именно православное духовенство.

Лишение избирательных прав носило не только политический, но и социальный характер, так как «лишенцы» ограничивались в ряде гражданских и социальных прав. Данная мера выполняла в большевистской политике несколько функций: предотвращение усиления позиций реальных или потенциальных противников, искусственное структурирование общества, установление контроля над значительной частью населения, поддержание в обществе атмосферы конфронтации и раскола<sup>2</sup>. Формально лишение избирательных прав существовало с 1918 г. по 1936 г. Но и тогда, и в дальнейшем существовало «поражение в правах» для лиц, осужденных по суду.

Лишение избирательных прав в постреволюционную эпоху являлось ограничительно-дискриминационной мерой, направленной против представителей, прежде всего, бывших привилегированных сословий и групп. «Лишенцы» стали одним из искусственно формируемых режимом составных элементов социальной структуры, в противовес системообразующим трудящимся классам раннесоветского общества 1920-х – 1930-х гг. Уникальность категории

---

<sup>1</sup> Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940. С. 29.

<sup>2</sup> Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917-конец 1930-х годов. // Сибирская заимка [Электронный ресурс]. URL: [http://zaimka.ru/soviet/krasiln1\\_p1.shtml](http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml) (дата обращения: 16.12.2013)

православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» внутри общей учетной группы «лишенцев» состояла в том, что, в отличие от других категорий, которые по своему составу были крайне разнородны, священно- и церковнослужители находились внутри церковной организации, служившей для них объединяющей основой. Поэтому данная категория «лишенцев» представляет особый интерес. Кроме того, тема лишения избирательных прав представителей духовенства, с последующими за этим дискриминациями и репрессиями, является важной в контексте взаимоотношений светской власти и Русской православной церкви.

Важнейшей стороной жизни «лишенцев» выступала борьба социально активной части из них за восстановление в избирательных правах, что давало возможность расширения границ адаптации к новым постреволюционным условиям. Изучение данной стороны призвано более предметно и детально реконструировать поведенческие практики указанной группы, способствовать получению нового знания о социоструктурной динамике и социальной повседневности в раннесоветском обществе.

Современному российскому обществу, переживающему сложный переходный период, необходимо иметь более глубокие и обоснованные знания о послереволюционной эпохе как о времени широкомасштабного действия разнонаправленных тенденций в социальной мобильности, когда одни слои и группы оказывались в условиях восходящей мобильности, а другие массовые категории подвергались десоциализации. Проводившаяся в отношении последних политика репрессий и дискриминаций (рельефно выразившаяся применительно к «служителям религиозных культов») имела длительный и устойчивый характер на протяжении всей сталинской эпохи, привела к глубоко негативным последствиям, прежде всего социально-культурного, психологического характера, и выразилась в открытой и скрытой маргинализации советского социума.

**Историографию** данной темы целесообразно рассмотреть, разделив тематически на две части: работы, относящиеся к истории Русской православной

церкви (РПЦ) и исследования, посвященные лицам, лишенным избирательных прав.

В советское время возможность объективного изучения истории РПЦ была практически исключена. Работы советских исследователей носили в основном обзорный характер, а кроме того, отличались идеологизированностью. Основные позиции в историографии по данной теме сложились еще в 1920-е гг. и не слишком менялись до конца 1980-х гг.

Для первых работ 1920–1930-х гг. характерна ярко выраженная идеологическая направленность и резко негативные оценки церкви<sup>1</sup>. Священнослужителям приписывалось активное участие в контрреволюционной деятельности и антисоветских заговорах, тогда как советская политика в отношении церкви оценивалась однозначно положительно. В целом большинство работ данного периода носили не научный, а пропагандистский характер.

После перерыва, вызванного войной, с середины 1950-х годов вновь появляются исследования, посвященные государственно-церковным отношениям. До конца 1980-х гг. разрабатываются две основные темы: первая – история развития атеизма в СССР, методы и формы антирелигиозной работы, вторая – советское законодательство о религии и Церкви. В исследованиях все также отсутствовал критический анализ религиозной политики советского государства и во многом повторялись штампы 1930-х гг.<sup>2</sup>. Тем не менее, тематика несколько расширилась, в научный оборот были введены новые источники. Так, существенный вклад в изучение истории обновленческого раскола внес А. А. Шишкин, рассматривавший его как приспособление к новым условиям<sup>3</sup>. Очерковое исследование по истории религии и атеизма, проблемам церкви в контексте классовой борьбы в 1917–1937 гг. в Сибири выполнил И. Д. Эйнгорн<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup>Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М., 1929; Он же. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М., 1930; Кандидов Б. Меншевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции. М., 1931; Олещук Ф. Н. Борьба церкви против народа. М., 1939 и др.

<sup>2</sup>Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-е - 80-е годы XX столетия). М., 1984; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984; Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. М., 1985; Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1986.

<sup>3</sup>Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970.

<sup>4</sup>Эйнгорн И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917-1937 гг.). Томск, 1982.

Помимо советских исследований сложилась и развивалась зарубежная историография. Работы русских эмигрантов, а также церковных авторов чаще носили публицистический характер, критически освещая историю церкви в СССР. Главными темами в них являлись гонения и репрессии в отношении верующих в СССР, церковный раскол и история Русской Православной Церкви Заграницей<sup>1</sup>.

В постсоветской историографии в связи с произошедшей «архивной революцией» и возможностью вариативности методологических подходов проблемы истории РПЦ получили широкое освещение. Одними из первых работ, написанных с новых неидеологизированных позиций, стали исследования М. И. Одинцова, О. Ю. Васильевой, М. Ю. Крапивина<sup>2</sup>. Внимания заслуживают исследования петербургских историков А. Н. Кашеварова и М. В. Шкаровского, включивших в научный оборот значительное количество новых источников<sup>3</sup>. В своих трудах они рассматривают не только государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг., но и анализируют внутрицерковные течения. М. В. Шкаровский, оценивая государственную религиозную политику в 1917–1938 гг., отмечает, что «антирелигиозные гонения явились также подготовкой и репетицией массовых репрессий 1930-х гг., способствовали созданию соответствующей общественной атмосферы (появление категории «лишенцев», в т. ч. священнослужителей, преследование их родственников)»<sup>4</sup>.

Важную роль в изучении партийно-государственно-церковных отношений сыграла публикация сборника документов на основе корпуса источников из архива

---

<sup>1</sup>Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М., 2007; Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В трех томах. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: [http://krotov.info/history/20/krasnov/000\\_ogl.html](http://krotov.info/history/20/krasnov/000_ogl.html); Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/1930/rusak00.htm>

<sup>2</sup>Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в России. XX век. М., 1994; Васильева О. Ю. Русская Православная церковь и Советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40-54; Она же. Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Там же. 1994. № 4. С. 35-46; Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). Волгоград, 1993.

<sup>3</sup>Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917-1945 гг. СПб., 1995; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 1999; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

<sup>4</sup>Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). С. 13.

Политбюро ЦК РКП (б), подготовленного Н. Н. Покровским и С. Г. Петровым – «Политбюро и церковь»<sup>1</sup>.

Из зарубежной историографии необходимо отметить работу Д. В. Поспеловского, которая является одним из наиболее значительных трудов по истории РПЦ в XX веке<sup>2</sup>. Ему же принадлежит и другое исследование, посвященное проблеме положения религии в тоталитарных обществах<sup>3</sup>. Получила свое развитие и современная церковная историография. Вышли в свет работы Санкт-Петербургского митрополита Иоанна Снычева, игумена Дамаскина (Орловского), протоиереев Цыпина и Г. Митрофанова<sup>4</sup>, посвященные преимущественно истории епископата, Высшего церковного управления, разделений, расколов и гонений на церковь.

В литературе последних лет из наиболее крупных работ следует отметить исследование И. А. Курляндского, в котором государственно-церковные отношения рассматриваются сквозь призму личности И. В. Сталина<sup>5</sup>. Автор на основе многочисленных архивных материалов исследует причины и механизмы выработки решений власти в области антирелигиозной борьбы. Вышла в свет и новая книга М. И. Одинцова<sup>6</sup>, в которой автор, останавливаясь на периоде 1920-1930-х гг., рассматривает как внутренние церковные расколы, так и государственную политику в отношении церкви.

Помимо работ обобщающего характера, освещающих государственно-церковные отношения, появляются работы, предметом которых является материальное положение православного духовенства<sup>7</sup>, а также его политическая

<sup>1</sup> Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг. М. – Новосибирск. 1997-1998, кн. 1-2.

<sup>2</sup>Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

<sup>3</sup>Поспеловский Д. В. Тоталитаризм и вероисповедование. М., 2003.

<sup>4</sup>Снычев И., митр. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995; Цыпин В., прот. История Русской церкви. 1917-1997. М., 1997; Он же. Русская православная церковь. 1925-1938. М., 1999; Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900-1927. СПб. 2002; Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь 1992-2002; Фирсов С.Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 - нач. 1940-х гг. Очерки истории. М., 2014.

<sup>5</sup>Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

<sup>6</sup>Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М, 2014.

<sup>7</sup>Марченко А. Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104-113; Цыремпилова И. Экономический фактор в системе государственной

культура<sup>1</sup>. Особый интерес представляют исследования, посвященные социальному положению духовенства и верующих в советском обществе. Так В. Н. Мухин на материалах Казанской епархии анализирует социальный статус членов семей духовенства, членов исполнительного органа религиозных общин и простых мирян<sup>2</sup>. В исследовании А. В. Проскуриной рассматриваются разнообразные дискриминационные и репрессивные меры в отношении священнослужителей и верующих, в том числе, лишение избирательных прав<sup>3</sup>.

Развиваются и региональные исследования: проблемы государственно-церковных отношений в Западной Сибири рассматриваются в работах О. А. Гайлит, Т. Н. Коголь, Н. А. Неживых, Р. В. Мезенцева и других авторов<sup>4</sup>. Появляются региональные исследования, посвященные внутрицерковным конфликтам<sup>5</sup>. Отдельное внимание уделяется проблемам репрессий в отношении православного духовенства Западной Сибири<sup>6</sup>. К данной теме обращался также

---

антирелигиозной политики в 1920 - 1930 -х гг. (на материалах православных общин Байкальского региона) // Власть. 2011. № 9. С. 74-77.

<sup>1</sup>Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930-е гг.: центр и провинция. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Волгоград, 2010.

<sup>2</sup>Мухин В. Н. Положение православных в советском обществе в 1930-е года (на примере Казанской епархии). // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. №1 (28). С. 236-241.

<sup>3</sup>Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 94-100.

<sup>4</sup>Гайлит О. А. К вопросу о методах антирелигиозной борьбы в 1930-е годы (на материалах Омской и Новосибирской областей) // Исторический ежегодник. Омск. 2000. С. 74-83; Гайлит О. А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Омск, 2002; Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005; Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово, 2007; Неживых Н. А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск, 2012; Мезенцев Р. В., Модоров Н.С., Сидоренко Д. И. Взаимоотношения православного духовенства и советского государства в 30-е гг. XX в. (на примере Бийской епархии) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 253257; Мезенцев Р. В. Антирелигиозная политика органов государственной власти на Алтае в 1930-1934 гг. // Мир Евразии. 2015. № 4 (31). С. 19-23.

<sup>5</sup>Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 118-129; Никулин А. А. Обновленческий раскол Западной Сибири в 1920-1930-х годах. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 85-90; Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 79-82; Неживых Н. А. Сибирское обновленчество – история становления. // Культура народов Причерноморья. 2014. № 278, Т. 2. С. 150-153.

<sup>6</sup>Шангин М. «Террор против совести». Омск: книжное издательство, 1994; Гайлит О. А. Материалы архива УФСБ о специфике отношений государства и церкви в 1930-е гг. // Гуманитарное знание. Омск, 2001 Вып. 5. С. 209 – 213; Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004; Гришаев В. Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004; Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. М., 2009. С. 283-302; Сидоренко Д. И. Репрессии православного духовенства Бийской епархии в 30-е гг. XX в. // Мир Евразии. 2012. №2-4 (17-19). С. 194-198;

В. Н. Уйманов в своем исследовании<sup>1</sup>. По его замечанию, «преследование духовенства было в числе приоритетных направлений репрессивной политики»<sup>2</sup>.

Отдельного внимания заслуживает монография А. И. Казанкова, базирующаяся на материалах архивно-следственных дел и посвященная реконструкции жизненного мира сельских «церковных людей» Западного Урала в 1930-е гг.<sup>3</sup> Автор подчеркивает, что все они образовывали обособленное, пронизанное корпоративным духом сообщество<sup>4</sup>. Предметом исследования А. И. Казанкова являются практики, с помощью которых исключенное из политической, экономической и «общественной» жизни духовенство пыталось осмыслить социокультурную реальность и адаптироваться к ней<sup>5</sup>.

Таким образом, в работах, посвященных истории церкви, большее внимание обращалось на политику государства, историю РПЦ как института, организации, и меньше внимания уделялось социальному положению священнослужителей, способам их адаптации к изменившимся условиям.

Лишение избирательных прав рассматривалось в советской историографии, хотя и не являлось приоритетной темой. В ней выделяются две группы: работы советских правоведов и управленцев в 1920–1930-е гг. и исследования историков 1950-х–1980-х гг.

Основу канонизации изучения лишения избирательных прав положил В. И. Ленин, высказавшийся о данной мере как вынужденной, и являющейся ответом на сопротивление эксплуататоров, а также считавший, что нет причин относить из-за этого Россию к недемократическим государствам<sup>6</sup>. В дальнейшем советские правоведы и историки развивали эти тезисы, основываясь на фактологическом материале.

В 1920-е гг. советские правоведы М. Владимирский, С. М. Бродович, П. И. Стучка, Г. С. Гурвич в своих работах рассматривали процессы лишения и

---

<sup>1</sup> Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск, 2012.

<sup>2</sup> Там же. С. 284.

<sup>3</sup> Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности. Пермь. 2016.

<sup>4</sup> Там же. С. 9.

<sup>5</sup> Там же. С. 10.

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М. 1969. С. 104-105.

восстановления в избирательных правах в контексте развития советской избирательной системы<sup>1</sup>. Лишение избирательных прав представлялось как одна из мер политического, экономического и социально-ограничительного характера в отношении отдельных «эксплуататорских» групп населения.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. появляются работы советских управленцев, как специально посвященные теме лишения избирательных прав, так и касающиеся ее в связи с регулярно проводившимися перевыборами советов. По большей части данные работы носили агитационно-пропагандистский характер<sup>2</sup>.

После принятия Конституции 1936 г. вопросы, касающиеся лишения избирательных прав, утратили свою актуальность, чем объясняется долгое отсутствие исследований на эту тему. В 1950–1980-е гг. к проблеме лишения избирательных прав обращались правоведы в контексте изучения первой советской конституции, а также историки, занимавшиеся изучением деятельности Советов и «классовой борьбы». Однако стереотипные подходы, сложившиеся в отношении оценок самого явления, остались, несколько изменилась только аргументация. В трудах правоведов лишение избирательных прав по Конституции 1918 г. и в последующие годы рассматривалось как вынужденный шаг на пути к «полной демократии»<sup>3</sup>.

Проблемы вытеснения капиталистических элементов и «ликвидации эксплуататорских классов» широко освещались в исторической литературе в 1960–1980-е гг. Лишение избирательных прав рассматривалось в таких работах как одна из мер по вытеснению «капиталистических элементов» из политической и экономической жизни. В исследованиях, посвященных советам в 1920–1930-е гг., лишение избирательных прав рассматривается в контексте деятельности городских и сельских советов и избирательных комиссий. В них изучалась динамика

---

<sup>1</sup>Владимирский М. Организация советской власти на местах. М., 1921; Бродович С. М. Советское избирательное право. Л., 1925; Гурвич Г. С. Основы советской конституции. М., 1929; Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1929; и др.

<sup>2</sup> См., напр. Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928–1929 гг. Новосибирск, 1929 и др.

<sup>3</sup>Филимонов В. Г. Первая советская Конституция М., 1960; Лепешкин А. И. Советы - власть трудящихся. 1917–1936 гг. М., 1966; Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской Конституции. М., 1982; Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984.

численности, «классовая борьба» вокруг лишения и восстановление в правах<sup>1</sup>. Таким образом, в советской историографии проблемы, связанные с «лишенцами», рассматривались в русле «классового подхода». Темой специальных исследований проблема лишения избирательных прав стала только с начала 1990-х гг.

Первым из отечественных исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых оценочных позиций, стал А. И. Добкин, поставивший для обсуждения широкий круг принципиальных вопросов о дискриминационном характере законодательства, касающегося лиц, лишенных избирательных прав, демографическом и социальном составе «лишенцев», а также о последствиях «лишенчества»<sup>2</sup>. Относительно категории священнослужителей А. И. Добкин отметил лишь, что «художественная литература преувеличивает: духовенство не было самой значительной категорией «лишенцев», даже вместе с домочадцами в селах РСФСР их доля не превышала 20 процентов (в городах 5-8)»<sup>3</sup>.

В дальнейшем, со второй половины 1990-х гг., началось более углубленное изучение отдельных групп «лишенцев», основанное на материалах различных регионов. Так, в сборнике работ уральских исследователей «лишенцам» посвящен отдельный раздел, в статьях которого рассматриваются различные категории: торговцы, «кулаки», бывшие государственные служащие, «служители религиозного культа»<sup>4</sup>. Подобный подход позволил более детально проанализировать отдельные категории «лишенцев», выявить специфику каждой из них. В этом же сборнике помещена статья А. П. Килина, в которой проводится анализ законодательства о лишении избирательных прав<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1969; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926-1937). Томск, 1990 и др.

<sup>2</sup> Добкин А. И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М., Спб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.

<sup>3</sup> Там же. С. 606.

<sup>4</sup> Байда Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Ниж. Тагил, 1997. С. 86-95; Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // Там же; С. 105–119; Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // Там же. С. 119-129; Фофанова Л. А. Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики репрессивной политики Советской власти // Там же. С. 130-135.

<sup>5</sup> Килин А. П. Категория граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (Анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 95-103.

В указанном сборнике особый интерес представляет исследование Ю. А. Русиной, посвященное категории «служителей религиозного культа»<sup>1</sup>. До этого данная категория «лишенцев» в литературе специально не рассматривалась. В статье приводится анализ демографической структуры, распределения по должностям, занимаемым в церкви, изменений в социальной принадлежности. Автор также обращает внимание и на мотивы восстановления в избирательных правах.

В работе С. А. Красильникова «лишенчество» рассматривается как часть системы ограничительно-дискриминационных мер большевистского режима в отношении широких слоев «непролетарского» населения в постреволюционную эпоху<sup>2</sup>. Обращается внимание на то, что «особый интерес для анализа представляет группа духовенства», т. к. священнослужители оказывались вдвойне жертвами дискриминационной политики: даже публичное отречение от церкви не гарантировало восстановления в правах, кроме того, необходимый для этого пятилетний «трудовой» стаж также оказывался для большинства из них недостижим. Работа носила постановочный характер, где сами «лишенцы» рассматривались в широком социальном контексте как часть маргинальных групп, одни из объектов осуществлявшегося большевиками глобального переструктурирования российского социума. В контексте репрессивной-дискриминационной политики государства лишение избирательных прав рассматривается также в исследованиях Т. И. Славко<sup>3</sup> и В. М. Кириллова<sup>4</sup>, базирующихся на материалах Урала.

В дальнейшем историки развернули трудоемкую, но чрезвычайно перспективную работу по изучению личных дел «лишенцев» на основе использования количественных методов. В этом плане отдельного внимания

---

<sup>1</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 119-129.

<sup>2</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917-конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998.

<sup>3</sup>Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930-1936 гг. М.: Мосгорархив, 1995.

<sup>4</sup>Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920е – начало 50х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920– 1930х гг.

заслуживает монография московских исследователей «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы»<sup>1</sup>, в которой впервые применительно к «лишенцам» использовались современные методы источниковедческого анализа с применением информационных технологий. Была разработана компьютерная модель личного дела и использована источникориентированная система KLEIO. В исследовании приведен подробный анализ занятий «лишенцев» Москвы, начиная с 1900 г. и заканчивая моментом лишения их избирательных прав. При помощи контент-анализа проведено изучение заявлений «лишенцев» в органы власти разных уровней, чтобы выяснить «какой образ «полноправного советского гражданина» можно сложить из представлений этих людей»<sup>2</sup>. Авторы впервые обратили внимание на необходимость рассмотрения позиций членов избирательных комиссий как субъектов принятия решений, в частности, на то, какие факторы могли оказывать влияние на восстановление в правах или на отказ в этом.

В начале 2000-х гг. данная проблематика оказалась в поле зрения отечественных историков, изучавших характер и формы социально-политической и культурной адаптации различных групп социума в условиях глобальных трансформаций в России первой трети XX в. Проблемы политики «социальной инженерии» и ее воздействия на статус и судьбы тех, кто оказался после революции в маргинальном состоянии, поднимаются в работе Т. М. Смирновой<sup>3</sup>. Автором освещаются вопросы, связанные с положением «бывших», особенностями их самоидентификации и отношением окружающих к «социально чуждым» на уровне бытового общения. Категории священнослужителей автор касается в контексте рассмотрения «покаянных» писем и реакции на них властей. Значимость проведенного Т. М. Смирновой исследования состоит в том, что проблема «бывших», в т.ч. и священнослужителей, показана в контексте изучения базового спектра стратегий выживания значительных масс населения в условиях

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998.

<sup>2</sup>Там же. С. 82.

<sup>3</sup>Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003.

становления тоталитарного режима с органично присущими ему механизмами дискриминаций «снизу доверху».

В исследовании М. С. Саламатовой детально рассматривается советское законодательство в отношении «лишенцев», а также его применение на практике к «лишенцам» Западной Сибири<sup>1</sup>. Ею анализируется численность, состав и структура сельских и городских «лишенцев» на материалах г. Новосибирска и нескольких районов Новосибирской области. Такое комплексное изучение позволило сравнивать социально-демографические характеристики категории «служителей религиозного культа» с показателями других групп «лишенцев». Более подробно к категории священнослужителей автор обращается, рассматривая жизненную стратегию «лишенцев», тактики их поведения. Так, в отношении городских «лишенцев», причисленных к категории «служителей культа», автором выделяются две основные тактики поведения – одни оправдывались и каялись, другие (их было значительно меньше) пытались отстаивать право на свободу вероисповедания. Для сельских священнослужителей, лишенных избирательных прав, как отмечает автор, главным требованием было снятие непосильного налогового бремени, и за свою деятельность они не раскаивались.

Более подробно на сельских священнослужителях-«лишенцах» М. С. Саламатова останавливается в другом исследовании<sup>2</sup>, где рассматривает отдельные категории сельских «лишенцев». Автор обращает внимание на то, что для сельских жителей было характерно лишение избирательных прав по нескольким пунктам 65 статьи Конституции: «...против...священнослужителей, помимо основного, выдвигались обвинения в эксплуатации наемного труда, сдаче в наем сельскохозяйственных машин, ведении торговли т.п.»<sup>3</sup>. Проанализировав имущественное положение сельских «лишенцев»-священнослужителей, автор делает вывод, что основная масса последних по своим характеристикам даже не приближалась к зажиточным слоям деревни. Но при этом большинство

---

<sup>1</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007.

<sup>2</sup>Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008.

<sup>3</sup>Там же. С. 51.

священнослужителей облагались налогом, значительно превосходившим не только размер доходов, но и стоимость всего имущества в целом. Отсюда очевиден вывод, что основанные на имущественных признаках налоговые механизмы служили лишь инструментом для реализации политических целей ликвидации церкви.

Таким образом, в 2000-е гг. тенденции, появившиеся в изучении лиц, лишенных избирательных прав, получают дальнейшее развитие. Появляются исследования, посвященные как «лишенцам» отдельных регионов (Мордовии, Западного региона РСФСР, Алтая, Тверского региона, Крыма, Северной Осетии др.), так и различным категориям лиц, лишенных избирательных прав<sup>1</sup>. В отдельных статьях лишение избирательных рассматривается как метод давления и репрессивная мера<sup>2</sup>.

Из числа монографий, посвященных проблеме «лишенчества», следует отметить работу Д. В. Валуева, основанную на материалах Смоленской губернии и Западной области<sup>3</sup>. Анализируя вопросы, связанные со взаимоотношениями «лишенцев» и общества, а также методы, к которым они прибегали для восстановления в избирательных правах, автор касается группы «служителей религиозного культа». Д. В. Валуев, как и другие исследователи, отмечает, что

---

<sup>1</sup>Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на материалах Западного региона РСФСР). Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Брянск, 2003; Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Саранск, 2005; Полякова Д. А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 65–68; Царикаев А. Т., Джиникаева Д. О. Лишение избирательных прав в Северной Осетии во второй половине 1920-х годов. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № S11. С. 143-147; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.) Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2009; Карпычева Е. В. Правовое регулирование формирования механизмов лишения и восстановления избирательных прав по Тверскому региону в 1918-1936 гг. // Пробелы в российском законодательстве. М., 2010, № 3. С. 241-243; Серокурова Л. А. "Лишенцы" Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921-1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2010.

<sup>2</sup> Куренкова Ю. О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 88-95; Климук Я. А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007, № 4-1. С. 131–135; Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483-496; Никулин В. В., Шеин Э. А. Ограничение избирательных прав как фактор правового неравенства в советской России (1920-е гг.). // Вопросы современной науки и практики. 2010. № 4-6. С. 281-289; Кринко Е. Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3(7). Сыктывкар, 2011. С. 81-85.

<sup>3</sup>Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

решающим фактором для получения права голоса становилось снятие сана и отречение от веры<sup>1</sup>.

Следует отметить, что темой «лишенчества» занимаются не только историки, но и праведы. В своих исследованиях они рассматривают «лишенчество» как отдельный этап в развитии системы советского избирательного законодательства<sup>2</sup>. Одним из новейших исследований является монография М. С. Саламатовой «Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918-1936 гг.)», в которой лишение избирательных прав рассматривается в контексте становления советской избирательной системы<sup>3</sup>.

Специальной работой, в которой рассматривается проблема лишения избирательных прав именно православного духовенства, стала статья З. Ш. Мавлютовой<sup>4</sup>. Исследование базируется на материалах Тобольского и Тюменского округов Уральской области. В ней отражены численность и состав священнослужителей-«лишенцев» данных округов. Кроме того, автор достаточно обстоятельно останавливается на поведенческом факторе. З. Ш. Мавлютова анализирует заявления «лишенцев», выделяет аргументы и мотивы, которые, по мнению апеллянтов должны были повысить шансы на успех. При этом, к сожалению, отсутствуют данные о доле восстановленных священнослужителей, что не позволяет судить об успешности их тактик.

Дальнейшее развитие данная тема получила в другой статье Ю. А. Русиной<sup>5</sup>. Автор на более обширном материале вновь обращается к социокультурным

---

<sup>1</sup>Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. С. 122.

<sup>2</sup>Белоновский В. Н. Лишение избирательных прав как мера юридической ответственности // История государства и права. 2009, № 9. С. 13-16; Дуксин П. А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20-30-х годов XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009, № 5. С. 20-23. Туманов Д. Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан // Евразийский юридический журнал № 4 (47). 2012. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=3031:lr-----&catid=184:2010-12-13-11-50-40](https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3031:lr-----&catid=184:2010-12-13-11-50-40) (дата обращения: 12.02.2017)

<sup>3</sup>Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918-1936 гг.), Новосибирск, 2016.

<sup>4</sup>Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

<sup>5</sup>Русина Ю. А. "Нет права голоса - нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 192-200.

характеристикам, а также проводится содержательный анализ заявлений. Кроме того, в указанной статье автор рассматривает такой важный аспект «лишенчества» как лишение избирательных прав членов семей.

В статье Н. А. Давыдовой, основанном на эмпирическом материале, рассматривается положение «служителей религиозного культа», лишенных избирательных прав в Севастополе. Автор делает вывод, что «для многих служителей культа статья 15-М Инструкции о выборах стала приговором, поскольку автоматически лишала хлебных, кооперативных карточек, а значит и средств к существованию»<sup>1</sup>. При этом продолжительность службы в церкви не имела значения. Относительно восстановления в правах несколько спорным кажется утверждение автора о том, что для этого обязательно требовалось выступление с порицанием религии в местной печати. Численность восстановленных Н. А. Давыдова не указывает, ограничившись замечанием, что таковых насчитывалось единицы. Более подробно автор рассматривает последствия лишения избирательных прав для служителей культа, в частности, связанные с выселением из города.

Постановочный характер носит работа Н. С. Петрищевой, основой которой послужили не материалы личных дел, а законодательно-нормативные документы, а также работы других авторов<sup>2</sup>. На материалах Мордовии социальный портрет служителей культа, лишенных избирательных прав рассматривает в своих статьях Н. М. Ергина (Морозова)<sup>3</sup>. Автор анализирует социально-демографические

---

<sup>1</sup>Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> Дата обращения: 12.05.2012.

<sup>2</sup>Петрищева Н. С. Выбери, если достоин?: К вопросу о политической дискриминации священнослужителей в годы нэпа // Кубанские исторические чтения: Материалы первой межвузовской научно-практической конференции (Краснодар, 14 мая 2010 г.). Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2010. С. 66-70; Петрищева Н. С. Священный долг или политическая лояльность?: исторический опыт участия священнослужителей в политической жизни страны // Духовные ценности российского общества в XXI веке: материалы VI научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studydoc.ru/doc/2550129/petrishheva-n.s.--svyashhennyj-dolg-ili-politicheskaya> (дата обращения: 16.12.2016).

<sup>3</sup>Морозова Н. М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918-1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199-205; Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 61-67.

характеристики, отчасти тактики поведения и итоги борьбы за восстановления в правах. При этом в результате проведенной выборки из общей базы данных «лишенцев» количество изучаемой категории составило менее ста человек, из которых почти половина приходится на членов семей священнослужителей-«лишенцев».

Проблема лишения избирательных прав затрагивалась и в исследованиях зарубежных авторов. В статье Ш. Фицпатрик<sup>1</sup> лишение избирательных прав рассматривается в контексте динамики социальной структуры советского общества 1920-х–1930-х гг. Кроме того, Ш. Фицпатрик является автором монографии о «повседневном сталинизме»<sup>2</sup>, в которой одна из глав посвящена «лишенцам». В ней исследуются проблемы взаимоотношений «отверженных» и «полноценных» граждан, обращается внимание на сложности существования и выживания «лишенцев» в обществе, барьерах, с которыми сталкивались они в повседневной жизни, и на попытках найти выход из тяжелых жизненных ситуаций. Для анализа заявлений «лишенцев» в органы власти особый интерес представляет другая работа Ш. Фицпатрик, посвященная проблемам индивидуальной идентичности<sup>3</sup>. В ней автор останавливается на стилистике, жанрах, языке, индивидуальной самопрезентации в письмах во власть.

Проблему «лишенчества» в контексте повседневной жизни затрагивает также американский исследователь В. Бровкин в книге «Россия после Ленина: политика, культура и общество, 1921-1929»<sup>4</sup>. Автор рассматривает категорию «лишенцев», исследуя результаты взаимодействия большевиков с обществом в условиях новой экономической политики. Затрагивается также проблема приспособления населения к новым порядкам, в том числе, и в вопросе социальной и политической идентификации.

---

<sup>1</sup>Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. №8. С. 16-31.

<sup>2</sup>Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

<sup>3</sup>Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

<sup>4</sup>Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921-1929. London, 1998.

Зарубежным исследованием, специально посвященным проблеме лишения избирательных прав, является монография американской исследовательницы Г. Алексопулос<sup>1</sup>. Автор рассматривает «лишенчество» как одну из форм политических репрессий. Особо ценно данное исследование тем, что автор использовала при написании работы материалы личных дел «лишенцев». В исследовании обращается внимание на содержание и стилистику заявлений, выделяется шесть типов аргументаций<sup>2</sup>.

Таким образом, история лишения избирательных прав в СССР остается активно развивающейся предметной областью. Большое влияние на это оказала возможность работать с ранее засекреченными архивными материалами, в первую очередь, личными делами «лишенцев». При работе с данными источниками разрабатываются и применяются различные методики с использованием компьютерных технологий<sup>3</sup>. Проблема лишения избирательных прав рассматривается в контексте всей дискриминационно-ограничительной политики, проводившейся советской властью. Появляются исследования, посвященные отдельным категориям «лишенцев». Но до настоящего времени комплексное изучения категории православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» не проводилось. Дальнейшего изучения требуют тактики и стратегии поведения священнослужителей в попытках восстановиться в избирательных правах, и особенно зависимость от аргументации решений избирательных комиссий. Поэтому проблемы лишения и восстановления в правах как всей категории «служителей религиозного культа», так и, в частности, православного духовенства, требуют дальнейшей специальной разработки.

---

<sup>1</sup>Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926-1936*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2003.

<sup>2</sup> Там же. С. 102

<sup>3</sup>Тихонов В. И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс] URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml>; Морозова Н. М. Социальный портрет «лишенцев» Мордовского края: источники и методы исследования // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатике: Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., Барнаул, 2003. С. 158–173; Серокурова Л. А. Опыт систематизации «фонда лишенцев» Севастопольского района: вопросы создания базы данных // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., Барнаул, 2008. С. 146–148.

**Объектом данного исследования** выступает категория православных сельских и городских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западно-Сибирского региона, **предметом** – социальные и поведенческие характеристики данной категории, порожденные их дискриминационным статусом.

**Цель работы** состоит в реконструкции на научной основе процессов, связанных с динамикой статуса, облика и поведенческих действий православных священно- и церковнослужителей – «лишенцев» в ходе их взаимодействия с региональными органами власти в изучаемый период.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Определить статус православных священно- и церковнослужителей в социальной структуре постреволюционного общества 1920-х–1930-х гг.

2. Рассмотреть последствия лишения избирательных прав для данной категории в раннесоветском обществе.

3. Выявить демографические и социально-культурные характеристики данной категории «лишенцев».

4. Определить адаптационные барьеры и механизмы адаптации изучаемой группы.

5. Реконструировать тактики поведения православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев», а также членов их семей в борьбе за восстановление в избирательных правах.

6. Раскрыть путем дискурсивного анализа заявлений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» потенциал их адаптивного поведения.

**Территориальные рамки** диссертационного исследования охватывают Западно-Сибирский регион. Административно-территориальное деление в изучаемый период отличалось непостоянством. До 1930 г. существовала окружная система, а с 30 июля 1930 г. образован Западно-Сибирский край. Поэтому представляется возможным применительно к территориальным рамкам исследования использовать более нейтральный и универсальный термин «регион». Изучение сельских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» проводилось на

материалах тридцати шести районов Западно-Сибирского края, которые до 1930 г. входили в состав Новосибирского, Барабинского, Каменского, Томского, Омского, Бийского, Рубцовского округов. Исследование городских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» ограничивается городами Новосибирском, Томском, Омском, Барнаулом, Бийском.

**Хронологические рамки работы** – середина 1920-х – середина 1930-х гг. Несмотря на то, что лишение избирательных прав вводилось еще в Конституции 1918 года, только к середине 1920-х гг. оформились процессуальные нормы лишения и восстановления в избирательных правах. Именно на эти годы приходится массовый поток жалоб и ходатайств «лишенцев». К этому же периоду относится формирование «личных дел». Завершение практики лишения избирательных прав и формальная ликвидация института «лишенчества» наступили с принятием Конституции СССР 1936 г.

**Источниковая база.** Для решения поставленных задач использовался широкий круг письменных источников различных видов: законодательно-нормативные документы, делопроизводственная документация, справочно-статистические материалы, материалы периодической печати.

К группе законодательно-нормативных документов, связанных с лишением избирательных прав, относятся Конституции РСФСР 1918 г., 1925 г. и Конституция СССР 1936 г.<sup>1</sup> Положения Конституции детализировались и уточнялись в инструкциях о выборах в Советы<sup>2</sup>. Изучение инструкций позволяет проследить изменения, происходившие на протяжении 1920-х – 1930-х гг. относительно процедурных вопросов лишения и восстановления в избирательных правах, а также состава лиц, подлежащих лишению. Вопросы, связанные с лишением избирательных прав, нашли свое отражение и в документах партийных органов<sup>3</sup>. К

---

<sup>1</sup> Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

<sup>2</sup> СУ РСФСР. 1922. № 51; СУ РСФСР. № 71; СУ РСФСР. 1925. № 79; СУ РСФСР. 1926. № 75; СУ РСФСР. 1930. № 54; СЗ СССР. 1934. № 50.

<sup>3</sup> Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О лишенцах». Из протокола заседания Политбюро № 120, п. 43 от 15 марта 1930 г. // Архивы Кремля. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 149-150.

данной группе относятся также постановления, касающиеся положения Русской Православной Церкви<sup>1</sup>.

Следующая группа источников – делопроизводственная документация. В советское время объем делопроизводственных документов значительно возрастает, а также увеличивается их роль в отражении всех аспектов жизнедеятельности общества<sup>2</sup>. В нашем исследовании использовались следующие виды делопроизводственной документации:

- Деловая переписка
- Информационные документы
- Протокольная документация
- Отчетная документация
- Учетная документация

*Деловая переписка* включает в себя переписку между партийными деятелями по вопросам лишения избирательных прав, обращения церковных лидеров в органы власти. Переписка между избирательными комиссиями различных уровней позволяет изучать механизмы их взаимодействия и мнения относительно принятия решений. К данной группе принято также относить письма во власть<sup>3</sup>. В нашем случае это коллективные или личные письма с жалобами на нарушения в сфере лишения избирательных прав и на сопутствующие дискриминационные меры.

*Информационные документы* представлены сводками о перевыборах в советы. Данный вид документа содержит разнообразный фактический материал, отражающий реакции населения, поведение самих священнослужителей-«лишенцев», а также деятельность и, в том числе, нарушения местных властей.

*Протокольная документация* представлена протоколами заседаний краевой, окружных, городских, районных избирательных комиссий с решениями и

---

<sup>1</sup>Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. М., 1995; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996.

<sup>2</sup>Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 239.

<sup>3</sup>Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД [Электронный ресурс]. URL: <http://pkk.memo.ru/> (дата обращения: 17.11.2016).

обоснованием о лишении или восстановлении в избирательных правах. *Отчетная документация* включает в себя отчеты и доклады о проведении кампаний по перевыборам в советы. В данном виде документов нашли отражение динамика численности «лишенцев», итоги деятельности избирательных комиссий, поведение «церковников» и «лишенцев».

*Учетная документация* представлена списками «служителей культа» и списками «лишенцев», хранящихся в фондах районных и городских исполкомов. Списки лиц, лишенные избирательных прав, могли различаться по формуляру: так, в одних могли указываться только фамилии с инициалами, иногда даже без указания причины лишения, тогда как другие содержали информацию о фамилии, имени и отчестве, годе рождения, составе семьи, о времени и причине лишения избирательных прав. Для выявления лиц, лишенных избирательных прав как «служители религиозного культа», привлекались списки «лишенцев», находящиеся в фондах Сибкрайисполкома (Ф. Р-47) и Новосибирского окрисполкома (Ф. Р-1228), так как не во всех фондах районных исполкомов содержатся списки «лишенцев» с указанием причины лишения избирательных прав. После выявления в списках районных, городских, окружного, краевого исполкомов «служителей религиозного культа» проводилась работа с описями данных фондов для выявления личных дел православных священно- и церковнослужителей. Всего было выявлено и обработано 412 личных дел священно- и церковнослужителей-«лишенцев».

Основой источниковой базы стал комплекс массовых делопроизводственных документов – личных дел «лишенцев». Личные дела «лишенцев» стали формироваться с середины 1920-х гг. (в нашей выборке самое раннее датирование – 1927 г.). Чаще всего основанием для заведения дела являлось заявление с ходатайством или жалобой в избирательные комиссии. В большинстве своем апелляции подавали бывшие священно- и церковнослужители. В случае с представителями сельского духовенства, дело заводилось также и на продолжавших служить в церкви священников, если они обращались с жалобами в налоговые комиссии на незаконно завышенное, по их мнению, налогообложение.

Кроме того, в 1930 году в некоторых районах личные дела заводились на продолжавших служить в церкви священников, не обращавшихся с заявлениями. Это, по всей видимости, связано с деятельностью комиссий по проверке списков «лишенцев» и рассмотрения жалоб на незаконное лишение избирательных прав. В этом случае в личном деле находилась лишь выписка из протокола заседания избирательной комиссии с постановлением о лишении избирательных прав.

Личные дела православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» представляют собой сложный комплекс документов, которые создавались разными людьми, преследовавшими различные цели. Структура и состав материалов личных дел обуславливаются тремя обстоятельствами: стремлением «лишенца» добиться восстановления в избирательных правах, желанием членов комиссии определить настоящее положение дел и бюрократической процедурой рассмотрения личного дела. Процесс рассмотрения заявления «лишенца» предполагал участие в ней трех субъектов дела: самого «лишенца»; разных физических и юридических лиц, дававших характеристику личности заявителя и подтверждавших или опровергавших изложенные им факты биографии; членов избирательной комиссии. Соответственно в комплексе документов личного дела выделяются три группы документов: личные, сопроводительные и документы комиссии<sup>1</sup>.

Первая группа представлена документами, автором которых являлся «лишенец», в них излагается его версия происшедшего. К данной группе относятся жалобы на незаконное лишение избирательных прав или ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Чаще всего «лишенцы» называли свои обращения заявлениями, в некоторых случаях как жалобами, совсем редко – ходатайствами. Отнести обращение к тому или иному виду можно только исходя из содержания заявления. В жалобах «лишенцы» опровергали законность лишения избирательных прав, а в ходатайствах, признавая правомерность лишения, оправдывались, ссылаясь на различные жизненные обстоятельства. Кроме

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. С. 52.

заявлений к данной группе принадлежат также карточки и анкеты, заполненные лишенцем или членами избирательных комиссий. Изредка встречаются автобиографии в качестве отдельных документов, хотя изложение собственной жизни, начиная с рождения характерно для заявлений.

Личные документы богаты фактическим материалом, но при использовании его необходимо осознавать, что факты, приводимые «лишенцем», подбирались с целью произвести наиболее благоприятное впечатление на членов избирательной комиссии. Тем не менее, информация из заявлений и анкет проверялась членами избирательной комиссии, кроме того, «лишенцы» должны были подтверждать изложенные сведения различными справками. Потому степень достоверности данного источника находится в прямой связи с количеством и качеством прилагаемых к заявлениям сопутствовавших документов.

Вторая группа состоит из сопроводительных документов. Кроме документов, прилагаемых самим «лишенцем», члены избирательных комиссий могли делать запросы в различные организации для проверки и уточнения информации о нем. Данная группа документов крайне разнообразна по своему составу. К ней относятся справки с места учебы, работы, места жительства, от приходских советов, справки о налогах, доходах социальном положении. К данной группе также относятся справки о состоянии здоровья, копии свидетельств о смерти и расторжении брака. Встречаются копии или оригиналы профсоюзных билетов, трудовых книжек, окладные листы, удостоверения от частных лиц (в частности, коллективные письма от жителей села в поддержку заявителя), описи имущества, составляемые при «раскулачивании», а также доносы на «лишенцев». Особенностью сопроводительных документов из личных дел священно- и церковнослужителей является наличие коллективных писем от прихожан в органы власти. Такие обращения характерны для личных дел сельских священников, продолжавших службу в церкви и страдавших от завышенного налогообложения. Доносы фигурируют в делах несколько реже, и могли быть как коллективными, так и написанными отдельными людьми. Озаглавливались они обычно как заявления,

иногда справки. В них, как правило, указывалось, что священно- или церковнослужитель имеет большой доход, эксплуатирует батраков и т.п.

Материалы сопроводительных документов дополняют сведения из заявлений, тем не менее, они не менее тенденциозны. «Лишенец» мог повлиять на содержание многих документов – разнообразных характеристик, справок с работы, отзывов, например, от членов приходского совета. Еще более тенденциозными являются сведения, содержащиеся в доносах соседей и представителей местной власти. Поэтому, чтобы иметь возможность объективно судить о «лишенце», необходимо сопоставлять сведения из разных групп документов.

Третья группа представлена документам, принадлежащими избирательной комиссии и отражающими ход и этапы рассмотрения дела. Данную группу составляют выписки из протоколов избирательных комиссий, резолюции избирательных комиссий с обоснованием принятого решения, запросы в различные инстанции, извещения о принятом комиссией решении, сопроводительные письма и записки. Решения комиссии в личном деле могли быть представлены как самостоятельными документами – выписками из протоколов, так и записями на самих заявлениях.

Особенностью документов личных дел «лишенцев», является то, что: сведения не формализованы и излагаются в свободной форме, носят преимущественно нарративный характер, имеют различную, нередко противоположную тенденциозную направленность, а сами личные дела крайне неоднородны по объему и составу.

В настоящее время существует два подхода к созданию исторических баз данных: источник-ориентированный и проблемно-ориентированный. Первый подход заключается в том, что источник воспроизводится полностью. Второй подход предполагает создание теоретической модели изучаемого явления и в соответствии с ней из источников извлекаются показатели, отражающие анализируемый проблемный аспект<sup>1</sup>. Оба подхода имеют свои достоинства и

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. С. 8.

недостатки и зависят от целей, поставленных исследователем. В известной работе В. И. Тихонова, В. С. Тяжелниковой, И. Ф. Юшина, посвященной московским «лишенцам», использовался первый из указанных подходов. Для достижения целей и задач нашей работы более подходящим является сочетание источник-ориентированного и проблемно-ориентированного подхода.

При работе с делами «лишенцев» использовалась методика «унифицированной» анкеты. При определении информационных полей базы данных брались пункты анкет из личных дел и признаки, ответы на которые содержатся в большинстве личных дел. База данных подготовлена с использованием программы Microsoft Excel. Учитывалось, что в некоторых личных делах содержались данные на нескольких лиц, в этом случае информацию о каждом вводили в отдельную строку. Чтобы сохранить информацию из источника, касающуюся каждого «лишенца», и иметь возможность анализировать данные, были выделены поля с формализованной информацией и поля, воспроизводящие информацию источника. Созданная база данных содержит 51 поле (см. Приложение А).

Для изучения заявлений православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» применялся метод контент-анализа, состоящий из трех основных этапов: 1) выделяются единицы анализа, которые затем сводятся в категории анализа; 2) проводится подсчет частот категорий, применяется различный математический аппарат для выявления взаимосвязей между ними; 3) осуществляется интерпретация полученных результатов<sup>1</sup>. Нами было выделено 55 категорий контент-анализа (см. Приложение Б), которые подразделяются на семь блоков: утверждение трудового статуса; отрицание «нетрудового» статуса; сетования на жизненные тяготы; оправдание службы в церкви; причины лишения и обстоятельства рассмотрения дела; обращения к органам власти; доказательства лояльности.

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И. Проблемы категоризации при контент-анализе // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации "История и компьютер". М., 1996. С.278-289.

В одном личном деле могло находиться несколько заявлений, подававшихся в разное время и в избирательные комиссии различных уровней. Поэтому существует вероятность смещения результатов в сторону заявлений от лиц, которые чаще обращались в органы власти. В. И. Тихонов решил эту проблему путем предварительной типологии заявлений. «В ее основе лежало предположение о зависимости содержания от социального облика лишенцев и ситуации, в которой они оказались. Окончательную типологию и дальнейший контент-анализ планировалось проводить, опираясь уже не на отдельные заявления, а на их предварительные типы, т.е. группы заявлений»<sup>1</sup>. В нашем исследовании за единицу счета также было принято не отдельное заявление, а все заявления, относящиеся к одному лицу.

К группе делопроизводственных документов принадлежат также судебно-следственные дела репрессированных православных священнослужителей, находящиеся на хранении в государственном архиве Алтайского края. Состав дел включает в себя ордер на арест, обыск, арестный лист; удостоверения личности и анкетно-регистрационные данные; протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, обвинительное заключение, протоколы заседаний Особой Тройки при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. Использование материалов следственных дел репрессированных священнослужителей позволяет дополнить информацию личных дел «лишенцев», проследить судьбы отдельных священнослужителей, а также рассматривать лишение избирательных прав в контексте репрессивно-дискриминационной политики.

К группе справочно-статистических материалов относятся справочные книги по Томской и Омской епархии за 1914 год<sup>2</sup>, сведения из которых позволили частично дополнить информацию из личных дел относительно года рождения, образования и времени рукоположения священнослужителей. Кроме того, для дополнения информации из архивных материалов о дальнейших судьбах

---

<sup>1</sup>Тихонов В.И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс] URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml>

<sup>2</sup>Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914; Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.

«лишенцев» изучаемой категории была использована книга «Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период», в которой приводятся сведения о репрессированных церковно- и священнослужителях, тех, кто отбывал ссылку, находился в тюрьмах и был расстрелян на территории Томской области<sup>1</sup>. Информация о репрессиях содержится и в книгах памяти Томской, Омской, Новосибирской областей и Алтайского края<sup>2</sup>. Сведения о репрессированных священнослужителях содержатся также в электронной базе данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.»<sup>3</sup>. В работе Б. Каврайского и И. Хамармера приводятся сведения о динамике численности «лишенцев» в 1928–1929 гг., в том числе «служителей религиозного культа»<sup>4</sup>. Материалы всесоюзной переписи 1926 года позволяют судить о демографическом составе православных священно- и церковнослужителей, их численности<sup>5</sup>.

К отдельной категории источников принадлежит периодическая печать. В данном исследовании она представлена газетами «Советская Сибирь», «Красное знамя», «Красный Алтай», «Рабочий путь». Так, в статьях «Советской Сибири», посвященных перевыборам в советы, рассматривались вопросы лишения избирательных прав по всему Сибирскому региону, отмечались факты «перелишения» и «недолишения», а также находила свое отражение реакция общества и самих «лишенцев» на инструкции о выборах в советы. Кроме того, в региональной периодической печати публиковались письма с отречениями

---

<sup>1</sup>Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004.

<sup>2</sup>Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005-2014. Вып. 1,2,4; Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей. Томск, 1991-1999. Тт. 1-5.; Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск, 2000-2004. Тт. 1-11; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 1998-2001. Тт. 1-3.

<sup>3</sup>База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [Электронный ресурс]. URL: [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/charset/ans](http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans)

<sup>4</sup>Каврайский Б. Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. Новосибирск, 1929.

<sup>5</sup>Всесоюзная перепись 1926 года. Отдельный оттиск табличной части тома XXIII. Отдел II. М., 1930.

бывших священнослужителей, списки священников, снимавших с себя сан, а также заявления детей «лишенцев» с отказами от родителей.

Таким образом, комплекс разнообразных нарративных и документальных источников, составивший источниковую базу, позволят решить поставленные задачи.

**Методологическую основу работы** составляют общенаучные и специальные исторические принципы и подходы. Системный подход дает возможность представить общество в виде сложной иерархической системы, а лиц, лишенных избирательных прав, его составной частью. Священно- и церковнослужители, в свою очередь, являлись частью системы – православной церкви, объединявшей их на институциональной основе.

Одним из наиболее значимых в исторической науке является принцип историзма, предполагающий изучать явление в контексте исторического процесса, не привносить в это изучение дух, свойства, понятия другого времени в качестве критерия понимания и оценки. Историзм основывается на трех главных принципах: «различие между прошлым и настоящим, соблюдение исторического контекста и восприятие истории как процесса»<sup>1</sup>.

Данное исследование написано в русле социальной истории, предполагающей изучение комплекса взаимоотношений общества и власти. «Социальная история — это форма исторического исследования, в центре внимания которой находятся социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических и культурных структурах и процессах; она часто характеризуется использованием теорий общественных наук и количественных методов»<sup>2</sup>.

В работе использованы методы, выработанные в рамках таких направлений, как: история повседневности, историческая антропология, биографическая история, микроистория. Для данных направлений характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур, социальных общностей – на изучение микромиров, взаимодействия людей в небольших

---

<sup>1</sup>Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка М., 2000. С. 36.

<sup>2</sup>Ritter H. Dictionary of Concepts in History. NY. 1986. P. 408. Цит. по: Миронов Б. Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 56.

группах, стратегий поведения индивидов и семей. «Микроистория нужна для того, чтобы, присматриваясь к индивидуальным стратегиям людей, разглядеть ранее не замеченные тенденции или явления в жизни изучаемой эпохи»<sup>1</sup>. В данных направлениях уделяется особое внимание изучению, противоречивости, многообразия, динамики и преемственности исторического процесса, что, крайне важно для исследования периода 1920-1930-х гг. М. М. Кром отмечает глубокое внутреннее родство истории ментальностей, исторической антропологии, микроистории и истории повседневности<sup>2</sup>.

Сквозь призму истории повседневности, благодаря исследованию на микроисторическом уровне, наиболее рельефно прослеживается реальное преломление политических, экономических, культурных процессов макроуровня. Как писал французский историк А. Про, микроистория «...путем сопоставления многочисленных источников изучает социальные практики, самосознание, родственные связи, жизненный путь отдельных индивидов и целых семей вместе со всеми представлениями и ценностями, которые они с собой несут»<sup>3</sup>.

Помимо микроуровня существует мезоуровень, представленный отдельно взятым регионом – Западной Сибирью. В то же время для выявления закономерностей социокультурной динамики изучаемой группы необходимо рассматривать ее в макроисторическом контексте.

В работе применяются специальные методы исторического исследования. Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности развития категории священно- и церковнослужителей-«лишенцев» как дискриминируемой группы. Историко-сравнительный метод дает возможность проводить сравнение социально-культурных, поведенческих характеристик как внутри изучаемой группы, так и с другими категориями «лишенцев». С помощью историко-типологического метода в изучаемой категории «лишенцев» выделяются группы по различным показателям, в частности, по

---

<sup>1</sup> Кром М. М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // Архангельский хронограф. [Электронный ресурс]. URL: <http://achronicle.narod.ru/krom.html> (дата обращения: 15.05.2012).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 240.

тактикам поведения в борьбе за свои права. Для изучения жизненных путей и священно- и церковнослужителей, использовался метод просопографии. Для выявления и фиксирования количественных изменений использовались методы статистической обработки. При изучении текстов заявлений православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» применялись методы контент-анализа и дискурсивного анализа.

Понятийный аппарат является неотъемлемой частью методологии. Одними из основных в данной работе являются термины священно- и церковнослужители. *Священнослужители* – служители церкви, имеющие одну из трех степеней священства: диаконство, священство, епископство. Под термином *церковнослужители* понимаются все лица, работающие в церкви, но не имеющие сана: псаломщики, пономари, певчие; к церковнослужителям отнесены также лица, работающие в храме, но не задействованные непосредственно в богослужении (просвирни, сторожа, старосты).

Одним из ведущих понятий является понятие «дискриминация». Под дискриминацией понимают «намеренное ограничение или лишение прав, преимуществ каких-либо лиц, организаций или государств по признакам расы, национальности, государственной принадлежности, имущественного положения, политических или религиозных убеждений и т.п.»<sup>1</sup>. Таким образом, лишение избирательных прав являлось одним из видов дискриминаций, имевшей в России периода 1918–1936 гг. несколько оснований (экономические, политические, религиозные и др.). При этом необходимо различать понятия «дискриминации» и «репрессия». Репрессия обычно определяется как «карательная мера, наказание, применяемые государственными органами»<sup>2</sup>. Несмотря на то, что лишение избирательных прав могло выступать в качестве сопутствующей меры к прямым репрессиям и часто являлось прологом к ним. Его следует относить к дискриминационным, а не репрессивным мерам.

---

<sup>1</sup> Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/дискриминация>

<sup>2</sup> Там же. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/репрессия>

Под маргинальностью понимается «потеря или отсутствие принадлежности к какой-либо социальной группе или классу; соответствующая утрата горизонтальных экономических, социальных и духовных связей; разрушение системы ценностных ориентации»<sup>1</sup>. С понятием «маргинальность» тесно связано понятие «социальной адаптации». В зарубежной и отечественной литературе дается множество разнообразных определений понятия «социальная адаптация», которая понимается и как процесс, и как конечный результат. Социолог Л. В. Корель, пытаясь систематизировать определения, предлагает следующую редакцию: «социальная адаптация есть состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы... к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций»<sup>2</sup>.

Л. В. Корель рассматривает специфику социальной адаптации в обществе с бифуркационной траекторией развития, т.е. средах с революционным, нестабильным, неустойчивым типом развития, с возможностью мгновенного перехода системы в качественно новое состояние<sup>3</sup>. Именно к такому типу среды следует отнести советское общество 1920-х–1930-х гг. Л. В. Корель выделяет следующие особенности социальной адаптации в условиях бифуркационной среды: высокая адаптивная нагрузка субъекта и высокий риск адаптивной неудачи; широкое распространение адаптивной асимметрии (рассогласование сознания и поведения) и катастрофической адаптации; доминирующими механизмами адаптации выступают «адаптация-защита», «адаптация-уход», «адаптация-реверсия», вытесняющая позитивную модель «адаптации-развития». Адаптациогенез в условиях бифуркаций проходит три стадии: социального шока, мобилизации адаптивных резервов и ответа на «вызов среды». А

---

<sup>1</sup> Политический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://vslovar.ru/slovo/politicheskii-slovar/marginalnost/222375> (дата обращения: 19.04.2017).

<sup>2</sup> Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 39.

<sup>3</sup> Там же. С. 302

институализированные и нормативно-регулятивные средства разрушаются почти до основания, поэтому субъект вынужден использовать в основном личные и статусные средства адаптации<sup>1</sup>.

В диссертационном исследовании используются также такие термины, как «лишенцы», «служители религиозного культа», «раскулачивание», которые не имеют строго научного характера, так как являются порождением сталинской эпохи. Поэтому необходимо употреблять данные термины в кавычках.

**Научная новизна** работы заключается в том, что она представляет собой первое комплексное исследование категории православных священно- и церковнослужителей, лишенных избирательных прав, на материалах Западной Сибири. Привлечение нового корпуса массовых источников с использованием современных информационных технологий дает возможность составить представление об основных демографических и социально-культурных характеристиках данной группы, а также сложном процессе адаптации и социальной мобильности «служителей культа» в постреволюционном обществе.

#### **Основные положения (научные выводы), выносимые на защиту**

1. В конце 1920-х гг. в русле доктринальной установки большевизма об «обострении классовой борьбы» происходит ужесточение дискриминационной политики в отношении т.н. бывших. Подтверждением этому стало значительное численное увеличение всех категорий «лишенцев», в т.ч. «служителей религиозного культа». Расширение достигалось путем включения в указанную учетную группу не только бывших и действующих священнослужителей, но также обслуживающего персонала церкви и даже простых прихожан.

2. Лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей являлось одной из мер, направленных на борьбу с Русской православной церковью. Проводимая наряду с репрессивной, дискриминационная политика вынуждала основную часть духовенства оставлять службу, а также способствовала сокращению числа прихожан и закрытию церквей, что вело к

---

<sup>1</sup> Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 338-339.

распаду социальных связей священников с группами социума, разжиганию социальных конфликтов между ними.

3. Маргинальный статус священно- и церковнослужителя распространялся на членов семьи, находившихся на его иждивении. К детям священнослужителей власти относились особенно настороженно, полагая, что те разделяют религиозные убеждения своих родителей. Восстановление в избирательных правах молодежи этих семей как правило предусматривало путь отказа от родителей, поэтому одним из долговременных последствий лишения избирательных прав стал раскол поколений.

4. По своему социально-демографическому составу данная корпоративная группа была представлена мужчинами среднего и преклонного возраста. Священнослужители в большинстве своем начинали служить до революции и имели высокий уровень образования относительно других категорий, что являлось фактором, способствовавшим социальной адаптации в обществе после оставления службы в церкви. Церковнослужители в основном начали работать в церкви после революции, они не обладали высоким уровнем образования, многие исполняли свои обязанности временно и безвозмездно.

5. Сопутствовавшие «лишенчеству» разнообразные дискриминационно-ограничительные меры создавали адаптационные барьеры, существенно ограничивавшие возможности адаптации бывших священно- и церковнослужителей в советском обществе. Особенно драматичной оказывалась судьба представителей сельского духовенства, которые причислялись властями к «кулакам» и подлежали «раскулачиванию» и высылке, апеллировать откуда оказывалось практически бесполезно, кроме того, получить трудовой стаж в деревне было значительно сложнее. Поэтому лишь незначительной части сельских «лишенцев» данной категории удалось добиться восстановления, тогда как в городах процент восстановленных был высоким.

6. В поведении священно- и церковнослужителей Западной Сибири в борьбе за восстановление в избирательных правах выделяются три основные тактики: одни категорически не соглашались с решениями властей, апеллировали к

законодательству, вторые подтверждали факт оставления церкви и этим и ограничивались, другие всячески демонстрировали свое негативное отношение к религии и лояльность и преданность советской власти.

7. Анализ заявлений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в органы власти показывает, что они вполне освоили новый идеологический дискурс и активно использовали его. Выделено три стилистических типа заявлений: официально-деловые, «идеологические», «наивные». К «идеологическому» стилю чаще прибегали «лишенцы», у которых отсутствовали законные основания для восстановления в правах.

8. Пик восстановлений в избирательных правах пришелся на 1930 г., но, на это же время приходится самое большое число репрессированных священнослужителей за период до 1937 г. Таким образом, наблюдаются две противоположные тенденции в политике власти по отношению к священнослужителям. С одной стороны – попытка исправить «перегибы» в деле лишения избирательных прав, с другой – усиление наступления на церковь.

### **Степень достоверности результатов проведенных исследований**

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается корректным использованием методов анализа исторических источников, в том числе составлением электронных баз данных на основе материалов личных дел священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Изучение городских священнослужителей-«лишенцев» проводилось на материалах фондов городских исполнительных комитетов Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, Бийска<sup>1</sup>. Исследование сельских священнослужителей-«лишенцев» основано на материалах фондов тридцати шести районов Западно-Сибирского края<sup>2</sup>.

**Теоретическая и практическая значимость** диссертации состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в научной и образовательной сфере, при написании обобщающих работ, разработке и чтении курсов по

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1347; ГАТО. Ф. Р-430, ГИАОО. Ф. Р-235; ГААК. Ф. Р-312, Р-652.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-384, Р-387, Р-392, Р-393, Р-395, Р-397, Р-398, Р-400, Р-407, Р-409, Р-411, Р-418, Р-435, Р-437, Р-438, Р-440, Р-443, Р-448, Р-449, Р-457, Р-471, Р-475, Р-489, Р-490, Р-912, Р-1175, Р-1207, Р-1228, Р-1242; ГАТО. Ф. Р-641, Р-737, Р-791, Р-801, Р-1023, Р-1041; ГААК. Ф. Р-674; ГИАОО. Ф. Р-1544.

отечественной истории, а также спецкурсов по истории репрессивно-дискриминационной политики советского государства в 1920-1930-е гг. и проблемам истории государственно- церковных отношений в указанный период.

**Апробация работы.** Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2011-2014 гг.), V межрегиональной научно-практической конференции «Сибирь на перекрестье мировых религий» (Новосибирск, 2011 г.), международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 2013-2016 гг.), всероссийской научной молодежной конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2013, 2016 гг.), региональном семинаре «Репрессированная сибирская провинция». (Новосибирск, 2013, 2016 гг.), международной научно-практической конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 - начале 50-х годов XX века» (Усть-Каменогорск, 2014 г.), межрегиональной научно-практической конференции «Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества» (Новосибирск, 2015 г.).

**Публикации по теме диссертации.** Результаты исследования представлены в 18 публикациях (10 статьях и 8 тезисах конференций), из которых 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Общий объем публикаций – 5,6 п.л.

*Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:*

1. **Москаленская Д. Н.** Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) / Д. Н. Москаленская // Вестник Новосибирского

государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 8. – С. 134–138. – 0,5 п.л.

2. **Москаленская Д. Н.** Личные дела священно- и церковнослужителей «лишенцев» как исторический источник / Д. Н. Москаленская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2015. – № 1. – С. 147–156. – 0,5 п.л.

3. **Москаленская Д. Н.** Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 403. – С. 82–86. – DOI: 10.17223/15617793/403/14. – 0,5 п.л.

*Web of Science: Moskalenskaya D. N.* Disfranchisement and restoration of voting rights of orthodox clergymen in Western Siberia in the mid-1920s – mid-1930s / D. N. Moskalenskaya // Tomsk state university journal. – 2016. – Vol. 403. – P. 82–86.

*Публикации в прочих научных изданиях:*

4. **Москаленская Д. Н.** Тактики поведения православных священно-церковнослужителей Западной Сибири в отстаивании своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс: история: материалы XLIX Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 16–20 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2011. – С. 234–235. – 0,1 п.л.

5. **Москаленская Д. Н.** «...Отрекаюсь от всего старого»: мотивы и возможности отстаивания священно- и церковнослужителями Западной Сибири своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) / Д. Н. Москаленская // Сибирь. Деревня. Город: сборник научных статей. – Новосибирск, 2011. – С. 34–44. – 0,6 п.л.

6. **Москаленская Д. Н.** Православные священно- и церковнослужители: последствия лишения избирательных прав и способы адаптации (на материалах Западной Сибири) / Д. Н. Москаленская // Сибирь на перекрестье мировых религий: материалы V Межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 135–139. – 0,35 п.л.

7. **Москаленская Д. Н.** Лишение избирательных прав сельского духовенства Западной Сибири. / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история : материалы 50-й юбилейной Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 13–19 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 266–267. – 0,1 п.л.

8. **Москаленская Д. Н.** Практика применения в Западной Сибири законодательства в отношении лишения избирательных прав православного духовенства в 1926–1930 гг. / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история : материалы 51-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 208–209. – 0,1 п.л.

9. **Москаленская Д. Н.** Социокультурный облик православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XII Международной научной конференции. Иваново, 20–21 февраля 2013 г. – Иваново, 2013. – С. 255–259. – 0,25 п.л.

10. **Москаленская Д. Н.** Современная отечественная историография проблемы лишения избирательных прав православного духовенства в середине 1920-х – середине 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сборник материалов III Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 21–24 августа 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 226–234. – 0,5 п.л.

11. **Москаленская Д. Н.** Лишение избирательных прав православных священников как пролог репрессий / Д. Н. Москаленская // Репрессированная сибирская провинция : материалы регионального научно-практического семинара. Новосибирск, 28–29 октября 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 19–25. – 0,3 п.л.

12. **Москаленская Д. Н.** Политика власти в отношении православного духовенства в постреволюционные годы: судьба священника А. П. Дзюбенко / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история :

материалы 52-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 11–18 апреля 2014 г. – Новосибирск, 2014. – С. 178–179. – 0,1 п.л.

13. **Москаленская Д. Н.** Восстановление в избирательных правах православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Международной научной конференции. Иваново, 12–13 марта 2014 г. – Иваново, 2014. – Ч. 2. – С. 557–561. – 0,25 п.л.

14. **Москаленская Д. Н.** Пути адаптации бывших священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в условиях постреволюционной эпохи / Д. Н. Москаленская // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века : материалы международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск, 30–31 мая 2014 г. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 336–349. – 0,5 п.л.

15. **Москаленская Д. Н.** Личные дела священнослужителей-«лишенцев» как источник для создания коллективной биографии / Д. Н. Москаленская // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 11 марта 2015 г. – Новосибирск, 2015. – С. 141–145. – 0,25 п.л.

16. **Москаленская Д. Н.** Социально-экономическое положение сельского духовенства Западной Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков : материалы XIV Международной научной конференции. Иваново, 18–19 марта 2015 г. – Иваново, 2015. – Ч. 1. – С. 233–235. – 0,1 п.л.

17. **Москаленская Д. Н.** Репрессии в отношении священнослужителей в 1920–1930 гг. (по материалам Омской Книги памяти) / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Международной научной конференции. Иваново, 23–24 марта 2016 г. – Иваново, 2016. – Ч. 1. – С. 262–264. – 0,1 п.л.

18. **Москаленская Д. Н.** «Порываю всякую связь...»: члены семей священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за свои права

(середина 1920-х – середина 1930-х годов) / Д. Н. Москаленская // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 25–27 августа 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 167–174. – 0,5 п.л.

## **Глава 1. Дискриминационный статус и его последствия для православных священно- и церковнослужителей**

### **1.1. Законодательство о лишении избирательных прав и практика его применения в Западной Сибири**

В теории избирательного права принято различать понятия «ограничение избирательного права» и «лишение избирательного права». Ограничение избирательного права предполагает правовые требования к возрасту, гражданству, продолжительности и сроку проживания на данной территории, профессиональной принадлежности избирателей и кандидатов. Эти требования фиксируются в конституционном или выборном законодательстве страны<sup>1</sup>.

В отличие от ограничения, лишение избирательного права является мерой превентивного или карательного характера, которое заключается во временной или бессрочной утрате гражданином избирательного права. «Лишение избирательного права может быть связано как с правомерным (недееспособность), так и с противоправным поведением субъектов права (совершение правонарушений). Лишение избирательного права кроме ограничения правосубъектности недееспособных лиц означает основное или дополнительное уголовное наказание, которое закреплено в санкции нормы права, носит личный характер и назначается судом с учетом общественной опасности правонарушения»<sup>2</sup>.

До 1917 г. в Российской империи действовали имущественные, налоговые и другие цензы. Так, согласно Положению о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г., права голоса были лишены: «лица женского пола; лица моложе двадцати пяти лет; обучающиеся в учебных заведениях; воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе; бродячие инородцы и

---

<sup>1</sup>Красинский В.В. Лишение избирательного права в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2008. № 15 (Вып. 4). С. 49.

<sup>2</sup> Там же.

иностранные подданные»<sup>1</sup>, а также некоторые должностные лица (губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, полицейские). От выборов также отстранялись недееспособные, осужденные за преступления, лишенные духовного сана или звания, находящиеся под следствием или судом по обвинению в совершении преступления, осужденные за уклонение от воинской повинности<sup>2</sup>.

С февральской революции 1917 г. начался принципиально новый этап в истории российского избирательного права. И хотя временные рамки его существования были очень коротки, принятые тогда законодательные акты, регулировавшие избирательную практику, оказались невиданными для российской истории. «Положение о выборах в Учредительное собрание» базировалось на демократических принципах избирательного права. Голосовать на выборах и избираться в Собрание могли граждане, достигшие 20-летнего возраста – на тот момент это был самый низкий возрастной ценз в мире<sup>3</sup>. Впервые в России отменялись цензы: имущественный, оседлости, грамотности, а также ограничения по религиозному и национальному признаку.

Состав избирателей существенно расширился. Женщины наделялись активным и пассивным избирательными правами, получили возможность участвовать в выборах, в то время как в большинстве стран женщины не имели такого права. Уникальным явлением стало наделение избирательными правами военнослужащих<sup>4</sup>.

Отстранялись от участия в выборах умалишенные, глухонемые, находившиеся под опекой. Избирательных прав лишались осужденные к каторге (в течение 10 лет по отбытии наказания), тюрьме или крепости с лишением или ограничением прав состояния (в течение 5 лет по отбытии наказания), заключению в исправительном доме, ссылке на поселение, осужденные за мошенничество или

---

<sup>1</sup>Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/> (дата обращения: 06.03.2012)

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup>Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/> (дата обращения: 06.03.2012)

<sup>4</sup>Веденеев Ю. А., Богодарова Н. А. Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга, 2002. С. 575-576.

растрату, кражу, а также действия, имевшие целью нарушения свободы выборов (в течение 3 лет по отбытии наказания), военные-дезертиры, несостоятельные должники, а также члены царской фамилии<sup>1</sup>.

Таким образом, на данном этапе избирательное право в России стало одним из самых демократичных. Но, к сожалению, в дальнейшем этот положительный опыт не был закреплён. Большевики вскоре после прихода к власти, используя новое законодательство, ввели запрет на участие в выборах для части населения. Согласно 65 статьи Конституции РСФСР 1918 г. лишались избирательных права лица, входившие в одну из перечисленных ниже семи категорий: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»<sup>2</sup>.

Хотя единого основания для лишения избирательных прав не существовало, но большевики как бы «перевернули» прежние основания: теперь причинами для лишения прав становились не отсутствие, а наличие имущественного ценза, владение когда-либо собственностью, социальное происхождение, прежняя профессиональная деятельность<sup>3</sup>. Своего рода инверсия оснований наблюдается и в случае со священнослужителями: согласно закону о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. голосовать не могли священники, лишённые сана, а при

---

<sup>1</sup>Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/> (дата обращения: 06.03.2012).

<sup>2</sup>Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940. С. 29.

<sup>3</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 20-21.

советской власти, напротив, отказ от сана был единственной возможностью получить шанс на восстановление в избирательных правах.

Отсутствие единого основания, слишком общие критерии определения «лишенцев» приводили на практике к их широкому толкованию и административному произволу на местах. В спорных случаях (применение наемного труда с целью извлечения прибыли или в качестве подсобного, лишение избирательных прав за «корыстные и порочащие преступления» и т. д.) решение зависело непосредственно от органов и лиц, составлявших и утверждавших списки лишенцев<sup>1</sup>.

Кроме того, статья 23 Конституции 1918 года предусматривала возможность «лишать отдельных лиц или группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»<sup>2</sup>. Этой статьей была заложена основа для последующего произвола в толковании оснований для лишения избирательных прав. Данная пространная формулировка позволяла подводить под нее любую группу населения, которая представляла реальную или потенциальную опасность для режима. По замечанию Ш. Фицпатрик, местные советы, при составлении списков «лишенцев» по районам, зачастую толковали закон на свой лад и включали в списки всех, кто казался им «классовым врагом»<sup>3</sup>.

Лишение избирательных прав не имело прямого политического смысла, так как у большевиков не было реальных причин опасаться поражения на выборах со стороны лиц, лишаемых избирательных прав. Даже в самый разгар массового лишения избирательных прав, доля «лишенцев» составляла менее 10% от числа лиц избирательного возраста<sup>4</sup>. Следовательно, рассматривать «лишенцев» в качестве реальной политической угрозы у большевиков не было никаких оснований<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 23.

<sup>2</sup>Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 23. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940. С. 24.

<sup>3</sup>Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 143.

<sup>4</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). С. 12.

<sup>5</sup>Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 23.

Тайное голосование было большой редкостью, в основном в городские и сельские советы выбирали открытой подачей голосов на собраниях, что исключало поражение коммунистов на выборах. Само голосование сводилось фактически к утверждению предложенных президиумом списков кандидатов<sup>1</sup>.

Создавая феномен «лишенчества», большевики сознательно исключали наиболее активные, но им неподконтрольные слои населения из жизни общества. Тем самым они стремились предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех групп, которых считали своими потенциальными или реальными противниками. Помимо этого, «лишенчество» способствовало поддержанию в обществе атмосферы агрессии и конфронтации, привлечению социальных низов к проведению дискриминационных мер, упрочению в обществе психологии агрессии по отношению к представителям бывших привилегированных сословий<sup>2</sup>.

Главной особенностью положения «лишенцев» в стране и отличием от всех предшествующих ограничительных цензов, являлся тот факт, что утрата избирательных прав влекла за собой дискриминации в ряде гражданских и социальных правах<sup>3</sup>. В начале 1920-х годов, когда за лишением избирательных прав еще не следовали дополнительные ограничительные меры, кроме права служить в Красной Армии и принимать участия в выборах в Советы, «лишенцы» воспринимали свой статус достаточно спокойно и не подвергались жесткому прессингу. Но в дальнейшем ситуация начала меняться, пик всевозможных нарушений, связанных с лишением избирательных прав, которые выражались, в том числе, и во введении различных дополнительных дискриминационных мер, приходится на 1929 – начало 1930 гг.<sup>4</sup>

Вне зависимости от уровня образования, социального положения, профессиональной деятельности, «лишенцы» уравнивались в своем дискриминируемом состоянии и в равной степени испытывали на себе

---

<sup>1</sup>Добкин А. И. Лишенцы 1918-1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М., Спб., 1992. Вып. 2. С. 600.

<sup>2</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). С. 12.

<sup>3</sup>Маргиналы в советском обществе 1920-1930-х годов: историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 3.

<sup>4</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 33.

ограничения, которых насчитывалось более десяти. Среди мер, сопутствующих «лишенчеству», выделяются следующие:

- исключение из кооперативов и профсоюзов, которое влекло за собой невозможность получать продукты и товары в условиях карточной системы 1929 – 1935 гг.;
- лишение пенсий, пособий, социального страхования;
- выселение «лишенцев» из квартир в городах, а после и вовсе из больших городов во время «чисток» 1920 – 1930-х годов;
- значительное увеличение налогообложения и даже введение для «лишенцев» специальных налогов, в частности, военного, так как дети «лишенцев» не имели права служить в кадровой Красной Армии;
- невозможность работать в государственных учреждениях и на промышленных предприятиях;
- ограничение доступа в высшие и средние учебные заведения: детей «лишенцев» исключали из старших классов средних школ, техникумов и вузов и т.д.<sup>1</sup>.

Таким образом, «лишенцы» оказывались за рамками политических и общественных отношений. Как отмечает С. А. Красильников, «для "лишенцев" потеря прав становилась индикатором их маргинальности, выпадения из общественной среды и началом более глубокого погружения на "дно" социальной структуры»<sup>2</sup>. Лишение избирательных прав ставило целые социальные и профессиональные страты на грань выживания, не только являлось ущемлением их гражданских прав, но и вынуждало вести борьбу за существование<sup>3</sup>.

Термин «лишенец» прочно вошел в словесный обиход советских и партийных работников и «подразумевал под собой лицо, если и не совсем враждебное существующему строю, то весьма и весьма в этом смысле

---

<sup>1</sup> Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). С. 20.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 25.

подозрительное»<sup>1</sup>. В Конституции 1918 г. не уточнялось, кто конкретно должен быть отнесен к «служителям религиозного культа», и до середины 1920-х гг. данные вопросы находились в компетенции местных властей.

Для пояснений и конкретизаций положений Конституции 1918 г., а затем Конституции РСФСР 1925 г., государственными органами власти принимались различные подзаконные акты: инструкции, положения, постановления, посвященные выборам и перевыборам. Подобные документы разрабатывались не только в центре, но и на местах, и их наличие свидетельствовало о возможности широкого толкования норм избирательного права<sup>2</sup>. В инструкциях о выборах в советы конкретизировались категории «лишенцев», уточнялись и совершенствовались процедуры лишения и восстановления в избирательных правах.

Эволюция законодательства в отношении лишения избирательных прав прошла несколько этапов. До 1924–1925 годов категории «лишенцев», определенные в Конституции 1918 года, не подвергались пересмотру. Первые инструкции о выборах (1918 г., 1921 г.) носили достаточно общий характер, процедурные вопросы лишения избирательных прав отражались в них слабо, ничего не говорилось о составлении списков «лишенцев», возможности восстановления в правах<sup>3</sup>. В инструкциях, вышедших до 1925 г., право определять круг «лишенцев» и порядок проведения выборов предоставлялось местным властям, соответственно последние могли дополнять список «лишенцев», и фактически им разрешалось нарушать избирательное законодательство<sup>4</sup>.

Согласно инструкции 1922 г. лица, включенные в списки лишенных избирательных прав, могли обжаловать данное постановление в вышестоящие комиссии в течение трех дней с момента опубликования списка<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 23.

<sup>2</sup> Лапин С.П. Советское избирательное право 1920-1930. СПб., 1998. С. 3.

<sup>3</sup> Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 21.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706. Гл. II, п. 14.

Начало разработки процедуры восстановления в правах было положено инструкцией 1924 г., сначала она была очень простой, но восстановление в правах предусматривалось только для «лишенцев», которые использовали ранее наемный труд, имели нетрудовой доход или занимались торговлей. Для восстановления им требовалось представить доказательства, что они живут на средства, добываемые личным трудом<sup>1</sup>.

Согласно инструкциям 1922 и 1924 гг. избирательные комиссии состояли из трех членов, которые назначались вышестоящим исполкомом. В обязанности комиссий входило наблюдение за правильностью проведения выборов, предоставление информации о ходе выборов в исполком, а также назначение уполномоченных для председательствования на избирательных собраниях. Нижестоящие избиркомы были обязаны составлять и обнародовать списки лишенцев, рассматривать их жалобы и извещать избирателей о времени и месте проведения выборов<sup>2</sup>.

В 1925 г. социальная база избирателей подверглась некоторому расширению, к выборам допускались отдельные категории населения, ранее находившиеся в составе «лишенцев»: лица, занимавшиеся сельским хозяйством, кустарным трудом, владельцы мелких предприятий, которые пользовались наемным трудом, законодательно установленным как подсобный; лица, получавшие проценты с вкладов и облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов; мелкие торговцы, торгующие в разнос по патенту первого разряда; члены семей лишенцев, если они материально от них не зависели<sup>3</sup>.

Статья 19 инструкции о выборах уточняла вопросы лишения избирательных прав священно- и церковнослужителей, в ней указывалось, что лишение избирательных прав распространяется «одинаково на монахов и духовных служителей религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых эта работа является профессией»<sup>4</sup>. В примечании к статье указывалось, что «лица,

---

<sup>1</sup> СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695. Гл. III, п. 15.

<sup>2</sup> Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918-1936 гг.). С. 46-47.

<sup>3</sup> СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18.

<sup>4</sup> СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 19.

принявшие по договору церковь или церковное имущество, состоящие членами церковно-приходских советов или общин и выполняющие другие по культу обязанности, как, напр., председателя церковно-приходского совета или общины, регента, пономаря, органиста и т.д., не лишаются избирательного права»<sup>1</sup>. Вспомогательный персонал церкви (псаломщики, канторы, муэдзины) лишался избирательных прав лишь в том случае, если «основным источником существования являлся доход от исполнения религиозных обрядов»<sup>2</sup>. Таким образом произошла некоторая кратковременная либерализация. К тому же запрещалось дополнять приведенный в инструкции перечень лиц, подлежащих лишению избирательных прав<sup>3</sup>. Но с другой стороны, в данной инструкции впервые появилась категория членов семей «лишенцев», и введение этой новой категории имело далеко идущие последствия<sup>4</sup>.

Как отмечает М. С. Саламатова, либерализация «по-советски» имела жесткие рамки: еще до вступления в силу данной инструкции, 8 мая 1925 г. была принята Конституция РСФСР и, несмотря на некоторое смягчение политики, статья в Конституции, касавшаяся лишения избирательных прав, осталась неизменной<sup>5</sup>.

В 1926 г. произошло ужесточение политики в экономической и политической сферах, выразившиеся в ограничении частного сектора экономики и ужесточении политики в отношении непролетарских слоев населения<sup>6</sup>. По инициативе И. В. Сталина, резко осудившего «либеральные» положения инструкции 1925 г., была создана комиссия под руководством В. М. Молотова для пересмотра инструкции с целью убрать из нее положения о расширении круга лиц, наделенных избирательными правами<sup>7</sup>.

В результате инструкция по выборам 1926 г. существенно отличалась от предшествующих: она не только восстанавливала, но и расширяла круг тех, кто мог

---

<sup>1</sup> СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 19.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 22.

<sup>4</sup> СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18.

<sup>5</sup> Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 22.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 23.

быть лишен избирательных прав. Кроме того, если по инструкции 1925 г. в состав «лишенцев» включались члены семей только «бывших» сословий, то теперь эта категория становилась массовой.

Инструкция о выборах 1926 г. значительно расширила круг и священнослужителей-«лишенцев». Избирательных прав лишались теперь «служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков» в независимости от того, получают они вознаграждение за исполнение этих обязанностей или нет<sup>1</sup>. Таким образом, даже лица, служившие в церкви безвозмездно, теперь также оказывались в списке «лишенцев». Данный пункт инструкции открыл широкие возможности местным властям для выявления новых «лишенцев». Теперь при лишении прав местные власти к «служителям культа» часто причисляли и простых верующих – мирян. Как отмечают исследователи В. И. Тихонов, В. С. Тяжельникова, И. Ф. Юшин, вольное толкование статей Конституции, касавшихся лишения избирательных прав, характерно для всего периода 1920-х годов. Иногда в 1927 г. и в 1929 г. встречались совершенно невероятные формулировки мотивов лишения избирательных прав: «за религиозные убеждения», «за поездку в Иерусалим», «за звон в колокола»<sup>2</sup>. Причисляя к числу «служителей культа» хористов, просвирен, церковных старост, мирян, власть таким образом давала понять, что всякая связь с церковью наказуема, а также с помощью этих мер блокировалась деятельность церкви.

В инструкции 1926 г. присутствовала также глава «О восстановлении в избирательных правах лиц, лишенных таковых»<sup>3</sup>. В ней, по сравнению с инструкцией 1925 г., изменились и значительно ужесточились требования к восстановлению в избирательных правах для всех категорий «лишенцев», в том числе священнослужителей. Основными условиями для восстановления в правах являлись занятие общественно-полезным трудом в течение пяти лет и лояльное отношение к советской власти<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 15. п. «м».

<sup>2</sup>Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С.27.

<sup>3</sup> СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. III.

<sup>4</sup> СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. III, ст. 19.

Примечательно, что в советской историографии, в частности, в работе Ю. А. Розенбаума «Советское государство и церковь», при рассмотрении вопроса о лишении духовенства избирательных прав, ни словом не упоминается об инструкции 1926 г. Поэтому создается впечатление, что лишались избирательных прав только те служители культа, для которых эта работа являлась профессией. Автором делается вывод, что «избирательных прав была лишена незначительная группа лиц: профессиональное духовенство, лица, имеющие официальный духовный сан, занимающие определенные посты в церковной иерархии, так сказать «руководящий» состав религиозных организаций»<sup>1</sup>.

О реакции населения на инструкцию 1926 г. свидетельствует региональная пресса: «Маленькая зеленая книжечка М. И. Калинина (*инструкция ВЦИКа о проведении выборов – прим. авт.*) скоро стала предметом слухов и толков по деревне, возбуждала споры, смутные опасения и ненависть – у одних, бодрость и ожидание торжества – у других»<sup>2</sup>.

Принятие инструкции 1926 г. вызвало много вопросов на местном уровне. В Сибири местные власти в целом оказались не готовы к реализации положений данной инструкции<sup>3</sup>. Одной из главных проблем для избиркомов являлось определение круга «лишенцев». Как отмечает М. С. Саламатова, имели место как ошибки и курьезы от непонимания инструкции, так и вполне сознательные нарушения<sup>4</sup>. Данная проблема также освещалась в периодической печати. В одной из статей «Советской Сибири», посвященной этому вопросу, говорилось: «Практика работы по подготовке перевыборов насчитывает много анекдотических случаев, когда избирательных прав лишали... стариков, глухонемых...»<sup>5</sup>. Но за этими анекдотами, как отмечается далее в статье, кроется серьезное явление –

---

<sup>1</sup>Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. М., 1985. С. 78.

<sup>2</sup>Воробьев И. Из опыта предвыборной компании (Алексеевский район, Новосибирский окр.) // Советская Сибирь. 1927. 6 февраля. С. 5.

<sup>3</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 33.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Частные недостатки большого значения // Советская Сибирь. 1927. 3 февраля. С. 1.

лишение избирательных прав середняка – «здесь кроется формальное, бездушное отношение к инструкции, непонимание ее принципиального существа...»<sup>1</sup>.

Чрезмерное усердствование местных властей в деле лишения избирательных прав вызывало ответную реакцию населения, причем не только самих «лишенцев». Так, группа крестьян с. Ольгино из 25 человек в 1927 г. обратилась с заявлением во ВЦИК с жалобой на местные власти. В своей жалобе они указывали, что «из общего числа жителей с. Ольгинского в 700 чел. лишен избирательных прав 155 человек или 22 %, много случаев лишения избирательных прав не по закону... Такое массовое лишение создает неблагоприятную атмосферу и крестьяне страшно обескуражены действием избирательной комиссии». Далее авторы приводили пример незаконного, по их мнению, лишения избирательных прав: «Лишен избирательных прав крестьянин, бедняк Вдовенко Александр за то, что вместе с попом ходил на праздники по крестьянским дворам, неужели уже запрещено и верить в Бога, нужно разубедить такого темного человека, а не лишать гражданских прав»<sup>2</sup>.

В другой газетной заметке также отмечалось: «... во многих деревнях к лишению права голоса подходили неправильно, наблюдался ряд курьезов, когда лишали избирательных прав «за бузотерство» и «как на сто процентов полоумного»...»<sup>3</sup>. В статье «Предварительные итоги перевыборов в сибирской деревне» признавалось, что были допущены ошибки, главным образом в лишении избирательных прав группы середняков, но, с другой стороны, имелся и ряд случаев недоучета лиц, подлежащих лишению избирательных прав<sup>4</sup>.

О том, что случалось не только «перелишение», но и «недолишение», свидетельствует случай, произошедший в Бугринском районе в 1927 г.: местный священник не только не был лишен избирательных прав, но и был назначен

<sup>1</sup> Частные недостатки большого значения // Советская Сибирь. 1927. 3 февраля. С. 1.

<sup>2</sup> Заявление группы крестьян с. Ольгино Москаленского района во ВЦИК от 18.02.1927. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп.1. Д. 246. Л. 139.

<sup>3</sup> Сибирь на перевыборах. Двести жалоб. // Советская Сибирь. 1927. 10 февраля. С. 3.

<sup>4</sup> Бак Б. Предварительные итоги перевыборов в сибирской деревне // Советская Сибирь. 1927. 2 марта. С. 2.

сельсоветом в избирком. Как отмечается в газетной заметке: «РИК об этом своевременно узнал и из избиркома его отвел»<sup>1</sup>.

В последующие годы применение инструкции 1926 г. привело к резкому увеличению численности «лишенцев», достигшей своего пика к началу 1930 г. Так, если в 1927 г. численность «лишенцев» в СССР составляла около 1 млн. человек, то в 1929 г. – 3 млн. 700 тысяч<sup>2</sup>. По замечанию Ш. Фицпатрик, в перевыборную кампанию 1929 г., «проходившую под девизом классовой войны», избирательных прав было лишено больше людей, чем когда-либо раньше<sup>3</sup>.

Как отмечает М. С. Саламатова: «особенностью перевыборной кампании 1928/1929 г. стала настоящая охота за "недолишенными" "кулаками", открытая при выявлении "лишенцев"»<sup>4</sup>. Если до этого в сводках примерно в равных долях присутствовала информация о «перелишении» и «недолишении», то теперь последняя стала явно преобладать<sup>5</sup>. В сводке № 3 по перевыборам советов Сибирского края по материалам на 27 декабря 1928 года отмечалось, что имеется много случаев лишения «за религиозные убеждения»<sup>6</sup>.

В связи с этим неуклонно возрастало количество жалоб на незаконное лишение избирательных прав. Только за первые два месяца 1930 г. от граждан РСФСР было получено 17000 жалоб на неправильное лишение избирательных прав (за те же месяцы 1926 г. — меньше 500)<sup>7</sup>. Чаще всего основной акцент в них делался не на само лишение прав, а на сопутствующие дискриминационные меры: увольнение с работы, выселение из квартир, исключение из учебных заведений и профсоюзов, обложение специальными налогами и т.д.

---

<sup>1</sup>Барановский На выборы пойдем все. // Советская Сибирь. 1927. 3 февраля. С. 2.

<sup>2</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.) С. 15.

<sup>3</sup>Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 144.

<sup>4</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 33.

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Сводка № 3 по перевыборам советов Сибирского Края по материалам на 27 декабря 1928 год // ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 700. Л. 8.

<sup>7</sup>Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 145.

В ответе Западно-Сибирского краевого административного управления на ходатайство Омского Епархиального Управления отмечалось, что «практика лишения избирательных прав крестьян, сдающих свои жилые помещения служителям культа противоречит не только действующему избирательному праву, но и является скрытой формой фактического лишения всякой возможности проживания служителей культа в сельской местности, а следовательно вообще иметь религиозным общества служителя культа, что не предусматривается действующими законами, а также по существу является одним из видов перегибов...»<sup>1</sup>.

Процесс упорядочения практики лишения избирательных прав начался в 1930 г. 1 марта 1930 г. секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе направил И. В. Сталину «Докладную записку по вопросу о лишенцах»<sup>2</sup>, в которой подробно рассматривалось положение «лишенцев» и нарушения в сфере лишения избирательных прав. А. С. Енукидзе сделал вывод, что «практика значительно расширила, вопреки действующему избирательному закону, категории лиц, лишаемых избирательных прав»<sup>3</sup>. Положение «лишенцев» представлено отчаянным — выселение из квартир, лишение карточек, исключение детей из школы, а в деревне нередко лишаются крыши над головой. Тогда как официально они лишались только членства в профсоюзе, права состоять в сельскохозяйственной кооперации и участвовать в руководящих и ревизионных органах потребительской кооперации<sup>4</sup>. В своей записке А. С. Енукидзе отразил ту ситуацию замкнутого круга, сложившуюся в отношении «лишенцев»: для восстановления в избирательных правах необходим пятилетний трудовой стаж, но постановление Наркомата Труда СССР от 13 июля 1929 г. запрещало принимать на биржи труда «лишенцев», не имевших трудового стажа и не доказавших лояльность советской власти, найти же работу вне биржи труда не представлялось возможным<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 99. Л. 140.

<sup>2</sup> Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 125-132.

<sup>3</sup> Там же. С. 128.

<sup>4</sup> Там же. С. 129-130.

<sup>5</sup> Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 131.

В результате 22 марта 1930 г. в постановлении ЦИК СССР «Об устранении нарушений избирательного законодательства СССР» местным властям категорически воспрещалось расширительно толковать категории «лишенцев», вводить дополнительные ограничения прав: выселение из домов, лишение заборных книжек, медицинской помощи и т. д.<sup>1</sup>. Таким образом, были признаны «перегибы» в лишении избирательных прав. Момент был выбран очень удачно, «исправление ошибок» в этой сфере вписалось в компанию по «борьбе с перегибами». Однако и в ситуации с коллективизацией, и в случае с лишением избирательных прав вина перекладывалась на местные власти<sup>2</sup>.

Согласно постановлению ВЦИК от 10 апреля 1930 г. все исполкомы должны были создавать специальные окружные и районные комиссии для пересмотра списков «лишенцев»<sup>3</sup>. Проверки выявили массу нарушений, пересмотр дел затянулся до начала новой избирательной комиссии 1930/1931 г. В результате деятельности комиссий вопиющие нарушения были ликвидированы, а кроме того, был налажен постоянный учет «лишенцев», что поставило их под жесткий контроль<sup>4</sup>.

Относительная либерализация законодательства о «лишенцах» в 1930 г. выразилась в том, что, согласно инструкции о выборах 1930 г., избирательных прав не должны были лишаться «лица, которые по найму или выбору религиозных общин занимаются административно-хозяйственным и техническим обслуживанием религиозных обрядов и зданий религиозных культов, как то: певчие, сторожа, уборщики, звонари и т.п., а также члены приходских советов»<sup>5</sup>. Положения инструкции были призваны несколько сузить категорию лишаемых как служителей религиозного культа и устранить откровенные нарушения.

Особенностью инструкции 1930 г. стало то, что в ней по-новому трактовался статус членов семей «лишенцев». Предусматривалось восстановление в

---

<sup>1</sup>СЗ СССР 1930 г. № 19, ст. 212.

<sup>2</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 27.

<sup>3</sup>Там же. С. 27.

<sup>4</sup>Там же. С. 28.

<sup>5</sup>СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «о».

избирательных правах детей «лишенцев», достигших к 1925 г. совершеннолетия и независимых от родителей<sup>1</sup>. Изменению подверглись также технические процедуры, связанные с лишением и восстановлением в избирательных правах. Кроме того, упростилась процедура рассмотрения жалоб, теперь заявление могло рассматриваться только в одной инстанции, и если ходатай был удовлетворен решением, то в вышестоящие инстанции дело не передавалось.

Инструкция о выборах 1934 г. относительно определения круга избирателей и круга лиц, лишенных избирательных прав, была дополнена новым пунктом по сравнению с Инструкцией 1930 г., которая оставалась и в основе выборов 1934 г., а именно: «кулаки, выселенные из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали, за противосоветские и противоклассовые выступления»<sup>2</sup>. Относительно лишения избирательных прав «служителей религиозного культа» данная инструкция по сути не внесла ничего нового. Как и в инструкции 1930 г., провозглашалось, что избирательных прав лишаются как бывшие, так и настоящие служители всех религиозных культов<sup>3</sup>.

Тем не менее, в отношении политики лишения избирательных прав произошли некоторые изменения. В феврале 1934 г. председатель СНК СССР В. М. Молотов на VII съезде Советов заявил, что ограничение избирательных прав – «временная мера», которая необходима только пока старые эксплуататорские классы представляют угрозу. По его словам, лишены избирательных прав всего лишь около двух миллионов человек, а скоро эта категория может полностью исчезнуть<sup>4</sup>.

Первый шаг в этом направлении затронул детей «лишенцев». Комиссия советского контроля при СНК СССР указала государственным учреждениям и руководству промышленности на недопустимость увольнения людей или отказа им

---

<sup>1</sup> СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II. ст. 16. п. «р».

<sup>2</sup> СУ РСФСР. 1934. № 50. Ст. 395. Гл. II. Ст. 5. п. «б».

<sup>3</sup> СУ РСФСР. 1934. № 50. Ст. 395. Гл. II. Ст. 5. п. «к».

<sup>4</sup>Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 158.

в приеме на работу «по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т.п.»<sup>1</sup>.

Наконец, с принятием Конституции 1936 года институт «лишенцев» был упразднен. «Лишенчество» выполнило свои функции, способствовав тому, чтобы общество стало более подконтрольным и управляемым. Новая Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. законодательно провозгласила положение о полной победе социализма и ликвидации эксплуататорских классов. Статья 135 Конституции СССР вводила всеобщее избирательное право: «Все граждане, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза и оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав»<sup>2</sup>.

Но на смену лишению избирательных прав пришли значительно более жесткие репрессивные меры. Кроме того, до середины 1950-х гг. в анкетах, заполняемых при поступлении на работу, присутствовал вопрос о лишении и восстановлении в избирательных правах самого человека или его родителей<sup>3</sup>. Люди по-прежнему подвергались дискриминациям из-за своего социального происхождения. Таким образом, внесение в списки «лишенцев» имело важное влияние на последующую судьбу человека и после отмены самого института «лишенчества».

По своему составу большая часть «лишенцев» по своему происхождению и социальному положению не принадлежала к выходцам из бывших привилегированных сословий. Доля представителей дворянства, духовенства, буржуазии от общего числа «лишенцев» была незначительна. Следовательно, большая часть «лишенцев» не являлась политическими противниками

---

<sup>1</sup> Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 158.

<sup>2</sup> Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Ст. 135. М., 1937. С. 32-33.

<sup>3</sup> Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 29.

большевиков. Как отмечает С. А. Красильников, «большевики преследовали при лишении прав гораздо более глубокие и дальние цели»<sup>1</sup>.

Во-первых, через механизм лишения избирательных прав большевики «доламывали» прежние традиционные слои и группы. Для лишения избирательных прав применялся такой критерий, как прежняя социально-сословная принадлежность (происхождение и положение до революции). Это давало возможность проводить дискриминацию по отношению к «бывшим» и не давать им адаптироваться и тем более объединиться в новых условиях. Создание большевиками такого явления, как «лишенчество» имело серьезные последствия для дальнейшего развития общества. Основной удар был нанесен по наиболее социально независимым, активным слоям общества 1920–1930-х гг.: предпринимателям, торговцам, зажиточному крестьянству, лицам «свободных профессий» из числа интеллигенции, тем, кто бы мог составить социальную основу правового, гражданского общества<sup>2</sup>.

Во-вторых, с помощью введения института «лишенчества» власти формировали у низов социально–психологическое ощущение их реванша за дореволюционное неравенство. Наличие «лишенцев» служило компенсаторным механизмом для осознания низами своего более «привилегированного статуса» в сравнении с «бывшими» в 1920-е – 1930-е гг. С помощью «лишенчества» создавалось искусственное разделение общества. «Лишенцы» входили в формирующийся стереотип «врага народа», важного для консолидации конфронтационного типа «свой – чужой», и составляли один из базовых элементов этой идеологемы. Кроме того, «лишенцы», однажды став социально-учетной группой, оказывались готовым и удобным объектом для дальнейших репрессий.

---

<sup>1</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.) С. 20.

<sup>2</sup> Там же. С. 21.

## 1.2. Последствия лишения избирательных прав духовенства в контексте взаимоотношений власти и церкви

Октябрьская революция сразу же сказалась на жизни церкви, хотя изменение ее статуса началось еще после февраля 1917 г. С одной стороны, православное духовенство имело причины для недовольства прежней властью, с другой – на него обрушились гонения со стороны большевиков<sup>1</sup>.

Согласно «Декрету о национализации земли» от 8 ноября 1917 г., церковь лишалась земельных угодий, от которых кормилось монашество и приходское духовенство<sup>2</sup>. А декрет от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишал церковь юридического статуса и прав юридического лица, в том числе права владения какой-либо собственностью. Как отмечает Д. В. Поспеловский «...в глазах советского государства церковь как организация из-за этого декрета прекращала свое легальное существование»<sup>3</sup>.

Советские законодательные акты были ориентированы на ликвидацию церкви как иерархической организации и на уничтожение духовенства как сословия. Несмотря на то, что власть заявляла о своем невмешательстве во внутреннюю жизнь церкви, в действительности руководство страны не только не предоставило церкви независимости, но встало на путь борьбы с ней, активно вмешиваясь во внутрицерковную жизнь<sup>4</sup>.

Главной целью большевиков было полное уничтожение религии. Как отмечает Л. Регельсон: «курс на уничтожение Церкви, как и вообще всякой религии, неуклонно проводился с ноября 1917 г. вплоть до Великой Отечественной войны. При этом, однако, задача властей заключалась в том, чтобы уничтожаемая Церковь не только не взывала к сопротивлению со стороны верующей народной

---

<sup>1</sup> Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004. С.13.

<sup>2</sup> Поспеловский Д. В. Тоталитаризм и вероисповедование. М., 2003. С. 323.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

массы, но в процессе своего уничтожения помогла перевоспитать эту массу в духе преданности советской власти и идеалам коммунизма»<sup>1</sup>.

Поместный Собор 1917–1918 гг. постановил, что все местные средства на содержание приходского духовенства должны распределяться по следующей схеме: псаломщик получает половину доли священника, а дьякон на одну треть больше чем псаломщик<sup>2</sup>. Однако сами доходы всех категорий духовенства были ничтожно малыми. Церковь на долгие годы оказалась в материальной зависимости от благосостояния беднейших слоев населения, которые не могли в создавшихся условиях обеспечить достойное содержание своим пастырям<sup>3</sup>.

Кроме прямых репрессий, священнослужители подверглись дискриминационной политике советского государства – лишению избирательных прав со всеми вытекающими отсюда последствиями. Категория «служителей религиозного культа» включала в себя представителей различных конфессий. Однако основную массу составляли православные священно- и церковнослужители, и это неудивительно, учитывая, что до революции православие являлось государственной религией. К священнослужителям относились лица, посвященные в духовный сан епископа, священника, диакона, а также монахи. К церковнослужителям – те, кто работал в церкви, но без посвящения в сан (псаломщики, пономари, регенты, певчие). К данной категории власти причисляли лиц, принимавших участие в жизни церкви, но непосредственно не участвовавшие в богослужении: старост, членов приходского совета, казначеев, просвирен.

Очередной этап наступления на церковь начался с крупномасштабной попытки вмешательства во внутрицерковную жизнь, которой явилась кампания по изъятию церковных ценностей. Официальным поводом для этого явился голод, и, хотя церковь предложила свою помощь по сбору средств, такой вариант власть не устраивал, и было принято решение о насильственном изъятии церковных

---

<sup>1</sup>Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. // Библиотека Я. Кротова [Электронный ресурс]. URL: [http://krotov.info/history/20/krasnov/regel\\_03.html](http://krotov.info/history/20/krasnov/regel_03.html)

<sup>2</sup>Марченко А. Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. Отечественная история. 2008. № 4. С. 106.

<sup>3</sup> Там же. С. 106.

ценностей. На этой почве во многих местах происходили конфликты между верующими и представителями власти. Акты сопротивления ограблению храмов стали поводом для организации судебных процессов.

Последствия для РПЦ в Сибири, как и в целом по стране, были резко негативны: духовенство и миряне подверглись репрессиям, осквернены святыни и храмы, экспроприация нанесла серьезный урон материальному положению приходов<sup>1</sup>. Хотя в целом период 1920-х гг. можно охарактеризовать как период некоторого затишья, по крайней мере, приговоры к высшей мере наказания для священнослужителей выносились достаточно редко.

Не сумев уничтожить церковь с помощью «кавалерийской атаки», большевики перешли к тактике медленного разрушения ее изнутри. По выражению Д. В. Поспеловского, данную тактику можно «окрестить» как политику «разделяй и властвуй»<sup>2</sup>. С помощью «обновленцев» советская власть стремилась поставить под свой контроль Высшее Церковное Управление, вытеснить из него неугодных архиереев-«тихоновцев». На местах власти стравливали представителей духовенства между собой, раскалывали приходские общины мирян. По замечанию О. Ю. Васильевой, «при достижении задуманного результата православная церковь была бы расчленена на группировки и перестала быть силой, духовно противостоящей советскому государству с его богоборческой линией и ставкой на торжество атеизма»<sup>3</sup>. О том, что в Сибири дела у «обновленцев» шли не слишком успешно свидетельствует сводка № 3 VI Секретного отдела ГПУ «о расколе духовенства» за период с 15 июля по 20 августа 1922 г., в которой отмечалось, что в Сибири большинство духовенства и верующих враждебно относятся к местным обновленцам<sup>4</sup>.

Период относительного затишья на антирелигиозном фронте, так называемого «религиозного нэпа» закончился вместе с экономическим нэпом<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово, 2007. С. 221.

<sup>2</sup> Поспеловский Д. В. Тоталитаризм и вероисповедование. М., 2003. С. 325.

<sup>3</sup> Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917-1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 45.

<sup>4</sup> Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг. М., 2008. Кн. 2. С. 331.

<sup>5</sup> Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). Волгоград, 1993. С. 186-187.

Новому наступлению на церковь предшествовали активизировавшиеся попытки связать религию с контрреволюцией, которые особенно усилились в ходе трудных хлебозаготовок. 1928–1929 гг. – начало решительного наступления на церковь, сопровождавшееся массовым закрытием церквей. Согласно подсчетам В. В. Цыпина, в 1928 г. в РСФСР было закрыто 354 православные церкви, в 1929 г. – уже 1119, из которых 322 были разрушены<sup>1</sup>.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» усугубило и без того тяжелое положение священнослужителей. Религиозным объединениям было запрещено создавать кассы для сбора пожертвований, устанавливать обязательные сборы, заключать договоры и сделки<sup>2</sup>. Закон также запрещал религиозным объединениям любую форму участия в общественной жизни, исключал всякое церковное социальное служение. По точному высказыванию И. А. Курляндского: «Законодатели рассматривали в данном случае представителей всех конфессий как маргинальные группы бесполезных членов общества наподобие умалишенных, как граждан второго сорта»<sup>3</sup>. Данное постановление создало нормативную базу для дискриминации верующих и стало одним из политических инструментов в наступлении на церковь.

18 мая 1929 г. была изменена статья 4 Конституции РСФСР, из которой изымалось положение о свободе религиозной пропаганды<sup>4</sup>. Соответственно осталась лишь свобода антирелигиозной пропаганды, ни о каких даже формально равных условиях речь в области пропаганды уже не шла.

Как отмечает Ш. Фицпатрик, священники вместе с членами их семей составляли в советском понимании еще один аномальный «класс», который являлся потомком бывшего духовного сословия. Но, в отличие от «служащих», которые только лишь вызывали подозрения и нарекания, священники принадлежали к клейменному классу и считались недостойными быть

---

<sup>1</sup>Цыпин В. В. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997. С. 188.

<sup>2</sup>Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996. С. 253.

<sup>3</sup>Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 341.

<sup>4</sup>Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). Волгоград, 1993. С. 187.

полноправными гражданами. И когда в 1920-е гг. речь заходила о потенциальных контрреволюционных классовых врагах, то в первую очередь вспоминали о них<sup>1</sup>. «Уверенность, что священник – по определению классовый враг, была столь сильна, что в конце десятилетия очень многих сельских священников «раскулачивали», т.е. лишали имущества, выгоняли из домов, арестовывали и ссылали наравне с кулаками»<sup>2</sup>.

1930-е годы стали одним из трагических этапов в истории Русской Православной Церкви. Полагая, что религию можно уничтожить насильственным путем, воинствующие атеисты, отождествляя религиозное сознание с религиозной организацией и ее деятельностью, стремились уничтожить все, связанное с церковной жизнью. Тем не менее, даже по официальным данным к концу 1930-х гг. половина населения оставалась верующей<sup>3</sup>.

В связи с тяжелым положением в конце 1920-х – начале 1930-х гг. участились случаи отказа от сана, и перед местными властями в Сибири встал вопрос о том, что делать с этими священнослужителями. В частности, Томский Оккрадмотдел полагал, что «не лишним восстановить в избирательных правах некоторых служителей культа (предварительно тщательно проверив кандидатуры, а также по согласованию с ОГПУ). Подобное мероприятие будет способствовать массовому отказу служителей культа от сана»<sup>4</sup>. Однако, Сибкрайадмуправление разъяснило, что отречение от сана не дает автоматически права на восстановление и в каждом случае конкретному лицу необходимо ходатайствовать об этом перед ВЦИК<sup>5</sup>.

На протяжении 1920-х – 1930-х гг. духовенство, лишенное избирательных прав, подвергалось, как и другие категории «лишенцев», дискриминациям в гражданских и социальных правах. В приводимом Ш. Фицпатрик конфиденциальном письме о бедственном положении священников М. И. Калинин жаловался Г.К. Орджоникидзе, что местные власти творят «совершенный

---

<sup>1</sup>Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 92-93.

<sup>2</sup> Там же. С. 93

<sup>3</sup>Васильева О. Ю. Русская православная церковь. 1927-1943 годы. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 45.

<sup>4</sup>Саламатова М. С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927-1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 15.

<sup>5</sup> Там же. С. 15.

произвол» над священниками и другими «лишенцами», игнорируя их законные права: «Все усилия местных властей направлены на то, чтобы «раскулачить» служителей церкви наравне с кулаками. Это незаконное «раскулачивание» проводится под маской налогообложения. Служителей церкви стараются обложить всеми возможными налогами и на такие суммы, что они не в состоянии выполнить предъявляемые к ним требования, и тогда все их имущество конфискуют, даже необходимые в хозяйстве предметы, и семью выселяют... Духовенство и членов их семей, независимо от пола, возраста и состояния здоровья, отправляют работать на лесоповал. Порой преследования представителей духовенства буквально превращаются в издевательство. Например, в Барнаульском районе были случаи, когда служителей церкви заставляли чистить свинарники, конюшни, уборные и т.д.»<sup>1</sup>.

На трудное положение священнослужителей указывал и митрополит Сергей в письме к П. Г. Смидовичу «О нуждах Православной Церкви в СССР» от 19 февраля 1930 г. В письме высказывается пожелание духовенства причислять священнослужителей не к кулакам, а к лицам свободных профессий, как не пользующихся наемным трудом<sup>2</sup>.

О сложном положении священно- и церковнослужителей свидетельствует тот факт, что проблемы, связанные с нарушением их прав, поднимались в инструкции к Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР о «религиозных объединениях»<sup>3</sup>. А именно, в данной инструкции запрещалось необоснованно облагать налогом служителей культа без учета действительного дохода, выселять их из муниципального жилья, привлекать к трудповинности, приводящей к невозможности отправления культа, изымать имущество в районах сплошной коллективизации, если только они не имеют кулацких хозяйств. Как верно замечает Д. В. Поспеловский: «Поскольку никогда за историю советской власти не появлялось официального и точного определения, что такое кулацкое хозяйство,

---

<sup>1</sup> Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 145.

<sup>2</sup> Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996. С. 269.

<sup>3</sup> Там же.

последний пункт оставлял возможность для широкого произвола как по отношению к духовенству, так и к крестьянам»<sup>1</sup>.

Относительно лишения избирательных прав в инструкции заявлялось, что: «служители культа, лишенные избирательных прав, ограничены по закону в политических и некоторых гражданских правах наравне со всеми прочими лицами, лишенными избирательных прав, и для них, как служителей культа, никаких дополнительных ограничений законом не установлено»<sup>2</sup>.

Политика власти была крайне двойственной, давая небольшие послабления в одном, она тут же ограничивала в другом. В том же 1930 г. 4 ноября Антирелигиозная комиссия приняла циркуляр Наркомзема «О правах землепользования служителей культов», согласно которому священнослужители окончательно лишались тех маленьких отрезков земли, которые «по недосмотру» власти еще оставались в их пользовании<sup>3</sup>. В постановлении указывалось об освобождении от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. В отношении тех, кто продолжал служить устанавливались следующие правила: по доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителя не должен превышать налог крестьянина с таким же доходом больше чем на 100%. Даже если доход священнослужителя не увеличился по сравнению с 1928–1929 гг., налог может быть увеличен максимум на 75% по сравнению с предыдущим годом<sup>4</sup>.

Таким образом, по замечанию И. А. Курляндского, «для открыто порывающих с религией бывших священников власть оставляла своего рода «морковку» – возможность сохранить в своем ведении землю для ведения хозяйства»<sup>5</sup>. Таким циничным способом покупалось отречение от религии. Антирелигиозная комиссия целенаправленно организовывала экономическое

---

<sup>1</sup>Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 162.

<sup>2</sup>Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996. С. 283.

<sup>3</sup>Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 344.

<sup>4</sup>Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 162.

<sup>5</sup>Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 344.

удушье духовенства и актива верующих, проводила насильственную маргинализацию, что логично дополняло репрессивные меры ОГПУ<sup>1</sup>.

О завышенном налогообложении свидетельствуют и жалобы самих священнослужителей. Доходность хозяйства священника в Западной Сибири могла оцениваться властями до 1500 или даже 2000 рублей в год<sup>2</sup>, а у двух священников Тарского района оценили в 3466 р.<sup>3</sup> и даже в 5781,75 р<sup>4</sup>. В реальности священники редко получали и половину этой суммы. Размер дохода зависел и от численности жителей села и близлежащих деревень, и от количества совершаемых треб.

Священник с. Ново-Щербаковского М. Н. Щербаков жаловался в Барабинскую окружную налоговую комиссию: «В текущем 1928-29 налоговом году сначала я получил было окладной лист[, ] по которому с меня причиталось 39 руб. с копейками, но почему-то РИК передумал и 29 ноября вручил мне новый окладной лист[, ] по которому я обложен уже 193 р. 65 коп. По получении сего счета невольно приходится задуматься о том где взять такую сумму и за что на меня назначено столько?»<sup>5</sup> Далее автор, как и большинство других священников, обращавшихся с жалобами на налогообложение, указывал свой доход от сельского хозяйства и службы в церкви, соотносил его с назначенным налогом и делал вывод о невозможности его уплаты. Но подобные описания собственных доходов, удостоверяемые справками от церковных советов, не оказывали какого-либо влияние на решение налоговых комиссий.

Сельскохозяйственным налогом облагались даже священнослужители, не имевшие земли, что естественно вызывало у них недоумение и возмущение: «согласно законов обложению сельхоз налогом не подлежу»<sup>6</sup>. На священника, не имевшего собственного хозяйства в 1933 г. Воробьевский сельсовет Татарского

---

<sup>1</sup> Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 344.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 402; Ф. Р-411. Оп. 1 Д. 173; Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 104; Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 971, 1256;

<sup>3</sup> ГИАОО. Ф. Р-1544. Оп. 2. Д. 371. Л. 1-5.

<sup>4</sup> ГИАОО. Ф. Р-1544. Оп. 2. Д. 315. Л. 1-6.

<sup>5</sup> Заявление М. Н. Щербакова в Барабинскую окружную налоговую комиссию от 01.12.1928. // ГАНО Ф Р-395 Оп. 1. Д. 415 Л. 27.

<sup>6</sup> Жалоба М. Т. Кошкидько в Новосибирскую окружную налоговую комиссию от 20.12.1929. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 635. Л. 7

района начислил мясозаготовку в размере 100 кг. как на «кулака»<sup>1</sup>. Данная практика была распространена повсеместно. А. В. Проскурина, изучавшая дискриминационные меры в отношении духовенства Северо-Запада страны, отмечает: «Сельские священники были обложены разнообразными налогами сельскохозяйственного характера, даже при отсутствии хозяйства»<sup>2</sup>.

Сами священнослужители, по крайней мере некоторые из них, вполне понимали истинные цели, преследуемые властями. Священник с. Гутово Вассинского района А. Н. Шубин открыто написал в своем заявлении, что незаконно завышенное налогообложение имеет целью «...поскорее изжить меня как священника»<sup>3</sup>. Далее Шубин, обращаясь к членам налоговой комиссии, призывал: «Нет, товарищи! Не так, не таким способом т. Ленин завещал подходить к изжитию религии, а завещал подходить к ней весьма осторожно – культурным развитием масс народа...»<sup>4</sup>.

Представления местных властей о деятельности священнослужителей ярко характеризуют документы Змеиногорской избирательной комиссии. Так, в анкете «лишенцев» имелся вопрос. «Закабалял ли окружающее население с/х машинами и другими видами?». У священнослужителей в этом пункте значилось: «Закабалял посредством богослужения»<sup>5</sup>, «Закабалял население путем исправления религиозных обрядов»<sup>6</sup>. В инструкции 1926 г. о выборах в советы термин «закабаление» применялся к лицам, имевшим сельскохозяйственные машины и рабочий скот, которые они систематически предоставляли в пользование окружающего населения, а также «постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях»<sup>7</sup>. Не совсем ясно какими соображениями руководствовались члены избирательной

<sup>1</sup> Заявление М. Л. Левина в Западно-Сибирский Краевой Исполнительный комитет от 30.01.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 242. Л. 2.

<sup>2</sup> Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 96.

<sup>3</sup> Заявление А. Н. Шубина в налоговую комиссию Вассинского района Новосибирского округа от 06.0.1929. // ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 966. Л. 17 об.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Анкета. // ГААК. Ф. Р.-674. Оп. 2. Д. 473. Л. 3.

<sup>6</sup> Анкета. // ГААК. Ф. Р-674. Оп. 2. Д. 503. Л. 2.

<sup>7</sup> СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 15. п. «Г».

комиссии, так как у некоторых священнослужителей в данном пункте стоял прочерк, тогда как другим приписывался такой своеобразный вид «закабаления».

В случае со священником села Довольного Индерского района А. И. Юдиным с просьбой «устранить самочинное обложение» обратились прихожане<sup>1</sup>. Окружная налоговая комиссия посчитала возможным несколько снизить налог, но это вызвало протестную реакцию у районной налоговой комиссии, которая приняла решение: «установленный неземледельческий доход от религиозного культа Юдину в сумме 1095 рублей РНК считает верным»<sup>2</sup>. В подтверждение своей позиции районная налоговая комиссия приводила тот факт, что для священников соседних населенных пунктов с меньшим числом дворов «установлен неземледельческий доход в 1200 р.»<sup>3</sup>, а самим священником «сумма СХН была уплачена безболезненно»<sup>4</sup>. К документам от религиозной общины, прилагаемым к заявлению, районная комиссия отнеслась с крайним недоверием: «...все мотивы изложены в сторону служителя религиозного культа Юдина, как обычное явление»<sup>5</sup>.

К священнослужителям односельчане относились по-разному. Выделяются три позиции: позитивная, нейтральная, негативная. Наиболее ярко в документах личных дел представлена первая позиция, выражавшаяся в коллективных письмах в защиту священно- или церковнослужителя. Чаще всего это обращения в налоговые комиссии или «подписки», подтверждающие доходы священника. Вполне возможно, что, в некоторых случаях подобные заявления могли быть написаны по просьбе священника. Но, в выше приведенном деле А. И. Юдина именно группа прихожан проявила инициативу, так как самим священником заявление в налоговую комиссию не подавалось.

Наиболее же типичными являются заявления односельчан, прилагаемые к заявлению самого священнослужителя, датируемые 1928-1929 гг. Некоторые не

---

<sup>1</sup> Заявление группы верующих села Доволенского Индерского района от 10.10.1928. // Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

<sup>2</sup> Заключение Р.Н.К. Индерского райисполкома. // Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 47. Л. 26.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Заключение Р.Н.К. Индерского райисполкома от 19.12.1928. // Там же. Л. 7.

ограничивались простым перечислением доходов священнослужителя, но приводили и другие факты, раскрывающие взаимоотношения между прихожанами и духовенством, а также религиозные настроения жителей села. Так, в личном деле священника с. Лянино Баклушевского района А. А. Попова содержатся справки и «подписки» от прихожан. В них, помимо перечисления сумм, получаемых священником за исполнения треб, указывалось, что если кто-то не мог уплатить за исповедь, то он не требовал, а также, что «на исповедь редко кто ходит кроме старух»<sup>1</sup>. В другой «подписке» отмечалось, что «в праздничные дни к обедне у нас ходят очень мало из мужиков постоянно ходит два мужика[,] а из баб 15-20 старух[,] а молодые бабы приходят только когда надо причастить ребятишек. У нас можно видеть много народа в церкви только на пасху[,] а в остальное время никто не ходит»<sup>2</sup>. Данные факты свидетельствуют о невысоком уровне религиозности крестьянства, основными носителями которой являлись пожилые женщины. С другой стороны, наличие нескольких «подписок» свидетельствует о том, что судьба священника была не безразлична односельчанам: «со своей стороны мы заявляем протест против такой несправедливости»<sup>3</sup>.

В подтверждение низкого уровня дохода священника от службы в церкви, авторы указывали, что «церковные доходы таковы: мы уже несколько месяцев не имели в церкви свеч, ладону и нет средств купить»<sup>4</sup>. Далее в деле фигурирует заявление от церковного совета, в котором также указывается на бедность прихода и малый доход священника: «Наша община настолько мала, что не в состоянии аккуратно выплачивать жалованье[,] которое священник предложил нам... по 20 р в месяц. И если бы священник не занимался сельским хозяйством, то... ему невозможно было прожить тем заработком...Говоря откровенно у нас ни один

---

<sup>1</sup> Подписка от гр-н Лянинской религиозной церковной общины граждан выселка Григорьевского Нижне-Каргатского района для Барабинской налоговой комиссии от 15.10.1928. // ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 235. Л. 21.

<sup>2</sup> В Барабинскую налоговую комиссию от верующих Лянинской православной религиозной общины граждан с. Лянино Баклушевского района. 17.10.1928. // Там же. Л. 35.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

священник не выживал больше одного года, а этот живет только потому что более надеется на крестьянский труд в своем хозяйстве, а не на заработок от службы»<sup>1</sup>.

Особенно показательными являются письма, написанные уже в 1930-е гг. и содержащие просьбы не о снижении налога, а о возврате конфискованного имущества и возвращении со спецпоселения. Так, в личном деле псаломщика с. Зимовье Черепановского района Ф. З. Примака<sup>2</sup> содержатся несколько коллективных писем. В первом из них активные граждане просили восстановить Ф. З. Примака в избирательных правах и вернуть изъятое у него имущество<sup>3</sup>. Во втором, озаглавленном как «одобрительный лист», подробно описывалась деятельность Ф. З. Примака на протяжении 1920-х гг., далее указывалось, что «в 1931 г. по каким-то наговорам и злобе лишен голоса»<sup>4</sup> и был выслан вместе с семейством. Односельчане оправдывали Примака, что он был наравне с другими, которые «ходят в церкву по старинке»<sup>5</sup>, батраков не имел, никого не эксплуатировал. В итоге граждане ходатайствовали о возвращении Ф. З. Примака вместе семьей из высылки<sup>6</sup>. Подписи под этим «одобрительным листом» поставили 15 человек, а первое письмо подписали 36 односельчан. К сожалению, изменить ситуацию данные письма не смогли, в избирательных правах Ф. З. Примака не восстановили, но сам факт проявления коллективной солидарности сельчан с бывшим церковнослужителем заслуживает внимания.

Негативная позиция части населения по отношению к духовенству (как, впрочем, и «лишенцам») выражалась в доносительстве. По наблюдениям М. С. Саламатовой, достаточно часто имели место случаи лишения избирательных прав по «заявлениям граждан» (по сути по доносам соседей, коллег по работе, знакомых и т.д.)<sup>7</sup>. В частности, из нашей выборки личное дело на П. Н. Жилину заведено на основании обращения в сельскую избирательную комиссию

---

<sup>1</sup> Заявление Лянинского церковного совета в Барабинскую налоговую комиссию от 18.10.1928. // Там же. Л. 38.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1036.

<sup>3</sup> Там же. Л. 7.

<sup>4</sup> Одобрительный лист. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1036. Л. 31.

<sup>5</sup> Там же. Л. 32.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 34.

жительницы д. Алдыган Колпашевского района с просьбой лишить избирательных прав ее односельчанку за то, что она «...приносит вред населению[,] отчитывая умалишенных...»<sup>1</sup>. Впрочем, доносы такого рода «благожелателей» встречаются и в нескольких других делах, хотя в них открыто и не требуется лишение избирательных прав<sup>2</sup>.

Ярко демонстрирует две стороны взаимоотношений крестьян и духовенства личное дело бывшего священника села Гольцовского Змеиногорского района Андрея Казина. В сентябре 1928 г. граждане села Гольцовского выдали ему справку в том, что гражданин Андрей Казин занимается исключительно сельским хозяйством, не имеет батраков, а также во время сезонной работы никого не нанимает<sup>3</sup>. Но уже в декабре того же года поступило заявление, в котором некий гражданин с. Гольцовки Михаил Нефедович Хмелев писал, что: «Бывший священник Казин Андрей Герасимович как не священник как он себя именует, а в 1926 году и в 25 году крестил детей и венчал...»<sup>4</sup>. Далее Хмелев указывал, что Казин, крестивший детей на дому, брал по 50 копеек за ребенка, а также имеет наемных батраков более 10 лет<sup>5</sup>.

О неоднозначности отношения к священнослужителям свидетельствует и протокол заседания комитета бедноты Ново-Ивановского сельсовета Тарского района от 22.06.1930 г., на котором рассматривалось лишение избирательных прав священника И. С. Кокоулина. Один односельчанин считал, что «О нем и не стоит говорить[,] раз поп[,] он открыто идет против власти»<sup>6</sup>. Другой возражал ему: «Поп [-] это не торговец и тут нужно разобраться как следует. Мы должны рассмотреть[,] что он является эксплуататором[,] жил на нетрудовом доходе...»<sup>7</sup>. В результате постановили: «Хозяйство Кокоулина считать явно кулацким[,] лишение

<sup>1</sup> Заявление А. А. Бочабановой в сельскую избирательную комиссию от 22.12.1928. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 492. Л. 4.

<sup>2</sup> Заявление И. Патанскова в Кандерепский сельсовет [1931 г.]. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 574. Л. 7.

<sup>3</sup> Справка от граждан с. Гольцовки // ГААК. Ф. Р-674. Оп. 3. Д. 167. Л. 6.

<sup>4</sup> Заявление М. Нефедовича от 15.12.1928 // ГААК. Ф. Р-674. Оп. 3. Д. 167. Л. 2.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Выписка из протокола заседания группа бедноты Ново-Ивановского сельсовета от 22.06.1930. // ГИАОО. Ф. Р-1544. Оп. 2. Д. 315. Л. 5.

<sup>7</sup> Там же.

избирательных прав произведено правильно, а также обложен в индивидуальном порядке»<sup>1</sup>.

Параллельно с «раскулачиванием» продолжалась травля церкви в советской прессе. Периодически публиковались статьи, призывавшие бороться с религией<sup>2</sup>. Обвинения в отношении представителей духовенства звучали и в связи перевыборами, о чем свидетельствует заметка в «Советской Сибири» от 26 декабря 1930 г.: «Церковники по заказу кулачества решили одновременно с перевыборами советов выбрать свои церковные советы»<sup>3</sup>. Далее в заметке сообщалось, что «...попы ходили по дворам и пугали исключением верующих за вхождение в колхоз и участие в перевыборах в советы»<sup>4</sup>. Подобная статья опубликована и январе 1931 г., в ней отмечалось, что во время перевыборов в советы активизировалась деятельность церковников, пытавшихся ослабить внимание бедноты и середняков к перевыборам: «молитвенные шествия, «демонстрации» церковников... вот те способы, которые наиболее широко практикуются»<sup>5</sup>.

В прессе также публиковались отречения бывших священнослужителей. По замечанию Ш. Фицпатрик, больше всего советская власть была заинтересована в отречении от своего сана священников, так как подобные заявления, сделанные публично, являлись ярким подтверждением провозглашаемого в СССР положения, что религия – надувательство, разоблаченное современной наукой<sup>6</sup>.

С конца 1920-х гг. в местной печати периодически появлялись в виде писем в редакцию заявления священников об отречении от своего сана. Это могли быть как отдельные заметки с разоблачением религии, так и списки отрекшихся от сана священнослужителей. Подобный список под заголовком «Отказываются дурачить трудящихся» был опубликован в газете «Красное знамя» в 1930 г.<sup>7</sup>, в нем фигурировали православные священники, старообрядец, сектантские

<sup>1</sup> Выписка из протокола заседания группа бедноты Ново-Ивановского сельсовета от 22.06.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-1544. Оп. 2. Д. 315. Л. 5.

<sup>2</sup> Надо бороться с религией // Красный Алтай. 1928. 15 апреля. С. 2.

<sup>3</sup> Кулакам не удастся сорвать перевыборы. Новый приток в колхозы. // Советская Сибирь. 1930. 26 декабря. С. 1.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Контрреволюционная деятельность церковников // Советская Сибирь. 1931. 20 января. С. 2.

<sup>6</sup> Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 155.

<sup>7</sup> Отказываются дурачить трудящихся // Красное знамя. 1930. 28 февраля. С. 4.

проповедники. Персональные заметки с отказом от сана также могли различаться по стилю, объему и радикальности. Начиная от коротких, просто констатирующих факт сложения сана: «Я свящ. [священник] Вячинин Ив. Як. прожив. [проживающий]. в с. Елгай, Кожевниковского района, Сибкрая снимаю с себя священнический сан и порываю с религией о чем и довожу до всеобщего сведения»<sup>1</sup>. И заканчивая целыми антирелигиозными статьями с призывами к духовенству и прихожанам порвать всякую связь с религией, как, например, открытое письмо бывшего священника села Ленки Славгородского округа Ф. А. Шестакова, опубликованное в газете Советская Сибирь от 23 июля 1927 г., в котором он заявлял, что не желает «...оставаться в лагере реакционеров...», навсегда снимает с себя сан, а религия – это «...выдумка, для эксплуатации и гнета масс...»<sup>2</sup>. Далее он призывал всех священнослужителей бросать обманывать себя и других и идти на живую работу<sup>3</sup>.

Но публичные отречения могли иметь и обратный, от ожидаемого властями, эффект. Так, бывший омский священник А. Кучин после службы в церкви произнес с амвона речь с обличением религии, что вызвало крайне негативную реакцию прихожан. Даже в газетной заметке отмечалось: «злостью и ненавистью к расстриге кипели разгневавшиеся тихоновцы»<sup>4</sup>. А сам А. Кучин в заявлении писал, что «...верующие пришли в сильную ярость...»<sup>5</sup>.

Параллельно с антирелигиозной пропагандой шел процесс закрытия церквей. Выделяются три основных причины для закрытия храмов<sup>6</sup>:

1. Население остро нуждалось в здании культурно-просветительского характера (однако показательно, что в дальнейшем здания церкви часто перепрофилировалось под склады).

2. Прихожане были не в состоянии внести необходимую плату (земельную ренту, страховку, пеню, оплатить ремонт).

<sup>1</sup> Вячинин Ив. Як. // Красное знамя. 1930. 4 октября. С. 4.

<sup>2</sup> Открытое письмо бывшего священника // Советская Сибирь. 1927. 23 июля. С. 4.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> «Из попов в безбожники» // Рабочий путь. 1929. 21 мая. С. 4.

<sup>5</sup> Заявление А. Кучина в Омскую окружную комиссию по восстановлению в правах от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5.

<sup>6</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово, 2007. С. 223.

3. Отсутствие священнослужителя, в том числе по причине репрессий, которыми сопровождалась антирелигиозная кампания<sup>1</sup>.

Эти два процесса – дискриминационные меры в отношении священно- и церковнослужителей и закрытие церквей были тесно связаны друг с другом. Отсутствие священника (не только из-за репрессий, дискриминационные меры, сопутствующие лишению избирательных прав, также сыграли свою роль) являлось хорошим поводом для закрытия церкви; с другой стороны, отсутствие места для проведения богослужений оставляло священнослужителей без работы. Как отмечал один бывший священник в своем заявлении: «Служить по культовой части больше не намерен, да и служить негде»<sup>2</sup>. Последняя фраза особо привлекла внимание властей, и была вероятно расценена как неполный отказ от религии.

Таким образом, лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей являлось одной из мер, направленных на борьбу с Русской Православной Церковью. Проводимая параллельно с репрессивной дискриминационная политика вынуждала часть духовенства отречься от сана, в том числе публично. Данное явление использовалось советской властью в качестве антирелигиозной пропаганды. Кроме того, сокращение числа священнослужителей могло являться поводом для закрытия церквей. Как отмечает Л. И Сосковец: «антирелигиозная политика большевистского режима привела к массовой потере представителями духовенства всех конфессий своего статуса, авторитета, профессионального занятия, сделала их классическими маргиналами»<sup>3</sup>.

Отношения представителей клира с социумом оцениваются неоднозначно. С одной стороны, священно- и церковнослужители находили поддержку среди прихожан, которые были готовы ходатайствовать за них перед налоговыми комиссиями. С другой стороны, некоторые из числа негативно настроенных по отношению к духовенству и церкви граждан, могли выражать свою позицию в форме доносов.

---

<sup>1</sup>Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово, 2007. С. 223.

<sup>2</sup>Заявление К. Д. Дегтярева в президиум Алексеевского района от 01.10.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 149. Л. 23.

<sup>3</sup>Сосковец Л. И. Верующие как маргиналы в советском обществе // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. Т. 10. № 1. С. 10.

### 1.3. Распространение дискриминационного статуса на членов семьи «лишенца»

Лишение избирательных прав сказывалось не только на самих священно- и церковнослужителях, но и на членах их семей. Как верно отмечает Ю. А. Русина: «Лишенец – это своего рода клеймо, которое ставилось и на самого бывшего служителя религиозного культа независимо от периода и степени участия в жизни церкви и в распространении религиозного вероучения, и на его ближайших родственников»<sup>1</sup>.

В электронной базе данных членов семей «лишенцев», созданной на основе личных дел, внесена информация о 118 персоналиях. Оценить общую численность членов семей священно- и церковнослужителей Западной Сибири, лишенных избирательных прав, не представляется возможным. Численность всей категории членов семей «лишенцев» в 1927 г. составляла 38700 человек, а в 1929 г. – 92900 человек<sup>2</sup>. Из нашей выборки 32,2% (38 человек) составили жены священнослужителей, 67,8% (80 человек) – дети. 47 «лишенцев» данной выборки проживали в городах, 71 – в сельской местности.

Дискриминационные меры, следовавшие за лишением избирательных прав, вынуждали «лишенцев» искать разные возможности и пути восстановления в правах. К родственникам священно- и церковнослужителей власти относились с двойным предубеждением: во-первых, как к лицам, состоящим на иждивении «лишенца», во-вторых – как к имеющим связь с духовенством. Отношение властей, в частности, к женам священнослужителей ярко демонстрирует постановление, принятое на заседании Коченевской сельской избирательной комиссии 18 ноября 1930 г.: «Принимая во внимание, что Попова Пелагея является женой священника и проживает на его нетрудовой доход, считать таковую социально опасной для

---

<sup>1</sup>Русина Ю. А. "Нет права голоса - нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 194.

<sup>2</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917-конец 1930-х годов. [Электронный ресурс]. URL: [http://zaimka.ru/soviet/krasiln1\\_p1.shtml](http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml). (дата обращения: 15.07.2016.)

советского государства и лишить избирательных прав»<sup>1</sup>. Тем самым, уже факт принадлежности к церкви и священнослужителям делал человека в глазах властей «социально опасным».

В сложном положении оказались жены священников, всю свою жизнь проработавшие в школах и оставившие работу по состоянию здоровья. Так, А. В. Копылова<sup>2</sup> и Е. А. Анисимова<sup>3</sup> имели двадцатипятилетний учительский стаж и получали пенсию, пока не оставили работу в школе. После того, как они оказались на иждивении своих мужей-священников, их включили в список «лишенцев», а А. В. Копыловой, ко всему прочему, перестали выплачивать пенсию. Такой поворот событий стал для нее полной неожиданностью, А. В. Копылова обращалась с заявлениями в комиссии различных уровней и даже писала лично Н. К. Крупской, возмущаясь подобной несправедливостью<sup>4</sup>.

В трагичной ситуации оказывались жены и дети «раскулаченных» священно- и церковнослужителей. Так, жена З. Ф. Лемехова, «раскулаченного» в мае 1931 г., обращаясь в Вассинский сельсовет с просьбой, так описывала свое положение: «...в числе других окулачен и мой муж Лемихов Захар Федорович и лишон, избирательных прав как служитель религиозного культа[,] которое в корень не справедливо[,] если он и посещал церковь[,] так не как священник или дьякон[,] а просто как религиозный верующий. После его ареста и отправки в Новосибирск оставшись одна с 3 детьми мне приказали очистить свой дом...не пощадив и малолетних детей[,] которые ни в чем не повинны. Оставшаяся картошка была расхищена членами артели и другими гражданами села Коурака...»<sup>5</sup>. Далее У. М. Лемехова пишет, что просила хотя бы ведро картошки для посадки, но получила отказ. Кроме того, в ходе обысков она лишилась швейной машинки, о возвращении которой она также ходатайствовала.

---

<sup>1</sup> Выписка из протокола заседания Коченевской сельской избирательной комиссии от 18.11.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-1об.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 789. Л.1-16.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 730. Л. 1-15.

<sup>4</sup> Заявление А. В. Копыловой члену Наркомпроса т. Н. К. Крупской от 27.12.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 789. Л. 3.

<sup>5</sup> Заявление У. М. Лемеховой Вассинскому райисполкому от 12.5.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 512. Л. 9.

Жена псаломщика Т. У. Острецова, обращаясь в крестьянскую инспекцию Барабинского округа, просила о возвращении арестованного мужа. В его защиту она писала, что тот получал за службу псаломщика 3 рубля в месяц, основным занятием являлось сельское хозяйство, «против советской власти ничего не говорил»<sup>1</sup>. Также она описывала свое с детьми бедственное положение: «брошена на произвол судьбы[,] остаюсь голодная и разутая»<sup>2</sup>. В данном случае примечателен факт ходатайства за мужа, попытки доказать, что он ни в чем не виноват.

Особого рассмотрения требует письмо жены репрессированного священника Г. М. Теодоровича. Герасим Михайлович Теодорович в 1886 г. окончил духовное училище, в 1893 г. — духовную семинарию в Вильно, служил псаломщиком. В 1903 г. был рукоположен в священники, до 1915 г. служил в Свято-Троицкой церкви в деревне Мурава Пружанского уезда, в 1920-е гг. — в с. Бураново Черепановского района Новосибирской округа. Его жена Теодорович Елена Михайловна (1874 г. р.) окончила женскую гимназию в Гродно, преподавала в сельских двухклассных школах. После замужества занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. 29 мая 1930 г. Е. М. Теодорович арестовали, приговорили к 5 годам ИТЛ и отправили в Сиблаг. В 1931 г. после определения медицинской комиссией инвалидности лагерь был заменен ссылкой; и ее отправили в село Верхняя Левка Омского округа, где она стала работать счетоводом в колхозе. В конце января 1932 г. Е. М. Теодорович обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой<sup>3</sup>: «Муж мой, как священник, с 1920 часто был заключаем ОГПУ в тюрьму, ибо был весьма устойчив в своих религиозных воззрениях. А я, как женщина, как мать, много переживала за неблагополучие своего семейства и, в целях упорядочения своего быта, естественно, вынуждена была, оставаясь на свободе, ходатайствовать о муже пред ОГПУ в г Москве, куда я каждый раз выезжала лично, и мои ходатайства каждый

<sup>1</sup> Заявление Т. У. Острецовой в крестьянскую инспекцию Барабинского округа от 04.04.1930 г. // ГАНО Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 539. Л. 8 об.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Письмо Е. М. Теодорович Е. П. Пешковой от 25.01.1932 г. // Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД [Электронный ресурс]. URL: [http://pkk.memo.ru/letters\\_pdf/002615.pdf](http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002615.pdf) (дата обращения: 17.11.2016)

раз удовлетворялись: муж был — телеграфным требованием из Москвы — освобожден из заключения. И это было несколько раз. Наконец, в 1930 г. 18 мая муж опять был взят Новосибирским ОГПУ. И, наверное, он был бы, как и прежде, освобожден вновь, если бы мне удалось опять поехать с ходатайством в Москву, — натяжка была очевиднее, чем прежде. Но на этот раз эта возможность была у меня отнята: я была сама, предусмотрительно, арестована тем же ОГПУ 29 мая этого же года. А потом, путем страшного для меня допроса, по характеру относящегося к ст 58 п II, — была осуждена к 5-ти годам заключения в концлагере. Итак, на сей раз муж лишен был законной защиты. Да, кроме того, и я оказалась беззащитной. Вот этой-то защиты я и ищу у Вас. О муже так и не имею никаких сведений: был слух, что он расстрелян, но и был слух, что он сослан куда-то далеко, — ничего неизвестно!»<sup>1</sup>. Приведенный пример ярко демонстрирует, что репрессивная политика могла оказывать и консолидирующий эффект. Наиболее стойкие и цельные личности оставались преданными семейным узам и готовы были защищать своих родных при любых условиях. Как следует из письма, для Е. М. Теодорович ходатайства за мужа являлись настолько естественным, что другие варианты поведения в сложившейся ситуации она и не рассматривала.

В противоположность защитной линии поведения, одной из очевидно вынужденных реакций супруг священнослужителей, пытавшихся добиться восстановления в избирательных правах, являлся развод. Уместно допустить, что в некоторых случаях разводы оказывались фиктивными. Сложно судить об искренности подобных отречений. После расторжения брака восстановление в избирательных правах не происходило автоматического, для этого следовало подавать ходатайство. Одна бывшая супруга священника следующим образом объясняла причины своего развода: «...не желая больше жить с моим мужем, который, несмотря на мои просьбы бросить профессию служителя религиозного культа, продолжал оставаться священником, я в феврале месяце 1930 г. 3-го числа

---

<sup>1</sup>Письмо Е. М. Теодорович Е. П. Пешковой от 25.01.1932 г. // Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД [Электронный ресурс]. URL: [http://pkk.memo.ru/letters\\_pdf/002615.pdf](http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002615.pdf) (дата обращения: 17.11.2016)

расторгла с ним брак и ушла с ребенком к своему отцу-рабочему»<sup>1</sup>. Далее автор указывала, что на момент заключения брака ее муж не был священником, а принял сан уже после женитьбы. В рассматриваемом заявлении, с одной стороны, подчеркивается факт разрыва отношений с мужем и негативная позиция заявительницы по отношению к его службе в церкви; с другой стороны, автор ставит акцент на том, что ее отец рабочий, и, таким образом, подчеркивает свое пролетарское происхождение.

К разводам с «лишенцами» местные власти относились с подозрением и часто рассматривали их как фиктивные. Так, разбирая заявление бывшей жены священника Коченевская комиссия отказала ей в восстановлении в правах на следующем основании: «...не порвавшая до настоящего времени связь с мужем...в виду этого, что бракоразводная справка фактически является фиктивной, поскольку бракоразвод был заключен после лишения избирправ [избирательных прав] ее мужа»<sup>2</sup>. В данном случае сам факт, что супруги приняли решение о разводе после лишения избирательных прав, автоматически, с точки зрения властей, делал его фиктивным. В итоге ходатайство не было удовлетворено и в восстановлении в избирательных правах отказали.

Активность по выявлению фиктивных разводов проявляли и «бдительные» граждане. Так, жительница г. Томска в 1931 г. уведомляла Томский окружной исполнительный комитет о своей соседке, бывшей жене священника: «Они как будто бы развелись, но на самом деле он содержит ее, приезжает к ней и одним словом связь тесная...»<sup>3</sup>. Далее доносительница выражала недоумение тем, что соседка отсутствует в списках «лишенцев». По всей видимости, данное обращение имело последствия, так как в 1934 г. бывшая жена священника ходатайствовала о восстановлении избирательных правах, хотя на тот момент он уже три года как скончался<sup>4</sup>. В итоге ее просьбу удовлетворили и исключили из списков

---

<sup>1</sup>Заявление О. Н. Хохловой в Томский окружной исполнительный комитет от 21.05.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 594. Л. 4.

<sup>2</sup>Выписка из протокола №22 Заседания комиссии по рассмотрению списков лиц, лишенных избирательных прав по Коченевскому району 20.05.1930. // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 524. Л. 2

<sup>3</sup> Заявление М. Бархатовой в Томский горсовет [1931 г.] // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 415. Л. 6.

<sup>4</sup> Заявление К. К. Гордеевой в комиссию по восстановлению в правах при Томском горсовете. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 415. Л. 7.

«лишенцев». Встречаются и обратные явления, когда граждане проявляли солидарность и поддерживали «лишенцев», подтверждая факты их биографии. Так, жительницы г. Барнаула заявляли, что жена бывшего священника М. В. Головачева «получает средства на содержание от своего сына»<sup>1</sup>.

Иногда ситуации с лишением избирательных прав близких родственников доходили до абсурда. Так, в г. Томске избирательных прав лишили жену священника, скончавшегося в 1911 г.<sup>2</sup> Хотя после обращения с соответствующим доказательным заявлением в избирательных правах ее восстановили. Но не для всех ситуация складывалась благополучно. Кончина главы семьи – «лишенца» не всегда являлась поводом для восстановления в правах. Как свидетельствует выписка из протокола заседания президиума Зырянского РИКа Запсибкрая: «... гр. Ярославцеву со всеми проживающими в ее хозяйстве достигшими 18-летнего возраста и находящимися на ее иждивении лишить избирательных прав как жену умершего попа»<sup>3</sup>. Комиссия по разбору жалоб также не изменила данного решения<sup>4</sup>.

Еще одной из дискриминационных мер, сопутствовавших лишению избирательных прав, являлось ограничение для детей «лишенцев» продолжать образование. Данная мера вызывала возмущение со стороны детей: «Лишая гражданства нашего отца, тем самым Вы лишаете нас образования, а также и существования»<sup>5</sup>. Далее авторы заявления писали, что их положение в школе стало совершенно невыносимым: «Мы как дети лишенца механически выбыли из всех юношеских организаций, кружков и не имеем права участвовать в общественно-организационной работе»<sup>6</sup>. Таким образом, последствия дискриминационного статуса «лишенца» дети священнослужителей ощущали уже с ранних лет. Другой сын псаломщика жаловался, что его исключили из комсомола, когда отец стал

---

<sup>1</sup> ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 697. Л. 24.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 894. Л. 1-13.

<sup>3</sup> Выписка из протокола заседания президиума Зырянского РИКа Запсибкрая от 6-22.09.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 729. Л. 14.

<sup>4</sup> Выписка из протокола № 2 заседания комиссии по разбору жалоб при Зырянском РИКе Запсибкрая от 10-11.07.1933 г. // Там же. Л. 15.

<sup>5</sup> Заявление в Татарский райизбирком от Л. Шестковой, Т. Шестаковой, Е. Шестакова, А. Шестакова [1929 г.]. // ГАНО. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 9.

<sup>6</sup> Там же.

служить в церкви и был лишен избирательных прав: «...я не знаю куда обретусь погибает моя молодость ни за что...»<sup>1</sup>.

Еще сложнее «лишенцам» было получить доступ к образованию в техникумах и вузах. Так, сын омского священника М. П. Вишневецкий был отчислен из финансово-экономического техникума в 1935 г. как «сын служителя религиозного культа»<sup>2</sup>. В своем заявлении в Омский городской совет автор возмущается тем, что при поступлении он не скрывал своего социального происхождения и его зачислили, а теперь решили отчислить: «об этом им было известно из моей анкеты и документов, предъявленных мной при поступлении в техникум, при чем в тот момент у дирекции и приемной комиссии не было отводов»<sup>3</sup>. При этом на момент отчисления, его отца, П. С. Вишневецкого, уже не было в живых (он умер в июне 1933 г., а за 2 месяца до этого отрекся от сана). Сам же М. П. Вишневецкий не жил совместно с отцом с 1931 г., работал, получил инвалидность, в 1934 г. поступил в финансово-экономический техникум, где «хорошо учился, получил звание ударника учебы»<sup>4</sup>, являлся членом профсоюза с 1931 г. Обращаясь к властям, он просил выдать справку в том, что он не является «лишенцем» и «об отсутствии законных препятствий к учебе»<sup>5</sup>. Постановлением президиума Омского городского совета от 13 февраля 1935 г. М. П. Вишневецкий был исключен из списков «лишенцев», но о восстановлении в техникуме информации нет. Вполне возможно, что М. П. Вишневецкий числился «лишенцем» как иждивенец отца, но сам об этом мог и не знать, а поэтому не указал данный факт при поступлении. Впоследствии же это обстоятельство открылось, и по этой причине он был отчислен.

Кроме ограничения в образовательной сфере дети «лишенцев» не допускались к службе Красной Армии. Еще в период организации РККА, 20 июля 1918 г., СНК принял декрет «О призыве в тыловое ополчение лиц, не подлежащих

---

<sup>1</sup> Заявление М. Л. Решетняка в районную избирательную комиссию от 07.01.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 555. Л. 9.

<sup>2</sup> Заявление М. П. Вишневецкого в городской совет г. Омска [январь 1935 г.] // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 832. Л. 2.

<sup>3</sup> Там же. Л. 2 об.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. Л. 3.

призыву в Красную Армию». В их число входили почти все категории граждан, лишаемых избирательных прав по 65-й статье Конституции (кроме осужденных и умалишенных). В условиях советской действительности 1920-х-1930-х гг. с ее мощной пропагандистской машиной служба в армии расценивалась абсолютным большинством жителей страны как форма высшего доверия государства и священная обязанность. И потому запрет на службу в армии являлся одной из тех дискриминационных мер, которые особенно тяжело переносились молодым поколением лишенцев<sup>1</sup>. Так, сын одного псаломщика сетовал на то, что он, призванный в Красную армию 1926 г., не успел дослужить весь срок, так как отца его лишили избирательных прав, а, следовательно, его как «лишенца» уволили из армии<sup>2</sup>.

Служба Красной Армии позволяла красноармейцам и членам их семей получать некоторые льготы на время службы и после ее окончания, поэтому, в течение непродолжительного периода (1923–1924 гг.) «нетрудовые элементы» зачислялись в специальные невоенизированные «команды обслуживания»<sup>3</sup>. В ходе военной реформы и общего сокращения армии в 1925 г. подобные команды были упразднены. Согласно принятому Закону об обязательной военной службе «лишенцы» с момента достижения призывного возраста подлежали обязательному зачислению в тыловое ополчение. Но, так как создание частей тылового ополчения в мирное время не предполагалось, то лица, зачисленные в тыловое ополчение, облагались специальным «военным налогом», а кроме того, состояли на особом военном учете<sup>4</sup>. С 1930 г. начинается образование полков тылоополчения. Труд «тылоополченцев» использовался на народнохозяйственных и оборонных объектах. С 1933 г. постановление «О тыловом ополчении» в качестве поощрительной меры давало возможность «тылоополченцу», хорошо

---

<sup>1</sup>Атаев Т. И. Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920-130 гг. (на материалах Карачаевской автономной области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 33.

<sup>2</sup>Заявление И. А. Ведерникова в Новосибирский окружной исполнительный комитет от 17.05.1928 г. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 181. Л. 25

<sup>3</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917-конец 1930-х годов. // Сибирская заимка [Электронный ресурс]. URL: [http://zaimka.ru/soviet/krasiln1\\_p2.shtml](http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p2.shtml) (дата обращения: 15.11.2016)

<sup>4</sup>Там же.

проявившему себя в работе, ходатайствовать о досрочном восстановлении в избирательных правах<sup>1</sup>.

И действительно, служба в тыловом ополчении являлась фактором, способствовавшим восстановлению в избирательных правах. Так, сын священника Р. В. Екшибаров, отделившись от отца в 1930 г. ходатайствовал о возвращении избирательных прав, но получил отказ. В том же 1930 г., будучи призванным в тыловое ополчение, повторно подает заявление, но также безрезультатно. Отслужив положенный срок на Анжеро-Судженских копях в качестве горняка-забойщика Р. В. Екшибаров остался добровольно на той же работе по вольному найму, где находился до апреля 1935 г. Оставив работу по состоянию здоровья, он вновь ходатайствует о восстановлении в избирательных правах, и его беспрепятственно восстанавливают<sup>2</sup>.

Лишение избирательных прав губительно сказывалось на семейных взаимоотношениях, ставя родственников «лишенцев» перед сложным выбором. Как отмечает Е. В. Панкратова, разрушение традиционных моральных и нравственных ценностей, а также политика власти, одним из последствий которой стало распространение в обществе атмосферы подозрительности и страха неизбежно вело к росту разрушению семейных связей, в обществе искусственно насаждалась нетерпимость и бескомпромиссность в отношениях<sup>3</sup>.

Доказывая свою преданности советской власти и независимость от родителей, дети «лишенцев» использовали различные аргументы, начиная с отдельного жилья и собственного заработка, и заканчивая отречениями от отцов-«лишенцев». По примеру того, как сами бывшие священники отрекались от сана в покаянных письмах в газеты, так дети «лишенцев» публично заявляли о разрыве связей с родителями: «От отца своего... отказался, о чем сообщил в газету «Путь Ильича»<sup>4</sup>. Ш. Фицпатрик также отмечает, что порой дети «социально чуждых

<sup>1</sup>Миненков Д. Д. Тылоополченцы // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Новосибирск. 2010. С. 16.

<sup>2</sup>ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 1048. Л. 11, 12, 30.

<sup>3</sup>Панкратова Е. В. Последствия деформации нравственных и моральных ценностей в советском обществе в 1930е годы. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2010. № 8. С. 59.

<sup>4</sup>Заявление Н. И. Исатченко в Болотнинский РИК [1932 г.] // ГАНУ. Ф. Р-457. Оп. 1. Д.230. Л. 1 об.

элементов» «порывали связь» с родителями, публикуя заявления в печати: «Я, как сын священника, порываю всякую связь с духовным званием. Учитель Юрий Михайловский»<sup>1</sup>. Кроме отдельных персональных писем-отречений публиковались целые списки лиц, отрекавшихся от своих родителей-«лишенцев»<sup>2</sup>. Примером обострения конфликтов поколений может являться заявление дочери священника Е. И. Осточевой, в котором она писала: «учиться дальше не могла, отец отказал мне в помощи в виду обострившихся отношений»<sup>3</sup>.

Другие не шли на радикальные меры, а только пытались объяснить членам избирательных комиссий, что они не могут нести ответственность за своих родителей: «...мой отец–старик бывший крестьянин в нынешнем году стал священником. Но чем же я виноват. Я как был крестьянином так им остался»<sup>4</sup>. Далее автор использует фразу «я за отца не отвечаю»<sup>5</sup>. Подобные формулировки встречались в заявлениях еще до знаменитой фразы И. В. Сталина в 1935 г. Подобным образом писали и другие дети священнослужителей: «Я не виноват, что отец у меня служит священником и за грехи отца не могу отвечать»<sup>6</sup>; «...что я родился от попа, то я в этом не виноват»<sup>7</sup>. Некоторые прямо пытались указать властям на ошибочность собственного лишения, заявляя о политической неувязке и отсутствии всякой логики<sup>8</sup>.

Недоумение и непонимание того, в чем они провинились перед советской властью, проходит лейтмотивом через заявления детей священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Дочь священника г. Томска в своем заявлении в Сибкрайизбирком писала: «Я не могу понять почему дети лишенцев тоже лишаются избирательных прав. Ведь дети не могут отвечать за поступки

<sup>1</sup> Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 83.

<sup>2</sup> Порывают связь с родителями-лишенцами // Красное знамя. 1930. 28 февраля. С. 4.

<sup>3</sup> Заявление Е. И. Осточевой в Горизбирком г. Томска от 07.02.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1125. Л. 3.

<sup>4</sup> Заявление Н. М. Шияна Прокурору 4-го участка по Каргатскому району от 27.09.1928 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 392. Л. 29.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Заявление Г. Ф. Виноградова в Новосибирскую городскую избирательную комиссию от 18.02.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 276. Л. 7.

<sup>7</sup> Заявление В. В. Екшибарова в Маслянинский райисполком в комиссию по делам лишенцев от 13.01.1936 г. // ГАНО. Ф. Р. 449. Оп. 1. Д. 1048. Л. 25.

<sup>8</sup> Заявление П. Н. Жернакова в Нарымский Окружной исполнительный комитет. [1932 г.] // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 319. Л. 20 об.

родителей, равно как и родители за поступки детей. Разве мы виноваты в своем рождении, которое зависело не от нас. А между тем мы исключительно за свое рождение несем тяжелое наказание, нас лишают избирательных прав и как лишенцев исключают из учебных заведений...»<sup>1</sup>.

Другие указывали властям на несостоятельность их подозрений относительно религиозности детей священнослужителей: «Я воспитался при новом строе, учился в новых школах и смешно думать[,] как делают многие[,] что я могу быть приверженцем прогнившего старого строя, который я даже и не помню настолько хорошо»<sup>2</sup>.

Было бы логично предположить, что дочери священнослужителей после своего замужества исключались бы из списков «лишенцев». Даже если они сами не работали, то теперь находились на иждивении супруга. Тем не менее, личные дела «лишенцев» свидетельствуют об обратном: после замужества автоматического восстановления в правах не происходило, о этом необходимо было ходатайствовать и результат не был гарантированно положительным. Так, в ответ на заявление дочери диакона, вышедшей замуж, районная избирательная комиссия постановила: «в виду того, что гр-ка Кукина (Фреенко) находится в замужестве первый год и ни в чем себя в общественной работе не проявила – в порядке ст. 19. инструкции в ходатайстве отказать»<sup>3</sup>. Через год сельская комиссия вновь рассмотрела заявление Кукиной и приняла решение, что следует считать Кукину исключенной из списков лишенных избирательных прав автоматически, так как она замужем и не находится в материальной зависимости от отца<sup>4</sup>. По аналогичной причине отказали в восстановлении в избирательных правах дочери священника: «...как дочери служителя религиозного культа, жившей на его иждивении до 06.31 г. и не проявившей себя на общественно-полезной работе»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Заявление С. И. Зяблицкой в Сибкрайизбирком от 19.03.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 608. Л. 1.

<sup>2</sup> Заявление Г. В. Инфантьева в Сибкрайисполком от 26.08.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 1926. Л. 3 об.

<sup>3</sup> Выписка из протокола № 14 заседания районной избирательной комиссии Вьюнского райисполкома Новосибирского округа от 12.02.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 438. Л. 9.

<sup>4</sup> Выписка из протокола № 2 заседания комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев при Лелинском сельсовете от 22.05.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 438. Л. 2.

<sup>5</sup> Выписка из протокола заседания Томской городской избирательной комиссии от 19.11.1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 596. Л. 12.

Клеймо «лишенца» могло распространяться не только на детей, но и на их супругов, которые с самим «лишенцем» не были связаны кровными узами. Так, например, Е. П. Ведерникова, лишённая избирательных прав, была выслана в 1930 г. вместе мужем и свекром – бывшим псаломщиком. В 1935 г. она порвала с мужем всякую связь и ей удалось добиться восстановления<sup>1</sup>. Другая невестка в своем заявлении писала: «...если бы я знала[,] когда выходила замуж [,] что меня лишат голоса за отца моего мужа я ни за что бы не пошла к ним жить...»<sup>2</sup>.

Даже в том случае, когда дети жили отдельно от родителей-«лишенцев», власти тщательно изучали ситуацию, выясняя, не поддерживают ли родители каким-нибудь образом детей. Так, в деле лишение избирательных прав детей томского священника, уехавшего из города в сельскую местность в 1922 г., окружной административный отдел поручал выяснить, поддерживают ли дети связь с отцом и не получают ли денежной или иной помощи<sup>3</sup>. В ответном рапорте со слов домовладельца, где жила семья, указывалось, что дети состоят отцовском иждивении, так как он раз в месяц приезжает в город с продуктами в корзинах и мешках<sup>4</sup>. Сами дети связь с отцом отрицали и обвиняли хозяина в клеветничестве и «использовании классовой борьбы в своих интересах»<sup>5</sup>.

Если же дети проживали вместе с родителями, доказать финансовую самостоятельность было еще труднее. Совместное проживание автоматически рассматривалось властями в качестве материальной зависимости. Одним из способов доказать свою независимость от «лишенца» являлся переезд на постоянное жительство к другим родственникам, проживавшим на трудовой доход. В сельской местности одним из вариантов получить самостоятельность являлось составление раздельного акта. Но данный способ не всегда принимался властями

---

<sup>1</sup>Заявление Е. П. Ведерниковой в Черепановский райисполком от 08.07.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 181. Л. 44.

<sup>2</sup>Заявление А. С. Свойкиной прокурору Сузунского района от 18.03.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 846. Л. 11.

<sup>3</sup>Окружной административный отдел начальнику 1-го отделения городской милиции от 07.12.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 101. Л. 4-4 об.

<sup>4</sup>Рапорт начальнику 1-го отделения Томской городской милиции от 17.12.1929. // Там же. Л. 8.

<sup>5</sup>Заявление Антоновых в административный отдел от 04.01.1930 г. // Там же. Л. 10.

как аргумент в пользу материальной независимости. Часто подобные акты объявлялись фиктивными, сделанными для вида<sup>1</sup>.

От статуса «лишенца» могли страдать не только дети и супруги, но и родители. Так, в тяжелой ситуации оказалась жительница деревни Баган Индерского района У. Резункова, находившаяся на иждивении своего внука. Последнего «раскулачили» из-за того, что он поддерживал отношения с отцом - священником и был якобы враждебно настроен по отношению к советской власти и коллективизации<sup>2</sup>. В результате конфискации имущества 88-летняя женщина оказалась в буквальном смысле на улице. Описывая свое беспризорное положение, Резункова пытается апеллировать к чувствам и эмоциям: «...я больше чем уверена[,] что вы сами признаете его выселение не правильным[,] требующим исправления понесенной ошибки[,] вот все о чем я и прошу[:] не отказать и пойти на встречу моей старости[,] а может быть у вас у самих где есть такая старуха мать, так вы вдумайтесь каково бы было ей[,] если ее постигло такое несчастье в такие годы да еще не заслуженно, а только за то что век занималась своим трудом и в поте лица добывала себе насущный кусок хлеба, и вот когда вдумайтесь[,] то поймете каково в настоящее время терпеть и страдать мне»<sup>3</sup>. Несмотря на столь проникновенное заявление в восстановлении ее внуку комиссия отказала. А в Новосибирске зафиксирован случай лишения избирательных прав отца, матери и даже деда человека, служившего священником<sup>4</sup>.

Краевой исполнительный комитет обращал внимание окрисполкомов на проблему незаконного лишения избирательных прав: «При рассмотрении жалоб лишенцев нередки случаи лишения избирательных прав гр-н за то, что они пели в церковном хору и был даже такой случай, когда была лишена избирательных прав семья, состоящая из старика отца (70 лет), его жены и 5 дочерей (взрослых) за то, что этот старик в течение месяца заменял заболевшего псаломщика, получив за это 6 рублей. Сельсовет признал, а РИК и Окрисполком с ним согласились, что вся

---

<sup>1</sup> См. напр. Выписка из протокола № 59 заседания Коларовского райисполкома от 19.06.1928 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 639. Л. 15.

<sup>2</sup> Характеристика на кулака М. Резункова // ГАНУ. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 534. Л. 6.

<sup>3</sup> Заявление У. Резунковой Уполномоченному Окрисполкома от 26.04.1930 г. // Там же. Л. 8 об.

<sup>4</sup> ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 624. Д. 625. Д. 626.

семья находилась на иждивении этого старика и жила на полученные им 6 рублей. Между тем, все органы, рассматривавшие дело, располагали исчерпывающими документами, свидетельствовавшими о том, что дочери старика ведут свое бедняцкое хозяйство и фактически не находятся на его иждивении, а наоборот он старик со своей женой уже много лет состоят на иждивении своих дочерей, занимающихся общеплезным трудом и платящих ничтожный сельскохозяйственный налог»<sup>1</sup>. Данный пример показывает, что наличие в семье священно- или церковнослужителя-«лишенца» расценивалось властями как повод считать его главой семьи, а всех остальных иждивенцами, не взирая на реальное положение дел.

В поведении членов семей священнослужителей-«лишенцев» выделяются две основных линии: доказательство собственной финансовой самостоятельности и полный отказ, разрыв отношений с главой семьи. Основными аргументами в пользу финансовой независимости являлись справки с работы, подчеркивание достижений в трудовой деятельности, членство в профсоюзах. Некоторые дети священнослужителей доказывали, что не они находятся на иждивении, а родители, которые в силу возраста не в состоянии работать: «...фактически главой семьи являлся не он, как лишенный возможности зарабатывать себе и семье кусок хлеба, а я...»<sup>2</sup>. Таким же образом пыталась восстановиться в избирательных правах жена бывшего священника: «... не я живу на средства мужа, каковых у него нет, а он, как инвалид, на моем иждивении»<sup>3</sup>. Если члены семьи «лишенца» не работали, то пытались доказать, что находятся на иждивении других родственников, занимающихся трудовой деятельностью. Выражали также желание трудиться и приносить пользу советскому государству.

В противовес попыткам отмежеваться от родных, встречаются заявления с оправданиями и поддержкой. Родители могли обращаться с ходатайствами за

---

<sup>1</sup> Сибирский краевой исполнительный комитет 23.03.1930 секретно всем председателям окружных исполнительных комитетов Сибирского края // ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 111. Л. 216.

<sup>2</sup> Заявление А. М. Копылова в Новосибирскую избирательную комиссию от 10.05.1930 г. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 790. Л. 13.

<sup>3</sup> Заявление Г. Эрзиной в Сибирскую краевую избирательную комиссию. [1930 г.] // ГАНУ. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 712. Л. 11 об.

детей, пытаясь избавить их от дискриминационного статуса. Так, священник Е. В. Каменский в своем заявлении пытался убедить членов комиссии, что его сын находится на иждивении брата и не имеет никакого отношения к религии<sup>1</sup>. Другой бывший священнослужитель, по состоянию здоровья оставивший церковь, ходатайствовал о восстановлении в избирательных правах ради сына: «Желая снять с себя пятно[,] полученное по моей службе, которое[,] чтобы не отражалось на моего сына и не мешало ему в работе...»<sup>2</sup>.

Дети также приводили аргументы за восстановление в избирательных правах своих родителей: «отец мой хотя и имел духовный сан священника, но культовых обрядов не совершал по болезни и старости».<sup>3</sup> В некоторых случаях жены священнослужителей оправдывали своих мужей: «потеряв здоровье, он только с 1924 года пошел в служители культа»<sup>4</sup>. Данные примеры показывают, что даже в экстремальных ситуациях люди сохраняли родственные связи и поддерживали друг друга. Ставка властей на разрыв поколений могла давать обратный эффект и способствовать консолидации «лишенцев».

В итоге восстановиться в избирательных правах удалось 64,4% (76 человек), из них почти половина (35 человек) восстановлены в 1930 г., что напрямую связано с деятельностью комиссий по пересмотру списков «лишенцев». При этом детей восстанавливали значительно чаще (75 %), чем супругов (42,1%). Власти делали ставку на молодежь, давая возможность стать «полноправными» гражданами. При равных условиях представители молодого поколения имели больше шансов на успех. Так, в случае с семьей омского священника Д. И. Комиссарова, уехавшего к себе на родину в Рязанскую губернию, сына восстановили в избирательных правах как живущего на самостоятельный доход, а жене в восстановлении было отказано.

---

<sup>1</sup> Заявление Е. В. Каменского в Протопоповский сельский совет Коларовского РИКа от 16.02.1926 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 679. Л. 17.

<sup>2</sup> Заявление Д. Ф. Сосунова в Маслянинскую Районную Избирательную Комиссию Запсибкрая от 01.07.1935. // ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 6 об.

<sup>3</sup> Заявление А. М. Копылова в Новосибирскую избирательную комиссию от 10.05.1930 г. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 790. Л. 13.

<sup>4</sup> Заявления М. Г. Шубиной в Сибирскую Краевую избирательную комиссию от 14.08.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 599. Л. 1.

Хотя теперь, оставшись в городе без мужа, она никак не могла находиться на его иждивении и жила у сына<sup>1</sup>.

Таким образом, статус «лишенца» не только серьезно усложнял жизнь в бытовом плане, но и подрывал моральное состояние человека. Изгоями ощущали себя как сами священно- и церковнослужители-«лишенцы», так и члены их семьи. Поэтому важным долгосрочным следствием «лишенчества» стало его разрушительное влияние на институт семьи. Следует согласиться с М. С. Саламатовой в том, что дети «лишенцев» оказались в условиях жесткого выбора: либо остаться с родителями, либо разорвать с отношения. И таким образом власти удалось разъединить поколения и нарушить прочность института семьи<sup>2</sup>. Об этом же применительно к членам семей духовенства пишет и В. Н. Мухин, указывая, что лишение избирательных прав «осложняло повседневные практики человека, ломало его судьбу, вносило раскол... в целостность семейных отношений духовенства. Детей со школьного возраста подталкивали к тому, чтобы они начали видеть в своих родителях препятствие для полноценной жизни в обществе»<sup>3</sup>.

Как отмечает Н. Б. Лебина, в запущенном властью механизме насильственного размежевания детей и родителей мало что изменили и знаменитая фраза И.В. Сталина «Сын за отца не отвечает», и даже отмена лишения избирательных прав Конституцией 1936 года. Многие молодые люди, оказавшиеся изгоями из-за социального происхождения своих родителей, оборачивали свой гнев и возмущение не на власть, а на своих родных<sup>4</sup>.

Дети священно- и церковнослужителей остро ощущали на себе дискриминационный статус, переходивший на них от родителей. Чувство обиды на родителей с одной стороны и непонимание собственной вины создавали угнетенное моральное состояние. Особенностью положения именно детей священно- и церковнослужителей являлось более настороженное и подозрительно

---

<sup>1</sup> ГИАОО. Ф. Р. 235. Оп. 8. Д. 2239. Л. 1-15.

<sup>2</sup> Там же. С. 98.

<sup>3</sup> Мухин В. Н. Положение православных в советском обществе в 1930-е года (на примере Казанской епархии). // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. №1 (28). С. 237.

<sup>4</sup> Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 179.

отношение к ним властей. Служба в церкви родителей автоматически в глазах власти делала детей носителями религиозных убеждений. И если детей других «нетрудовых элементов» рассматривали только с точки зрения материальной зависимости от родителей-«лишенцев», то в случае с детьми священнослужителей подключался идеологический компонент. И несмотря на то, что формально для восстановления в избирательных правах требовалось только самостоятельный общественно-полезный труд и материальная независимость<sup>1</sup>, в реальности к членам семей священнослужителей власти относились с явным предубеждением.

От клейма принадлежности к семье «служителя религиозного культа» избавиться было невозможно. Даже когда дети становились самостоятельными, зарабатывали своим трудом и даже жили отдельно, для того, чтобы получить заветный статус «полноправного гражданина» им приходилось неоднократно обращаться с заявлениями. «Успешность» ходатайств часто достигалась огромной морально-нравственной ценой – радикальным разрывом, демонстративным унижением себя и родителей. С другой стороны, власти сами подталкивали членов семей на этот аморализм, при этом продолжая относиться с недоверием к поведению и позициям ходатаев.

В целом дискриминационная политика власти по отношению к православным священно- и церковнослужителям, выражавшаяся в лишении их избирательных прав с сопутствующими ограничениями в социальных правах, способствовало устранению их из общества и постепенной маргинализации. Сложные условия существования вынуждали часть священнослужителей оставлять службу, поэтому лишение избирательных прав духовенства следует рассматривать как одну из мер, направленных против Русской Православной Церкви. Кроме того, одним из важных аспектов лишения избирательных прав являлось распространение дискриминационного статуса на членов семей «лишенца». Таким образом, «лишенчество» разрушительно влияло на социальную структуру общества в целом, на институт семьи, а применительно к духовенству – на церковную организацию.

---

<sup>1</sup> СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «р».

## Глава 2. Динамика состава и облика священно– и церковнослужителей– «лишенцев» региона

### 2.1. Демографические и социокультурные характеристики группы

На протяжении 1920-х годов численность священно- и церковнослужителей, причисляемых к учетной категории «лишенцев», постоянно возрастала. Соответственно, изменялась и доля данной группы в составе лиц, лишенных избирательных прав. А. И. Добкин отмечал, что одним из распространенных образов «лишенца» в советской литературе был образ сына или дочери дьяка, священника<sup>1</sup>. Но на самом деле доля священнослужителей среди «лишенцев» была не слишком высока. А. И. Добкин приводит следующие данные: доля духовенства в составе «лишенцев» в сельской местности не превышала 20%, в городах– 5-8%. Таблица 1 – Численность «лишенцев» различных категорий в СССР в 1926-1929 годах (чел/%)<sup>2</sup>

Категория	1926		1927		1929	
	Чел	%	Чел	%	Чел	%
Торговцы и посредники	423340	43,3	747829	24,8	802063	21,7
Живущие на нетрудовые доходы	143852	13,8	185639	6,2	256624	6,9
Использующие наемный труд	37282	3,8	265521	8,8	324057	8,7
Священнослужители и монахи	148145	15,2	249987	8,3	282835	7,6
«Бывшие» офицеры, чины полиции и др.	87877	9	195028	6,5	200417	5,4
Осужденные по суду	51928	5,3	139452	4,6	140909	3,8
Умалишенные и опекаемые	30067	3,1	70660	2,3	72067	2,0
Члены семей «лишенцев»	63263	6,5	1161181	38,5	1628816	43,9
Всего	1040894	100	3038739	100	3716855	100
Доля «лишенцев» от общей численности избирателей, %	1,63		4,27		4,89	

<sup>1</sup>Добкин А. И. Лишенцы 1918-1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М., Спб., 1992. Вып. 2. С. 603.

<sup>2</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). С. 15.

\*В первом столбце абсолютная цифра, во втором – процент от общей численности «лишенцев»

При сравнении данных за 1926, 1927 и 1929 гг. наблюдается явная тенденция роста численности священнослужителей-«лишенцев», впрочем, как и других категорий. При численном увеличении категории священнослужителей-«лишенцев», ее доля в составе всех «лишенцев», напротив, существенно снизилась. Данное явление объясняется тем, что с 1929 г. наблюдается значительный рост других категорий, таких как эксплуататоры наемного труда и члены семей «лишенцев»<sup>1</sup>.

Отмеченные тенденции характерны как для СССР в целом, так и для отдельного региона – Сибири. (см. Приложение В). В большинстве случаев по городам наблюдается рост числа священнослужителей-«лишенцев». Наиболее резкий скачок в численности «служителей религиозного культа», лишенных избирательных прав, произошел по г. Новосибирску. Вероятно, свою роль сыграл тот факт, что в Новосибирск, как бурно развивающийся город стекались люди из сельской части округа и других регионов, и численность «служителей религиозного культа» росла, в том числе, за счет приезжих бывших священнослужителей-«лишенцев».

Схожая динамика прослеживается и в сельской местности отдельных округов Западно-Сибирского края (см. Приложение Г). С 1926 г. по 1929 г. численность служителей культа, внесенных в списки «лишенцев» в сельской местности, выросла в 2,2 раза. Динамика роста численности священнослужителей-«лишенцев» в сельской местности демонстрируется еще более наглядно, чем в городах. Всего в Сибирском крае по переписи 1926 г. проживало 2608<sup>2</sup> служителей религиозного культа, а по данным о лишенных избирательных прав за 1926 г. численность данной категории составила 4494, а за 1927 г. – 8320 человек<sup>3</sup>. Та же тенденция прослеживается и по отдельным округам. Так, например, в Новосибирском округе

---

<sup>1</sup>Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.) С. 16-17.

<sup>2</sup> Всесоюзная перепись 1926 г. Т. XXIII. Отдел II. М. 1929.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-47. Д.499. Л. 24-26.

на 1926 г. проживало 235 служителей культа, а в 1927 г. лишенных по этому основанию числилось 512 человек.

Резкое увеличение численности категории «служителей религиозного культа» объясняется тем, что к ней стали приписывать: во-первых – вспомогательный персонал церкви, а иногда даже простых мирян, а во-вторых – священников, давно оставивших службу. Подобная практика характерна не только для Сибири, но была распространена повсеместно. Тот факт, что к числу «служителей религиозного культа» стали причислять хористов, просвирен, церковных старост, отмечает, например, З. Ш. Мавлютова в статье, посвященной лишению избирательных прав православного духовенства Тобольского и Тюменского округов<sup>1</sup>. Таким способом власть оказывала давление на церковь и поддерживавших ее прихожан, стремилась блокировать ее, подвергая верующих дискриминации за связь с религией. Кроме того, в целом произошло ужесточение политики в отношении «лишенцев», возросли масштабы и интенсивность нарушений в лишении избирательных прав, местные власти стремились скорее «перелишить», чем «недолишить», и к 1929–1930 гг. количество нарушений достигло своего пика<sup>2</sup>.

Приведенные выше статистические сведения носят обобщающий, кумулятивный характер и отражают сложившиеся и действовавшие тенденции в дискриминационной политике большевистской власти в отношении церкви как социального института и ее носителей. В то же время необходим более детальный внутренний анализ динамики структурных изменений состава и облика групп, включенных в данную социально–учетную группу, что становится возможным благодаря осуществленной нами работе с личными делами «лишенцев» указанной категории.

Поселенческая структура изучаемой группы выглядит следующим образом: 22% священно- и церковнослужителей-«лишенцев» данной выборки проживало в

---

<sup>1</sup>Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 54.

<sup>2</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 33.

городах (Новосибирске, Томске, Омске, Барнауле и Бийске) 78% – в сельской местности. Из городских священнослужителей-«лишенцев» – 32,97% являлись жителями г. Томска, 24,18% – г. Омска, 20,88% – г. Барнаула, 15,38% – г. Новосибирска, 6,59% – г. Бийска.

По гендерному составу в изучаемой группе, вполне естественно, преобладали мужчины, в городе женщины составляли 11%, в сельской местности – 3%. В основном они представлены бывшими монахинями, к которым часто причисляли также послушниц. В Новосибирске таковых не имелось, зато несколько монахинь и послушниц проживало в Томске и Бийске. Данное обстоятельство объясняется тем, что в Томске располагался Иоанно-Предтеченский женский монастырь, а в Бийске Свято-Тихвинский Бийский женский монастырь. После их закрытия в 1920 г. многие монахини и послушницы остались в городе, пополнив группу лишенных избирательных прав. Кроме того, встречались женщины и на должности псаломщика. А в одном случае избирательных прав лишили даже просвирню<sup>1</sup>.

По возрастному составу среди лиц, отнесенных к категории священно- и церковнослужителей, преобладали люди 1870-х–1880-х гг. рождения, т. е. те, кому в конце 1920-х – начале 1930-х было от 40 до 60 лет.

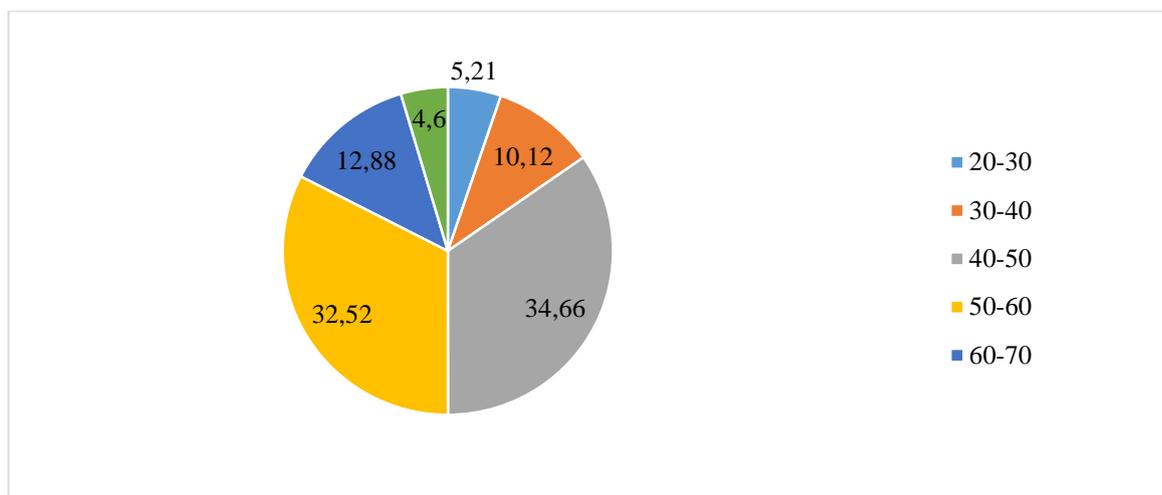


Рисунок 1 – Возрастная структура священно- и церковнослужителей на 1930 г. (%)

Такой расклад характерен как для городских, так и для сельских священно- и церковнослужителей-«лишенцев». В городах доля лиц 1870-х–1880-х гг. рождения составила 62 %, в сельской местности – 69 %.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1-36.

По наблюдениям Ю. А. Русиной, изучавшей данную категорию «лишенцев» на уральских материалах, наиболее распространенными возрастными категориями среди «служителей религиозного культа» являлись лица до 30 лет и от 40 до 49<sup>1</sup>. Относительно второй категории показатели совпадают с нашими, а лица моложе 30 лет, наоборот, составляют небольшой процент. В целом для всей категории «лишенцев» характерно преобладание лиц старше 30 лет. Как отмечает М. С. Саламатова, доля людей среднего возраста среди взрослого населения была существенно ниже, чем среди представителей «лишенцев». Особенно выделяется группа 40–50-летних, которых в числе «лишенцев» было почти в 2 раза больше, чем среди взрослого сельского населения<sup>2</sup>.

Среди священников лица старше 40 лет составляли 89,84 %. Самому пожилому на момент 1930 г. исполнилось 87 лет<sup>3</sup>. Тем не менее, есть священники, чей возраст составлял менее 30 лет (священник Нижнекаргатского района Д. Л. Коротаев 1903 года рождения<sup>4</sup>, священник с. Таскаево Барабинского района Л. А. Знаменский 1903 года рождения<sup>5</sup>, священник с. Таган Чановского района П. П. Аполлонов 1902 года рождения<sup>6</sup>).

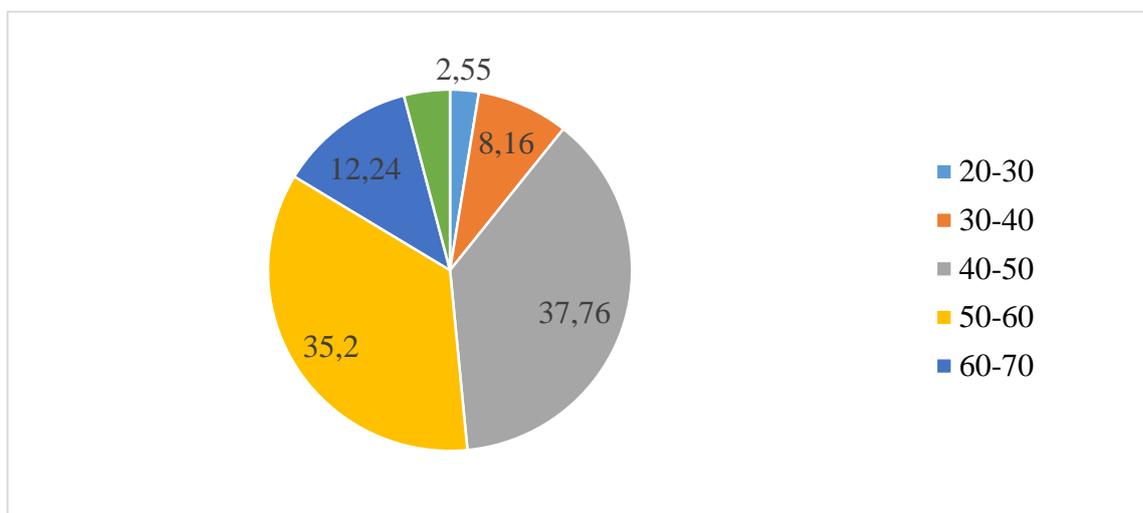


Рисунок 2 – Возрастная структура священников за 1930 г. (%)

<sup>1</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). С. 125.

<sup>2</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 44.

<sup>3</sup>ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 883. Л. 1.

<sup>4</sup>ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 109. Л. 1-7.

<sup>5</sup>ГАНО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 137. Л. 1-2.

<sup>6</sup>ГАНО. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 251. Л. 1-8.

В монографии «Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.)»<sup>1</sup> представлена динамика возрастного состава священников на протяжении XIX–начала XX вв. Последние данные, с которыми возможно провести сравнение полученных нами показателей, приходятся на 1914 г. (основываются на справочной книге Томской епархии)

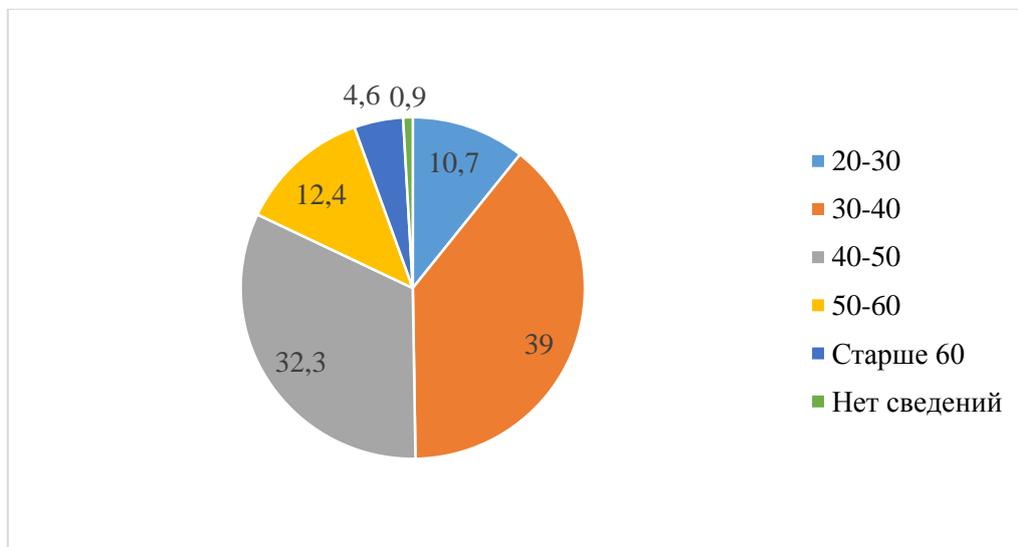


Рисунок 3 – Возрастная структура священников Томской епархии на 1914 г.

Сопоставление показывает, что в возрастном составе священников произошли значительные перемены. Повысилась доля людей старшего возраста и значительно меньше стало молодых. Согласно церковным канонам, существовало возрастное ограничение для рукоположения в священники, не могли рукополагаться лица моложе 30 лет. На практике же каноны часто нарушались, в Сибири данное явление было вызвано, в том числе, постоянной нехваткой священников. Тем не менее, с середины XIX века процент священников младше 30 лет заметно снизился (с 35,5 % до 10,7 %), так как возрастной ценз пытались контролировать<sup>2</sup>.

С другой стороны, после революции пополнение рядов священников было затруднено (закрытие духовных образовательных учреждений, сокращение числа епископов), поэтому большинство священников были рукоположены еще до

<sup>1</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.), Кемерово, 2007. С. 59-60.

<sup>2</sup> Там же.

революции. Данными причинами и объясняется преобладание старшего поколения священников.

Подобная тенденция наблюдается и среди диаконов: больше половины составили представители возрастной категории от 40 до 60 лет. Но встречаются и лица 20–30 лет. Самому молодому диакону на момент рукоположения в 1926 г. исполнилось всего лишь 20 лет: А. И. Кусков 1906 г. рождения служил диаконом Преображенской церкви г. Томска с 1926 по 1931 г., когда был призван в тыловое ополчение<sup>1</sup>.

Распределение по возрастным группам среди церковнослужителей в целом схоже с аналогичными данными у священников.

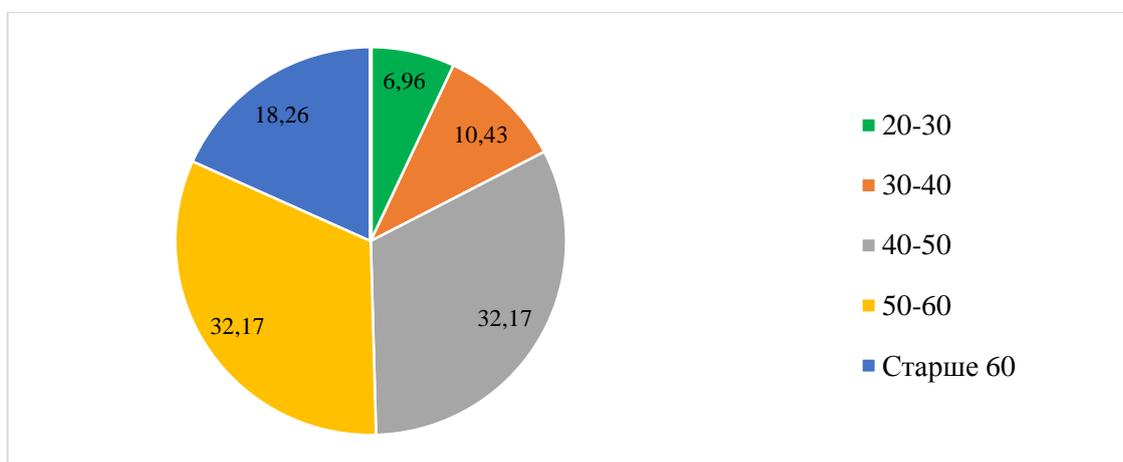


Рисунок 4 – Возрастная структура церковнослужителей-«лишенцев» на 1930 г.

Сравним с распределением по возрасту церковнослужителей в 1914 году<sup>2</sup>.

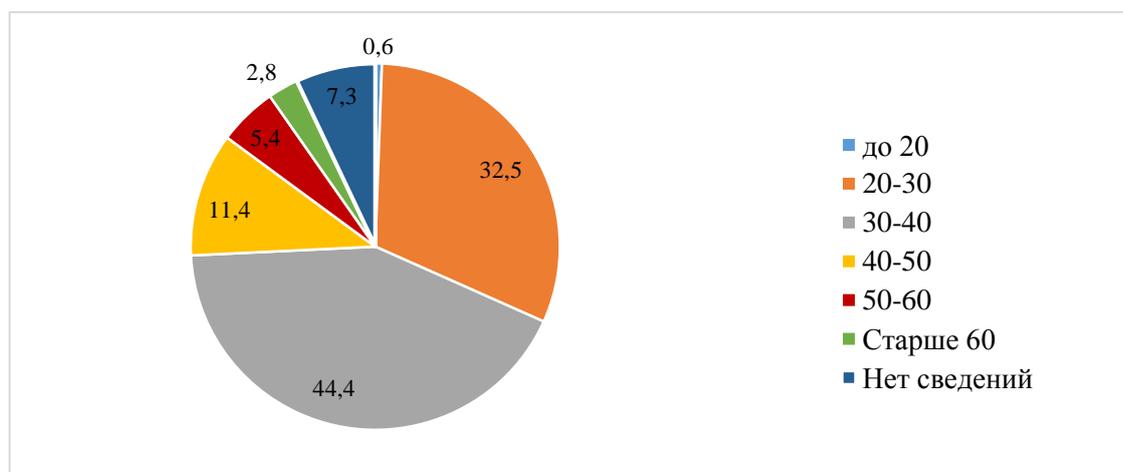


Рисунок 5 – Возрастная структура церковнослужителей-«лишенцев» на 1930 г.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 548. Л. 1-10.

<sup>2</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.), Кемерово, 2007. С. 59-60.

Как и в случае со священниками, среди церковнослужителей выросла доля лиц старшего возраста по сравнению с 1914 г. Так, если в 1914 г. преобладали лица в возрасте 20-40 лет, то в 1930 г. – 40-60 лет. Молодое поколение, подвергнутое антирелигиозной пропаганде, избегало работать в церкви.

Среди монахинь, а также послушниц, причисляемых властями к этой категории, на первом месте оказались женщины от 30 до 40 лет (36,36%), на втором – 40-летние (27,27%), существенную долю составили женщины преклонного возраста, старше 70 лет (18,18%).

Информация о месте рождения более полная у городских священно- и церковнослужителей, так как формуляр анкет для городских «лишенцев», в отличие от сельских, предполагал графу, содержащую сведения о месте рождения. В итоге около 40 % составили уроженцы Сибири, около 60 % – приезжие, в основном из Европейской части России.

Национальный состав священно- и церковнослужителей-«лишенцев» достаточно однороден, преобладали русские, хотя встречались и украинцы. Среди священников присутствуют также представители национальных меньшинств – один вотяк и один мордвин. На фоне остальных категорий «лишенцев» священнослужители по национальному составу практически ничем не выделяются, везде преобладали русские<sup>1</sup>. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., среди священников Сибирского края русские составляли 90 %, а украинцы – 4,7 %<sup>2</sup>. Среди православных церковнослужителей доля русских составила 89,5 %, а украинцев – 5,6 %<sup>3</sup>.

По материалам выявленного и обработанного нами объема дел большинство изучаемой группы составили священники (248 человек) и псаломщики (109 человек). Данный расклад представляется вполне естественным, так как это были основные должности в церкви. В группу «другие» входит два архиерея, представители церковной администрации и просвирня.

---

<sup>1</sup> Саламатова М. С. // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 62.

<sup>2</sup> Всесоюзная перепись 1926 года. Отдельный оттиск табличной части тома XXIII. Отдел II. М., 1930. С. 135.

<sup>3</sup> Там же.

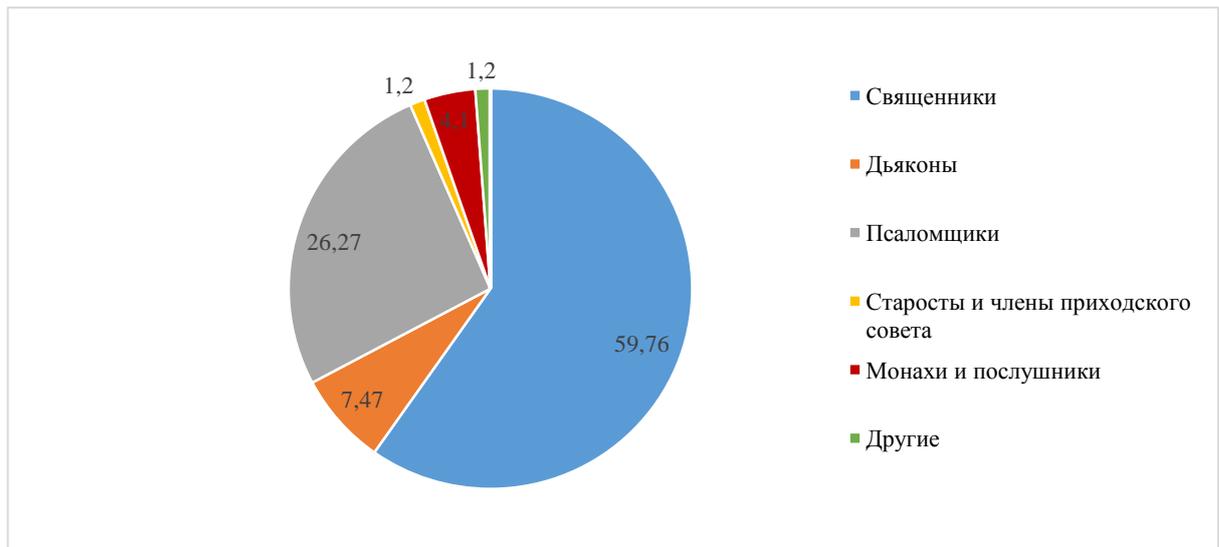


Рисунок 6 – Распределение лиц по должностям, занимаемым в церкви (%)

К псаломщикам власти причисляли регентов церковного хора, певчих, пономарей. До революции в случае, если число прихожан было менее 700 душ, состав приходского причта состоял из священника и псаломщика, если же более, то по штату полагался еще и диакон<sup>1</sup>. Помимо штатных могли служить также вольнонаемные псаломщики. После революции штатных псаломщиков осталось совсем мало, должность псаломщика выполняли активные прихожане иногда за плату, а иногда и безвозмездно по просьбе общины. В категорию монахов (в нашем случае преимущественно монахинь) входили также послушницы и воспитанницы монастырей, составлявшие 1/3 данной категории.

По сословному происхождению большинство священнослужителей являлись выходцами из духовного звания. Следует учитывать, что до революции существовала традиция священнических династий, поэтому неудивительно, что значительная часть священников продолжали дело своих отцов. Церковнослужители в большинстве своем принадлежали к крестьянскому сословию и для них основным видом деятельности являлось сельское хозяйство. Хотя и среди церковнослужителей имелись те, чьи родители принадлежали к духовному сословию<sup>2</sup>.

<sup>1</sup>Леонов Д. Е. Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 1. 2015. С. 162.

<sup>2</sup>См. напр. ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1266. Л. 1-6; ГАНО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1-36.

Большинство священников (80,3 %) начали службу в церкви еще до революции. При этом часть из них (8,13 %) до революции служили псаломщиками, а рукоположены были в 1920-е гг. Так, например, Г. Д. Волосков (с. Юрты Коуракского района) начал служить псаломщиком в 1914 г., а в 1923 г. рукоположен, став обновленческим священником<sup>1</sup>. Г. Г. Ярославлев (Берлинский с/с Зырянского района), вернувшись с первой мировой войны инвалидом, стал исполнять обязанности псаломщика, а затем в 1923 году стал священником-обновленцем<sup>2</sup>.

Таким образом, как в городах, так и в сельской местности большинство священников начали свое служение еще до революции. Поэтому трудно согласиться с мнением уральского историка Ю. А. Русиной о том, что в 1920-е годы происходило формирование нового поколения священнослужителей, так как старые «кадры» были уже репрессированы, либо не могли исполнять своих обязанностей по причине старости<sup>3</sup>. Действительно, репрессии времен гражданской войны сократили число священнослужителей, но они не идут ни в какое сравнение с репрессиями 1930-х гг. И, несмотря на то, что часть священников начали свое служение в 1920-е годы, большинство были рукоположены еще до революции и продолжали служить. Причем большинство ставших священниками в 1920-е годы, вскоре покидали церковь. Из 42 священников и диаконов, рукоположенных после революции, продолжали служить в 1930 г. только 15. Некоторые успели прослужить всего год или два. Так, К. Д. Дегтярев (с. Вознесенское Мошковского района) с 1917 г. с перерывами до 1928 г. служил псаломщиком, а затем, по его словам, «вздумал послужить священником и получил рукоположение»<sup>4</sup>. В 1929 г. из-за невыполнения плана хлебозаготовки его имущество распродали и от сана священника он отказался.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 175. Л. 1-18.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 729. Л. 1-15.

<sup>3</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). С. 125.

<sup>4</sup> Заявление К. Д. Дегтярева в Алексеевскую районную избирательную комиссию. [1930 г.] // ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 149. Л. 9.

Среди диаконов число начавших служить до революции (44,44%) было приблизительно равно числу рукоположенных в 1920-е гг. В отличие от священников, большинство (90,62 %) псаломщиков службу в церкви начали после революции и служили непродолжительное время – от нескольких месяцев до нескольких лет. Часто за свою службу они не получали платы, выполняя обязанности псаломщика временно из-за отсутствия штатного. В подобные детали избирательные комиссии не вникали, поэтому любая служба в церкви каралась лишением избирательных прав. Всего семь церковнослужителей (шесть псаломщиков и один староста), начав исполнять обязанности в церкви до революции, продолжали служить в 1920-е гг. Данное обстоятельство объясняется еще и тем, что лица, служившие псаломщиками до революции, в дальнейшем приняли сан, а представители молодого поколения не торопились приходить им на смену.

Участниками первой мировой войны являлись пять священников, принявших сан уже после революции<sup>1</sup>, и один, служивший священником при фронтовом лазарете<sup>2</sup>. В первой мировой войне участвовали также семь псаломщиков и один диакон, рукоположенный после революции<sup>3</sup>. Шесть священно- и церковнослужителей принимали участие в гражданской войне и состояли на службе в Красной Армии, еще один участвовал в партизанском движении<sup>4</sup>.

Один дьякон находился на службе в добровольной колчаковской дружине<sup>5</sup>, другой – бывший царский офицер, затем служил в белогвардейских войсках<sup>6</sup>. Бывшим белым офицером был также омский псаломщик И. К. Бетехтин, служивший делопроизводителем в омской контрразведке, после отбывания срока наказания он вернулся в Омск и в 1925-1926 гг. служил псаломщиком<sup>7</sup>. В итоге он

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 175; Там же. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 633; Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 259; ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 729. ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657.

<sup>2</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 3722; База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» [Электронный ресурс]. URL: [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/charset/ans](http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans)

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р. 409. Оп. 1. Д. 429. Л. 1-12.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 633. Л. 1-35.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257. Л. 1-16.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-15.

<sup>7</sup> ГИАОО. Ф. Р. 235. Оп. 8 Д. 457. Л. 1-40.

был лишен избирательных прав по двум пунктам инструкции и как белый офицер, и как «служитель религиозного культа».

По уровню образования священнослужители выделялись на фоне других категорий «лишенцев». По данным, которые приводит М. С. Саламатова, среди новосибирских «лишенцев» наиболее образованной являлась категория бывших белых офицеров – треть из них получило высшее или неполное высшее образование, более половины – среднее или средне-специальное<sup>1</sup>. На втором месте по уровню образования находятся священнослужители – около 40 % из них получило среднее или средне-специальное образование<sup>2</sup>. Необходимо учитывать, что в данном случае в категорию священнослужителей включались и церковнослужители, чей уровень образования был значительно ниже, чем у священников.

Высокий уровень образования у «служителей религиозного культа» отмечает и Ю. А. Русина<sup>3</sup>. По нашим данным 82,93 % городских священников получили среднее образование (в основном в духовных семинариях). Высшее образование имели обновленческий епископ Томский Сергей (Дмитриевский Сергей Павлович) и григорианский архиепископ Томский Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович), окончившие Казанскую духовную академию. Сведения об образовательном уровне сельских священников присутствуют только в 40 % дел. Об уровне образования городских и сельских священников в целом свидетельствуют данные приводимой ниже таблицы. Сравним эти показатели с аналогичными сведениями за 1914 г.<sup>4</sup>

Таблица 2 – Образовательный уровень священнослужителей

Учебные заведения, курсы	1914 (%)	1930 (%)
Духовная академия	0,4	0,97
Окончившие семинарию	29,4	25,24
Не окончившие семинарию	14	11,65

<sup>1</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 63.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-19180-е гг.). С. 124.

<sup>4</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.), Кемерово, 2007. С. 61-62.

Катехизаторские и миссионерские училища	11	5,83
Окончившие духовные училища	11,8	5,83
Пастырские курсы	3,4	1,94
Не окончившие духовные училища	8,3	5,83
Церковно-учительские школы	2,6	2,91
Церковно-приходские школы, училища	2,7	4,85
Светские учебные заведения	13,6	29,13
Домашнее образование	0	4,85
Не обучалось	2,8	0

Следует заметить, что в целом данные коррелируют. Высок процент священнослужителей, получавших образование в духовных семинариях. На первом месте по количеству выпускников стоит Томская духовная семинария. Как отмечает А. М. Адаменко, по данным на 1914 г. большинство окончивших семинарии обучались именно в Томске<sup>1</sup>. В нашей выборке среди тех, о ком имеется информация об образовании, выпускники Томской духовной семинарии также составляют большинство. Кроме того, присутствуют выпускники Пензенской, Иркутской, Симбирской, Вятской, Нижегородской, Самарской, Тобольской духовных семинарий. Среди выпускников духовных училищ большинство обучались в Бийском, Барнаульском и Томском духовных училищах. По сравнению с 1914 г. увеличилось число священников, окончивших светские учебные заведения и церковно-приходские школы и снизилось количество тех, кто обучался в духовных училищах.

Как отмечают авторы монографии «Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.)», к началу XX века расширился спектр учебных духовных заведений, наряду с семинариями стали появляться катехизаторские и миссионерские училища, пастырские курсы, поэтому уменьшился процент священников, окончивших духовные семинарии<sup>2</sup>. Довольно высокий процент священников, окончивших светские учебные заведения, по мнению авторов, может косвенно свидетельствовать об открытости духовного сословия для поступлений

<sup>1</sup>Адаменко А. М. Приходы Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX вв. Кемерово: 2004. С. 65.

<sup>2</sup> Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.), Кемерово, 2007. С. 61.

извне. В нашем случае светские учебные заведения представлены сельскими, учительскими школами, сельскими, уездными и городскими училищами.

Одной из причин, побуждавших лиц, не имевших духовного образования, идти служить в церковь, являлось наличие певческого таланта, обладание хорошим голосом. Так, бывший священник А. Е. Еремкин получил образование в одноклассной сельской школе, затем помогал отцу в хозяйстве и в работе каменщиком, «далее продолжать образование не мог»<sup>1</sup>. Затем, благодаря содействию местного священника, побывал на курсах пения, после чего «имея от природ дар к пению... принимал участие в духовных хорах...»<sup>2</sup>. По переезде в Новониколаевск в 1906 г. А. Е. Еремкин стал служить регентом, с 1918 г. служил псаломщиком в Барнаульском уезде, а в 1921 г. «по настоянию крестьян... был назначен и посвящен в священники...»<sup>3</sup>.

Информация об образовании церковнослужителей крайне фрагментарна. Некоторые отмечали в своих заявлениях, что не могли исполнять обязанности псаломщика из-за малограмотности. Тем не менее, часть церковнослужителей (8,25%) указали, что учились в церковно-приходских школах. А один барнаульский псаломщик окончил даже 1 класс Томской духовной семинарии<sup>4</sup>. Об определенном уровне грамотности псаломщиков свидетельствует тот факт, что основная часть из них писали заявления самостоятельно.

О составе семьи священнослужителей можно судить на основании материалов сельских «лишенцев», анкета которых предполагала графу о количестве едоков в хозяйстве.

Таблица 3 – Количество едоков в семьях священнослужителей

Число едоков	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Больше 10
Семей с данным числом едоков (%)	7,4	15,5	8	13,4	14,4	13,4	12,8	6,4	4,8	4,2

<sup>1</sup> Автобиография А. И. Еремкина. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1 а. Д. 517. Л. 15 об.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Л. 19.

<sup>4</sup> ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 1282; Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. С. 268.

В среднем на хозяйство сельского священнослужителя приходилось 5,01 едока. Т. Н. Коголь также отмечает, что священнослужители имели многодетные семьи – от 4 до 6 детей<sup>1</sup>. Данное обстоятельство еще больше усугубляло их материальное положение: «...влачили буквально нищенское существование, сводя кое-как концы с концами...»<sup>2</sup>. В большинстве случаев (60 %) на хозяйство священнослужителя приходилось 2 трудоспособных члена семьи, в 30 % хозяйств – 3-4 работоспособных человека. Земельные наделы священнослужителей за редким исключением не превышали 1-2 десятин. У церковнослужителей, занимавшихся в основном сельским хозяйством, наделы были больше – около 5-7 десятин.

Отдельной проблемой является принадлежность священников к тому или иному течению внутри православной церкви. Как отмечает протоиерей В. Бочкарев, особенно легко подчинились «обновленцам» сельские приходы, священники из глубинки привыкли за годы гражданской войны, что самая высокая духовная власть находится в епархиальном центре. Но, признавая обновленчество, служить сельские священники продолжали по-старому, просто поминая за богослужением нового архиерея<sup>3</sup>. Кроме того, в сложной и запутанной ситуации часть сельского духовенства заняла выжидательную позицию, «обновленцы» называли таких священников «никудашниками»<sup>4</sup>.

В городах дела у «обновленцев» шли не столь успешно, тем не менее, к середине 1923 г. храмов, оставшихся у «тихоновцев», было совсем мало. Произошло это не без помощи советских и партийных органов, которым было дано указание в случае возникновения спора между обновленческими и тихоновскими общинами отдавать предпочтение первым<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup>Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005. С. 77.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup>Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 124.

<sup>4</sup>Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005. С. 111.

<sup>5</sup>Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 124-125.

Но уже к концу 1923 г. «обновленцы» стали резко терять доверие верующих, в частности, это было связано с попытками реформирования богослужебного устава. Отталкивало прихожан и покровительство атеистических властей. В 1924–1925 гг. отход от обновленчества приобрел массовый характер. Большая часть приходов Новониколаевского округа вернулись под юрисдикцию Московской патриархии в связи с образованием Новониколаевской епархии в 1924 г. и назначением нового архиерея<sup>1</sup>. К концу 1920-х необходимость в «обновленцах» у власти отпала, и политика в отношении их уже ничем не отличалась.

Но на этом церковный раскол в Сибири не закончился. В 1927 г. томские «староцерковники» признали высшей Церковной властью коллегию епископов – Временный высший церковный совет (ВВЦС), по имени лидера этого движения их стали называть «григорианцами». В 1928 г. митрополитом Сергием на Томскую кафедру был назначен епископ Герман Кокель, и часть староцерковников примкнула к нему<sup>2</sup>. Таким образом, в Томске были представлены три течения: сторонники митрополита Сергия, сторонники ВВЦС и «обновленцы», причем большинство верующих до 1940 года относилось именно к «григорианцам». В целом по стране приверженцев ВВЦС оказалось немного, но в Томске они составляли большинство, во многом благодаря личности управляющего епархией архиепископа Дмитрия Беликова<sup>3</sup>. Так, в список служителей культа по городу Томску от 22.08.1930 включены 9 обновленческих священнослужителей, 9 – ориентации митрополита Нижегородского Сергия и 19 «григорианцев»<sup>4</sup>.

По личным делам некоторых священников можно судить об их принадлежности к «обновленцам». Необходимо учитывать, что при лишении избирательных прав в протоколах избирательных комиссий и в списках «лишенцев» информация о том, к какому течению принадлежал священнослужитель, как правило, не указывалась. Данные сведения можно

---

<sup>1</sup>Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 124-125.

<sup>2</sup>Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М. 2004. С. 57.

<sup>3</sup>Там же. С. 59.

<sup>4</sup>ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 206. Л. 1-3.

обнаружить лишь в личных заявлениях, а также в делах, специально посвященных религиозным объединениям и служителям культов<sup>1</sup>. «Обновленцы» в своих обращениях в органы обычно указывали свою принадлежность именно к этому течению, вероятно, в надежде, что данный факт может благоприятно повлиять на исход дела. В нашей выборке присутствуют три священнослужителя, из личных дел которых видна их принадлежность к ВВЦС<sup>2</sup> и 16 священнослужителей (2 архиерея, 12 священников и 2 диакона), придерживавшихся обновленческой ориентации. Девять «обновленцев» проживало в сельской местности, а семь – в городах. По возрастному составу на момент 1930 г.: три священнослужителя относились по возрасту к лицам младше 35 лет, шестеро принадлежали к возрастной группе от 40 до 50 лет, столько же – старше 50 лет.

Десять человек начали служить в церкви до революции, трое – после, о начале службы еще четверых сведения отсутствуют. Из десяти священнослужителей, начавших службу в церкви до революции, трое ранее служили псаломщиками, а рукоположены уже в 1920-е гг. М. И. Светушков закончил Барнаульское духовное училище, с 1909 г. стал служить псаломщиком, принимал участие в первой мировой войне, с 1919 г. был избран народным учителем (проработал до 1922 г.), в 1924 г. стал священником в с. Ярки Доволенского района и прослужил до 1931 г.<sup>3</sup> Г. Д. Волосков также служил псаломщиком с 1909 г., участвовал в первой мировой войне, был в плену, с 1919 г. исполнял должность псаломщика в с. Юрты Коуракского района, в 1923 г. рукоположен в священники. В конце 1920-х Г. Д. Волосков обращался с жалобами на налогообложение, дальнейшая судьба неизвестна<sup>4</sup>. В. Т. Зотов образование получил в Троице-Сергеевой лавре, служил псаломщиком с 1908 г., а с 1923 г. по 1929 служил священником в с. Вороново Колпашевского района<sup>5</sup>.

Таким образом, в конце 1920-х гг. происходит значительное численное увеличение категории служителей религиозного культа, лишенных избирательных

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 206.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 182; ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 318.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 1-51.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 175. Л. 1-17.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 519. Л. 1-26

прав, за счет включения в нее не только бывших и действующих священнослужителей, но также обслуживающего персонала церкви. Достаточно высокий уровень образования священнослужителей являлся фактором, способствовавшим социальной адаптации в обществе после оставления службы в церкви. С другой стороны, пожилой возраст, напротив, ограничивал адаптационные возможности.

Относительно принадлежности к различным течениям в Русской Православной Церкви следует отметить, что среди духовенства Западной Сибири представлены и «сергиевцы», и «обновленцы», и «григорианцы». К концу 1920-х гг. власть в своей политике уже не делала различий между ними, все они равным образом подлежали лишению избирательных прав и оказывались под воздействием ограничительно-дискриминационных мер.

## **2.2. Пути и возможности социальной адаптации**

В зарубежной и отечественной литературе дается множество разнообразных определений понятия «социальная адаптация». Л. В. Корель, пытаясь систематизировать определения, предлагает следующую редакцию: «социальная адаптация есть состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы... к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций»<sup>1</sup>.

Применительно к социальной адаптации священно- и церковнослужителей-«лишенцев» допустимо применить термин, использованный Л. В. Корель – «радиационная адаптация». Под ней понимается разветвление, расхождение по социально значимому признаку социально однородных субъектов в процессе

---

<sup>1</sup>Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 39.

адаптации. Данное явление обусловлено выбором различных адаптивных стратегий, способов и масштабом использования как ресурсов среды, так и своих внутренних ресурсов<sup>1</sup>.

Различия в результатах адаптации зависели также от возможностей преодоления адаптивных барьеров. Они представляют собой систему внутренних и внешних факторов, сдерживающих адаптацию личности или препятствующую ей<sup>2</sup>. М.В. Ромм выделяет следующие адаптивные барьеры: индивидуальные, информационно-адаптивные, ситуативные<sup>3</sup>.

**К индивидуальным барьерам относятся:**

**1. Возрастной барьер,** который являлся существенным для священно- и церковнослужителей-«лишенцев», так как среди них преобладала доля лиц старшего возраста) С возрастом резко снижается генетическая способность приспособления личности к среде, хотя при этом увеличиваются потенциальные адаптационные возможности практического преобразования действительности<sup>4</sup>. В самом деле, для части священнослужителей преклонного возраста, оставивших или потерявших возможность служить в церкви, крайне сложно было найти новую работу. Возраст существенно ограничивал и физические возможности, поэтому выполнение работ, связанных с тяжелым физическим трудом оказывалось им не по силам. Отсутствовало и желание что-либо менять, а у некоторых просто не было моральных сил на борьбу, так один священник (80 лет) с женой честно писали, что единственное их желание «спокойно дожить последние дни нашей жизни»<sup>5</sup>.

**2. Эмоционально-психологический барьер** определяется потенциальными адаптационными возможностями, которые выражаются в особенностях темперамента, памяти, интеллекта, внимания, восприятия информации и т.д.<sup>6</sup> Священно- и церковнослужители, имея статус «лишенца» и являясь изгоями в

<sup>1</sup>Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 323.

<sup>2</sup>Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 104.

<sup>3</sup>Там же. С. 105.

<sup>4</sup>Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 104.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 394. Л. 14. Прощение С. И. Краснова во ВЦИК от 10.07.1932.

<sup>6</sup>Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 104-105.

советском обществе, испытывали моральное и психологическое давление со стороны социума. Многократные обращения с ходатайствами о восстановлении в избирательных правах и получаемые отказы еще больше усугубляли моральное состояние. Некоторые совсем потеряли надежду стать полноправными гражданами: «...прав голоса я и по сие время не имею, видимо, приходится так уже и оставаться»<sup>1</sup>.

**3. Мировоззренческий барьер** играл особую роль для священно- и церковнослужителей. По замечанию М. В. Ромма «адаптация к новым реалиям требует переоценки индивидуальной системы ценностей, убеждений, идеалов и мировоззренческих принципов. Если личность отвергает пересмотр убеждений, то в данном случае нерезультативна апелляция к соображениям целесообразности, выгоды и т.д.»<sup>2</sup>. С точки зрения адаптации мировоззренческий барьер являлся одним из ведущих, препятствовавший адаптации священнослужителей к новым условиям. С другой стороны, именно благодаря своей вере, мировоззрению они продолжали служить в церкви. И данную ситуацию – стойкость в вере и преданность своим убеждениям следует оценивать, безусловно, положительно.

**Информационно-адаптивные барьеры** заключаются в недостаточном получении информации об изменениях, происходящих в окружающей среде, которые сдерживают и мешают приспособительному процессу<sup>3</sup>. Для священно- и церковнослужителей он выражался в отсутствии или неполноте информации о дискриминационных мерах, последовавших за лишением избирательных прав, а также о круге лиц, причисляемых к «лишенцам». Так, один псаломщик отмечал в своем заявлении, что поступил на службу в церковь «не отдавая себе отчет о могущих быть последствиях от этого дела»<sup>4</sup>. В том же духе писал и другой псаломщик: «...по своей малограмотности и неразвитости не учитывал, что

<sup>1</sup>Заявление Ф. Я. Потехина М. И. Калинину [1934 г.] // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257. Л. 13.

<sup>2</sup>Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 105.

<sup>3</sup>Там же.

<sup>4</sup>Жалоба С. С. Рожаева в Западно-Сибирский Краевой исполнительный комитет [июль 1931 г.] // ГАНО. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 444. Л. 14 об.

отношусь к эксплуататорам...»<sup>1</sup>. Для церковнослужителей, оказавшихся в списках «лишенцев», это порой становилось полной неожиданностью, так как они полагали, что не получающие плату за службу в церкви не лишаются избирательных прав. Тогда как уже по инструкции о выборах в советы 1926 г. они также входили в число «лишенцев».

**Режимный барьер** характеризуется гуманной или антигуманной направленностью стратегий, используемых властями для стабилизации социально-политической ситуации в обществе. Для авторитарно-тоталитарных режимов, к которому относилось советское государство того времени, характерна ориентация на насильственные способы адаптации человека к режиму с применением методов террора, запугивания, манипулирования индивидуальным и общественным сознанием<sup>2</sup>. Параллельно с дискриминационными мерами священно- и церковнослужители попадали под действие репрессивной политики государства.

**Ситуативные барьеры** крайне разнообразны, в случае со священно- и церковнослужителями-«лишенцами» они представлены в первую очередь ограничительно-дискриминационными мерами, сопутствовавшими лишению избирательных прав.

**1. Ограничение на работу в государственных учреждениях.** Несмотря на то, что части бывших священнослужителей удавалось его преодолеть, так как советские учреждения испытывали нехватку образованных кадров, для некоторых священнослужителей данный барьер стал непреодолимым. И имея еще силы и желание трудиться, они не могли найти подходящую для себя работу. Как отмечал бывший омский священник М. П. Шумилов: «Лишенный по конституции избирательных прав и ограниченный в праве работать на советской службе, вынужден занимать свое время мелкими хозяйственными заботами... Такое бездействие крайне меня тяготило[,] хотелось вести посильную работу хотя и

---

<sup>1</sup> Заявление П. Т. Останина в Гусевскую сельскую избирательную комиссию от 08.09.1934г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 374. Л. 2 об.

<sup>2</sup>Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 106.

просто хорошо грамотного канцелярского работника...»<sup>1</sup>. Бывший священник И. Е. Соловьев (с. Ояш Алексеевского района), оставив службу в церкви в 1931 г., сначала работал на кирпичном заводе чернорабочим, а затем оказался безработным. В своем заявлении он писал: «...меня нигде не принимают хотя бы в качестве рабочего или на какую иную службу»<sup>2</sup>.

**2. Исключение из профсоюзов и кооперативов.** На практике данный барьер также можно было обойти, но далеко не всем это удавалось. Отсутствие же профсоюзного билета делало невозможным получение товаров и продуктов в условиях карточной системы в 1929–1935 гг. Один из бывших церковнослужителей-«лишенцев» сетовал, что он «...был выдвигаем на общественную работу, но до таковой не допускался как непрофсоюзник и лишенец...»<sup>3</sup>. При этом власти требовали от бывших священно- и церковнослужителей подтверждение лояльности, которая, в том числе, должна была выражаться в общественной работе.

**3. Повышенное налогообложение** часто приводило к разорению хозяйств сельских священно- и церковнослужителей. Такая участь постигла, в частности, священника с. Листвянка Черепановского района И. И. Плотникова, на иждивении находились которого находилось пять несовершеннолетних детей. В начале 1930 г. у него конфисковали имущество за неуплату налогов<sup>4</sup>. Динамику возрастания налогового пресса в конце 1920-х гг. ярко демонстрирует дело священника с. Парабель Парабельского района П. А. Волынского. Так, в 1928/1929 г. он заплатил 13 р. 95 к. налога, в 1929/1930 г. – 60 р., в 1930/1931 г. – 422 р. 28 к.<sup>5</sup> По расчетам налогового инспектора годовой доход за 1930 г. составил 1853 р., в то время как сам П. А. Волынский писал, что от службы в церкви он получил 500 р.<sup>6</sup> Попытки

<sup>1</sup> Заявление М. П. Шуилова в Омскую комиссию по восстановлению в избирательных правах [1931 г.]. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4909. Л. 4 об.

<sup>2</sup> Заявление И. Е. Соловьева в Алексеевский райисполком от 19.05.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 259. Л. 6.

<sup>3</sup> Заявление В. В. Каторгина в Омскую избирательную комиссию от 26.12.1934 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2061. Л. 1.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 971. Л. 3, 5.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. Р-1023. Оп. 3. Д. 175. Л. 5.

<sup>6</sup> Декларация по подоходному налогу на 1930/31 бюджетный год // ГАТО. Ф. Р-1023. Оп. 3. Д. 175. Л. 1.

доказать, что в 1930/1931 гг. им была сделана существенная переплата, не увенчались успехом.

**4. Отсутствие социальных пособий.** Оказавшись безработными или потеряв трудоспособность в силу состояния здоровья, либо возраста, «лишенцам» не приходилось рассчитывать на поддержку со стороны государства в виде пособий и пенсий.

Важной частью механизма социальной адаптации являются средства адаптации, с помощью которых человек приспосабливается к новой среде. В научной литературе выделяют три группы средств: институциональные, нормативно-регулятивные и личностные<sup>1</sup>. Институциональные средства способствуют направлению деятельности адаптантов с помощью социальных институтов (различные организации, средства массовой информации, общественные движения, объединения и союзы и др.)<sup>2</sup>. Для священно- и церковнослужителей, продолжавших служить, такого рода институтом выступала Русская православная церковь. Как отмечает А. И. Казанков, «церковные люди» являлись единой корпорацией не только номинально, подобно другим профессиональным группам, их объединяли личные связи. А когда ощущение давления извне нарастало, то корпоративная солидарность возрастала.<sup>3</sup>

Нормативно-регулятивные средства – это ритуалы, обычаи, традиции, особенности культуры, официальные предписания, с помощью которых задается направление адаптивной деятельности, устанавливаются ее границы, осуществляется социальный контроль за процессом взаимодействия сторон<sup>4</sup>.

Личностные средства адаптации носят социально-психологическую окраску, среди их выделяют следующие: 1) мотивационно-волевые (мотивы, привычки, навыки и т.д.); 2) когнитивно-аксиологические (стиль мышления, ценностные ориентации, логические навыки, и т.д.); 3) поведенческие средства (практические меры, действия, поступки)<sup>5</sup>. Преимущественно на личностные средства адаптации

---

<sup>1</sup>Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 274.

<sup>2</sup>Там же. С. 278.

<sup>3</sup>Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности. Пермь. 2016. С. 101.

<sup>4</sup>Там же. С. 280.

<sup>5</sup>Там же. 285.

приходилось рассчитывать бывшим священно- и церковнослужителям. Так как в условиях бифуркаций институциональные и нормативно-регулятивные средства адаптации разрушаются почти до основания и субъект вынужден ограничиваться преимущественно личностными и статусными средствами<sup>1</sup>. Доминирующими механизмами адаптации в таких условиях становятся «адаптация-защита», «адаптация-уход», «адаптация-реверсия», а не «адаптация-развитие»<sup>2</sup>.

Как отмечает С. Чуйкина, изучавшая адаптацию представителей дворянства в постреволюционных условиях, существовало немало барьеров на пути трудоустройства и профессиональной карьеры «бывших». Шансы на успех определялись не только уровнем профессионализма, но также умением преодолевать и обходить препятствия, используя для этого личные знакомства, своевременную смену места жительства, взятки, подделку документов. Но, особенно важным качеством являлась способность к освоению нового языка общения и новых правил игры. Во время чисток в государственных учреждениях, остаться на своем рабочем месте удавалось прежде всего тем, кому давали хорошую рекомендацию (положительную характеристику) коллеги, а, следовательно, наиболее уживчивым, способным общаться и расположить к себе коллектив и чья профессиональная пригодность и незаменимость могли быть убедительно доказаны начальством<sup>3</sup>.

Для бывших священно- и церковнослужителей основными средствами адаптации также являлись личностные качества. Умение заручаться поддержкой окружающих играло немаловажную роль в процессе ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Бывшему белому офицеру и омскому псаломщику И. К. Бетехтину удалось получить такого рода «подписки» от своих товарищей по работе: «...я нижеподписавшийся рабочий котельщик завода имени «Рудзутак» Маракин Илья Петрович работающий на заводе с 22 года. Настоящим принимаю поруку за гр-на Бетехтина Ивана Капитоновича как за честного хорошего человека

---

<sup>1</sup>Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 305.

<sup>2</sup>Там же. С. 338.

<sup>3</sup>Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб.: 2006. С. 56-57.

и которого я знаю с 1914 года»<sup>1</sup>. Определение «хороший» вызвал, по-видимому, некоторое недоумение у членов избирательной комиссии, так как данное слово подчеркнули, поставив вопросительный знак.

В некоторых случаях за бывшего священнослужителя-«лишенца» могли ходатайствовать с места его новой работы. Вероятно, это происходило в тех случаях, когда он являлся ценным и незаменимым работником. А также данный факт свидетельствует об умении человека наладить личные отношения и заручиться поддержкой коллектива. Так, за бывшего омского диакона Ф. И. Третьякова ходатайствовали члены местного комитета профсоюза: «За время двухгодичной работы тов. Третьякова в Сибгосопере он неизменно проявлял себя прекрасным производственником, неся большую общественную нагрузку... За эту работу Третьяков премирован Дирекцией Сибгостеатра с объявлением благодарности... Принимая во внимание изложенное МК [Местный комитет] считает возможным поддержать ходатайство перед Сибкрайисполкомом о восстановлении его в правах»<sup>2</sup>.

Лишение избирательных прав и следующими за ним дискриминационные меры, наряду с другими факторами, способствовали сокращению численности действующих священнослужителей. Сведения о дальнейших судьбах священно- и церковнослужителей-«лишенцев» во многих случаях отсутствуют. Это связано, в том числе с тем, что для спасения себя и своих семей, они уезжали из мест своего постоянного проживания. В заключениях избирательных комиссий в таких случаях указывалось: «выбыл неизвестно куда»<sup>3</sup>. Такие действия были характерны не только для священнослужителей. По замечанию Ш. Фицпатрик, крестьяне, подвергшиеся «раскулачиванию» или боявшиеся попасть под него, бежали из своих сел, отправляясь работать в города или на стройки<sup>4</sup>. Попытка сбежать,

<sup>1</sup> Подписка-характеристика И. П. Маракина от 21.05.1931. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 457. Л. 36.

<sup>2</sup> Заявление председателя МК Сибгостеатра Стефанова в Сибкрайисполком от 10.06.1932 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4339. Л.5.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 531. Л. 3.

<sup>4</sup> Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 160.

физически покинуть неблагоприятную среду в надежде на лучшие условия на новом месте демонстрирует использование механизма адаптации-ухода<sup>1</sup>.

Политика государства, которая все более ужесточалась, вынуждала священно- и церковнослужителей оставлять службу в церкви. Тем не менее, почти половина священников (40,57%), одна треть диаконов (38,70%) и 15,74 % псаломщиков (от общей совокупности выборки) на момент 1930 г. продолжали служить в церкви.

Динамика оставления службы в церкви священнослужителями (священниками и диаконами), выглядит следующим образом:

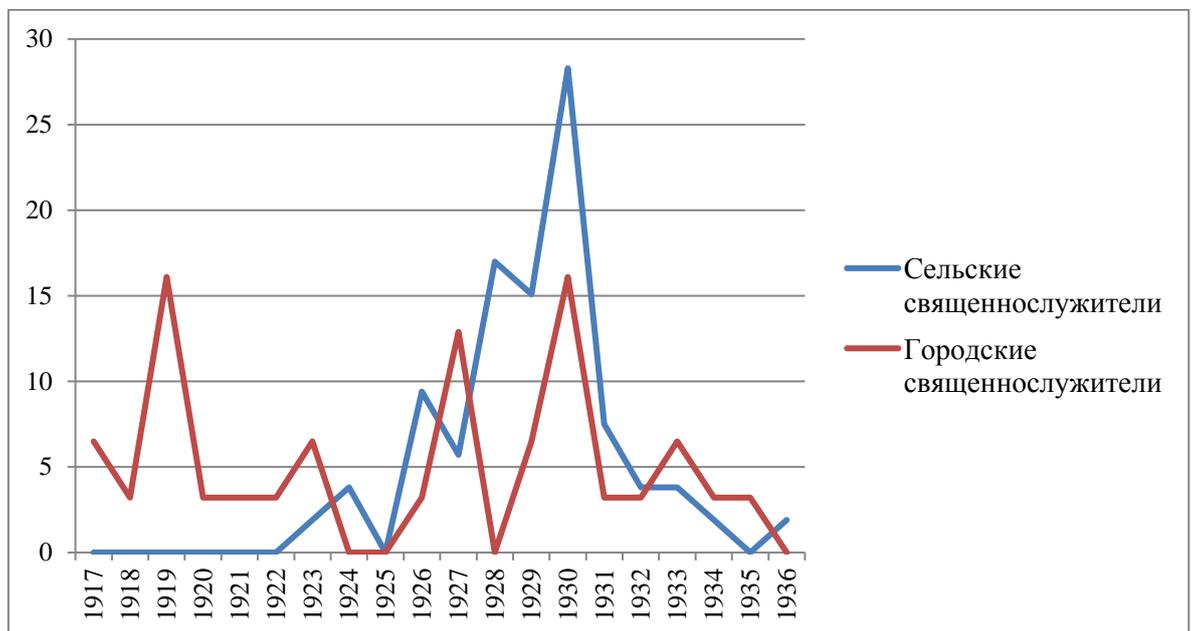


Рисунок 7 – Время прекращения службы сельскими и городскими священнослужителями (%)

Оставление церкви сельскими священнослужителями связано в первую очередь с коллективизацией и новым этапом наступления на религию. Пик приходится на 1930 год, при этом следует учитывать, что шестеро из шестнадцати сельских священников оставили службу в церкви не «добровольно», а в силу того, что подверглись репрессиям. Среди городских священнослужителей почти треть (32,3%) покинули церковь в годы гражданской войны. Из них большая часть прекратила служение в связи с установлением советской власти и последовавшими за этим репрессиями в 1919 г. На втором месте по численности

<sup>1</sup>Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 272.

священнослужители, оставившие службу в 1930 г. (16,1 %), на третьем – в 1927 г. (12,9%).

Среди «лишенцев» присутствуют также трое бывших священников, оставивших церковь еще до революции. Так, лишению избирательных прав подвергся бывший священник С. А. Краснов (с. Никоновское Маслянинского района), оставивший службу в 1915 г., вероятно, в силу преклонного возраста (1851 г. р.), и занимавшийся пчеловодством. В 1920 г. С. А. Краснова лишили избирательных прав, а в начале 1930-х гг. он безрезультатно обращался с ходатайствами о восстановлении<sup>1</sup>. Другой бывший священник С. П. Козьмодемьянский, проживавший в г. Новосибирске, был рукоположен в 1904 г. и служил священником в Оренбургской губернии, но в 1909 г. был лишен священнического сана за отказ упоминать императора в церковной службе как благочестивейшего. Удалось ли ему восстановиться в избирательных правах неизвестно, но в 1937 г. С. П. Козьмодемьянский был арестован и расстрелян<sup>2</sup>. Третий – бывший барнаульский священник З. Т. Багаев<sup>3</sup>, оставил службу в 1913 г. по состоянию здоровья и находился на иждивении родственников, в 1931 г. его восстановили в избирательных правах, но в 1937 г. Багаев был репрессирован и приговорен к высшей мере наказания.

После оставления службы в церкви бывшие священно- и церковнослужители должны были искать для себя новое место работы и пытаться адаптироваться к изменившимся условиям. Их попытки, в большинстве случаев, следует отнести к адаптации-защите. По мнению М. С. Саламатовой, священнослужители, отрекшиеся от сана, были вынуждены наниматься чернорабочими и заниматься тяжелым физическим трудом, так как на биржах труда их не регистрировали и на работу в советские учреждения не брали<sup>4</sup>. Согласно исследованию Ю. А. Русиной, на первом месте по численности находятся бывшие «служители религиозного

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 394. Л. 1-14.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р. 1347. Оп. 1а. Д. 761. Л. 1-10.

<sup>3</sup> ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1. Д. 194. Л. 1-12.

<sup>4</sup> Саламатова М. С. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927-1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 15.

культы», занимавшиеся сельским хозяйством, а ставшие служащими – на втором<sup>1</sup>. По нашим подсчетам, почти половине бывших священнослужителей из проанализированной нами выборки (на основании дел, в которых указана информация о занятиях) удалось устроиться в качестве служащих, на втором месте по численности находятся бывшие священнослужители, занимающиеся сельским хозяйством. Следует уточнить, что в нашем случае категория служащих объединяет в себя представителей профессий, чья деятельность не была связана с тяжелым физическим трудом.

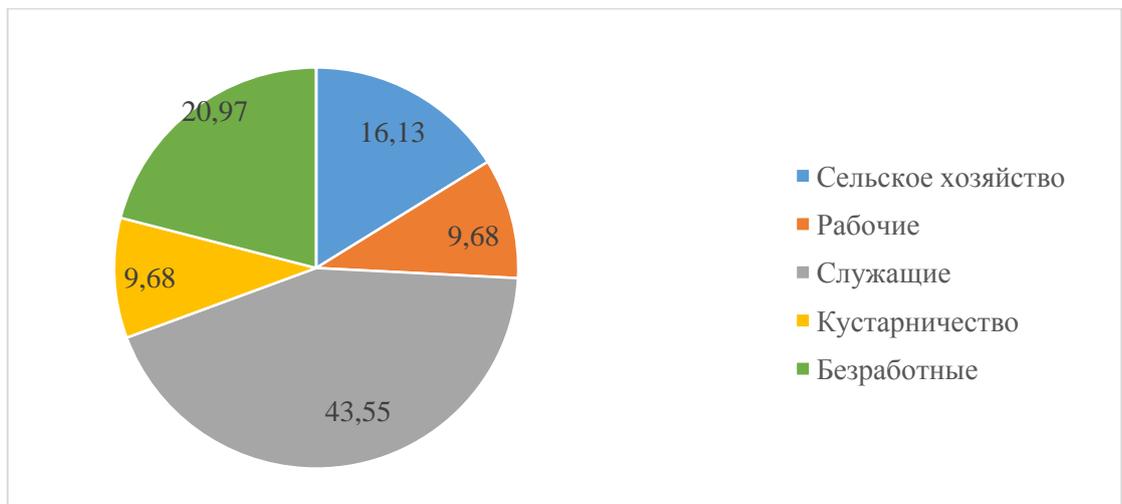


Рисунок 8 – Структура занятий бывших священнослужителей на начало 1930-х гг. (%)

Структура занятий сельских и городских священнослужителей заметно различается.

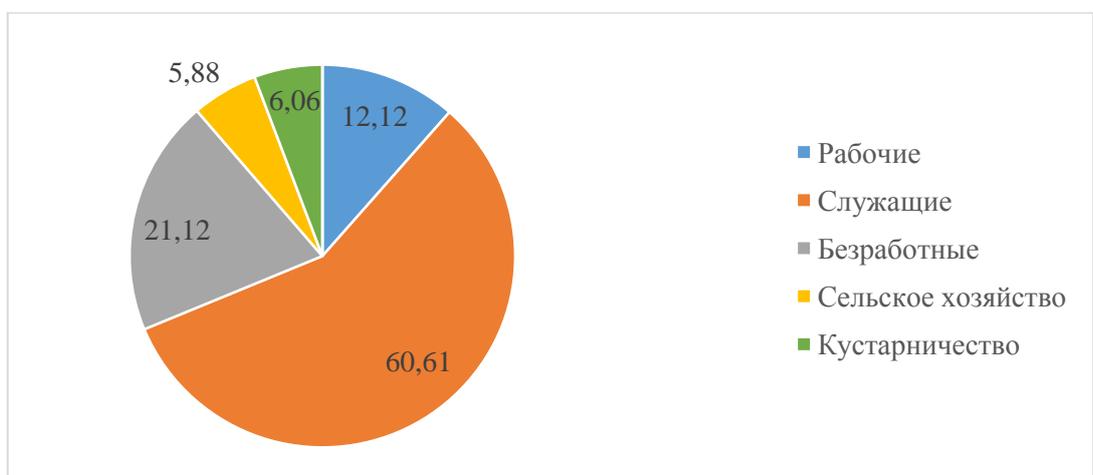


Рисунок 9 – Структура занятий бывших городских священнослужителей на начало 1930-х гг. (%)

<sup>1</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-19180-е гг.). С. 126.

Так, для городских священнослужителей основными вариантами трудоустройства являлись служба в различных учреждениях или работа на производстве. Часть священнослужителей по состоянию здоровья или в силу возраста оказалась на иждивении родственников.

Потребность в специалистах с образованием и острая нехватка кадров вынуждала принимать на службу бывших священников-«лишенцев». Так, бывший новосибирский священник А. Г. Волков, оставивший церковь в 1919 г. и лишенный избирательных прав, стал работать в государственных учреждениях: «находясь на службе, постепенно поднимал свою квалификацию, начиная с табельщика до бухгалтера, а в последнее время заведующий краевым карточным бюро»<sup>1</sup>. При этом А. Г. Волков с 1920 г. состоял членом профсоюза и прошел «чистки» советского аппарата без «замечаний и взысканий»<sup>2</sup>. Восстановления в избирательных правах добился только в 1933 г.

Данная группа бывших священнослужителей, ставших служащими, достаточно разнообразна по составу, в нее, в частности, входили фельдшер<sup>3</sup>, актер Сибгосоперы<sup>4</sup>, хорист<sup>5</sup>, киоскер<sup>6</sup>, статистик<sup>7</sup>, бухгалтер<sup>8</sup>, счетовод<sup>9</sup>, кассир<sup>10</sup>, преподаватель музыкального техникума<sup>11</sup> и др. Всего группа насчитывает девятнадцать человек. Как видно из приведенного списка, священнослужители, обладавшие хорошим голосом, нашли применение своему таланту. Так, бывший священник А. А. Игнатъев имел кроме духовного еще и специальное музыкальное образование, так как окончил музыкально-педагогическое училище. В 1920 г. оставив церковь, А. А. Игнатъев стал преподавателем в Красноярской народной консерватории, а с 1922 г. – преподавателем и заведующим учебной частью томского музыкального техникума. Несмотря на столь длительный стаж работы,

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 294. Л. 6.

<sup>2</sup> Там же. Л. 11.

<sup>3</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4518. Л. 1-25.

<sup>4</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4339. Л. 1-17.

<sup>5</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2537. Л. 1-5.

<sup>6</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 1-9.

<sup>7</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 3540. Л. 1-2.

<sup>8</sup> ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 370. Л. 1.

<sup>9</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1069. Л. 1-12.

<sup>10</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 679. Л. 1-19.

<sup>11</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 630. Л. 1-11.

ему пришлось в 1929 г. несколько раз ходатайствовать о восстановлении в избирательных правах. В итоге было вынесено положительное решение<sup>1</sup>. Другой бывший омский диакон Ф. И. Третьяков, начавший служить в церкви еще до революции, в 1930 г. стал артистом хора Сибгосоперы<sup>2</sup>. В исследовании, посвященном московским «лишенцам», также приводится пример, когда диакон, оставив церковь, стал артистом<sup>3</sup>.

Наличие светского образования являлось фактором, способствовавшим адаптации в новой среде, в особенности, если данное образование оставалось актуальным в новых условиях, как, например, медицинское. Так, бывший омский священник А. Е. Фяскин окончил омскую центральную фельдшерскую школу в 1892 году со званием медицинского фельдшера, работал помощником врача в Тобольской губернии. В 1901 г. был рукоположен в сан диакона, в 1911 г. стал священником, продолжая заниматься врачебной практикой. С 1919 г. А. Е. Фяскин оставил церковь и работал в больнице, но с 1923 г. вновь вернулся к службе священника, прослужив до 1930 г. После чего он вновь работал фельдшером в нескольких клиниках в Новосибирске, затем Томске, а с 1934 г. в омской больнице<sup>4</sup>.

Половина из данной группы добились восстановления в избирательных правах. Шесть человек подверглись репрессиям, пять – были расстреляны в 1937 г., а один несколько раз оказывался под судом в 1920-е гг.<sup>5</sup>. Таким образом, получение работы вне зависимости от ее характера не давало никаких гарантий на будущее. Не играло особой роли и время отречения от сана. Так, бывший священник А. М. Жигачев, проживавший в г. Томске, оставивший церковь в 1919 г. и работавший бухгалтером, был лишен избирательных прав в 1927 г., но в 1929 г. добился восстановления, несмотря на это в 1937 г. был расстрелян<sup>6</sup>.

Следующая группа представлена священнослужителями, которые так и не смогли найти себе новую работу, их насчитывается семь человек, все они

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 630. Л. 1-11.

<sup>2</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4339. Л. 1-17.

<sup>3</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 153.

<sup>4</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4518. Л. 1-25.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 69. Л. 1-45.

<sup>6</sup> ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 556. Л. 1-5.

находились на иждивении у родственников. В отношении трех человек из данной группы решение о восстановлении или отказе отсутствует, троим было отказано, одному священнику, оставившему службу еще до революции, избирательные права вернули<sup>1</sup>. Репрессиям из данной группы подверглись двое.

Наличие светской специальности не всегда гарантировало работу как в вышеприведенном случае с А. Е. Фяскиным. Бывший барнаульский диакон А. В. Блонский, закончивший городское училище и Томскую ветеринарную школу, в 1887–1891 гг. работал учителем и псаломщиком, а в 1891–1906 гг. – ветеринаром. С 1906 г. и до 1917 г. А. В. Блонский работал завхозом Барнаульского духовного училища в сане диакона<sup>2</sup>. Далее до 1926 г. служил в различных учреждениях, а в 1927 г. работу найти не смог, был вынужден жить на средства от квартиры и от поденных работ. В своем заявлении в Барнаульский городской совет в 1932 г. А. В. Блонский указывал на то, что дома собственного у него теперь нет и «жить совершенно нечем», выражал желание работать по специальности и просил дать ему работу в ветлечебнице и «если возможно восстановить в голосе»<sup>3</sup>. Достаточно нетипично, что просьба о работе стоит на первом месте, так как обычно бывшие священнослужители просили восстановить их в избирательных правах, благодаря чему, став полноправными гражданами они смогли бы найти себе работу. В итоге А. В. Блонскому по специальности устроиться так и не удалось, а в 1937 г. он был репрессирован.

О сложностях, с которыми сталкивались бывшие священнослужители, пытаясь найти работу, ярко свидетельствует ситуация с бывшим бийским священником А. И. Ридиным. Выйдя в 1923 г. за штат, Ридин устроился на работу в Алтгубсоюз, но вскоре был уволен по сокращению. Затем пытался вновь устроиться на работу: «Несмотря на все усилия попасть на советскую службу – это

<sup>1</sup>ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 194. Л. 1-12.

<sup>2</sup>ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 258; База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [Электронный ресурс]. URL: [http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no\\_dbpath/ans/nm/?query=HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XU\\*\\_dwn&find=%C1%EВ%EE%ED%F1%EA%E8%E9](http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/ans/nm/?query=HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XU*_dwn&find=%C1%EВ%EE%ED%F1%EA%E8%E9) (дата обращения: 18.11.2016).

<sup>3</sup>Заявление А. В. Блонского в Барнаульский городской совет от 16.01.1932 г. // ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 258. Л. 4 об.

мне не удавалось. Стоило лишь сказать, что я священник (а я об этом и не скрывал), как везде получал отказ»<sup>1</sup>. Потерпев неудачу, Ридин уехал в деревню, где занялся пчеловодством и помогал местному священнику в церкви. В 1926 г. он вернулся в Бийск, встал на биржу труда, затем уехал в г. Керчь, где в 1927 г. сняв сан священника, поработал немного счетоводом и, лишившись работы, снова вернулся в Бийск, проживая на иждивении жены и сына<sup>2</sup>. Как видно из данного примера, не всегда священнослужителям отказывали в постановке на учет на бирже труда, по крайней мере до 1929 г. (до постановления Наркомата Труда СССР от 13 июля 1929 г., запрещавшего принимать на биржи труда «лишенцев», не имевших трудового стажа и не доказавших лояльность советской власти)<sup>3</sup>. С другой стороны, учреждения подозрительно относились к бывшим священникам (тем более что на момент своих попыток трудоустройства Ридин не снял сан, а находился за штатом) и старались не брать их на работу.

Третья группа – городские священнослужители, которые были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Таких насчитывается четыре священника и один диакон. В некоторых случаях информация из личных дел дает представления о том, какие это были виды работы: слесарь<sup>4</sup>, грузчик<sup>5</sup>, каменщик<sup>6</sup>. Трех бывших священников восстановили в избирательных правах (1931, 1932 гг.), но один из них в 1937 г. был расстрелян. Отдельно остановимся на судьбе бывшего томского диакона П. А. Рукавишникова: сын рабочего, закончил ремесленное училище по специальности слесаря, с 1908 г. служил в церкви сначала псаломщиком, затем диаконом. Сняв сан в 1930 г. вынужден был перебиваться случайными заработками: «...работы не боюсь, мету улицы, убираю снег, чищу помойки, пилю дрова...»<sup>7</sup>. К сожалению, работу по специальности слесаря он не смог получить: в 1931 г. был чернорабочим по забивке свай для котельной ЦЭС, затем рабочим в автодорожном техникуме, далее попеременно дворником и

<sup>1</sup>ГААК. Ф. Р-652. Оп. 2. Д. 489. Л. 2.

<sup>2</sup>Там же.

<sup>3</sup>Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 131.

<sup>4</sup>ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 914. Л. 1-35.

<sup>5</sup>ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 334. Л. 1-10.

<sup>6</sup>ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 517. Л. 1-30.

<sup>7</sup>Заявление П. А. Рукавишникова во ВЦИК от 24.04.1932 г. // ГАТО. Оп. 3. Д. 1287. Л. 2.

чернорабочим в различных учреждениях по несколько месяцев. В 1935 г. ему удалось добиться восстановления в избирательных правах, на тот момент он работал в камнеобрабатывающей мастерской. Последним место работы П. А. Рукавишникова стал горземлестрест, где он был сторожем. В 1937 г. его арестовали и расстреляли по обвинению в принадлежности к «Союзу спасения России»<sup>1</sup>.

Двое бывших городских священнослужителей зарабатывали на жизнь кустарничеством. Один – барнаульский обновленческий священник, снявший сан в 1930 г. занимался починкой пимов, в избирательных правах не восстановлен и расстрелян в 1937 г.<sup>2</sup> Другой, оставивший службу в 1914 г., был восстановлен в избирательных правах в 1925 г., но затем снова лишенный, занимался производством свечей и добился восстановления в 1930 г.<sup>3</sup>

Еще одного священнослужителя – бывшего томского обновленческого диакона А. И. Кускова (1906 г.р.) в 1931 г. призвали в тылоополчение, где он находился до 1934 г., будучи демобилизован, вернулся в Томск и был восстановлен в избирательных правах<sup>4</sup>. При этом о его восстановлении ходатайствовал командир батальона тылового ополчения, указывая, что трехгодичная служба в тылоополчении засчитывается за пятилетний трудовой стаж<sup>5</sup>. Отдельно прилагалась краткая характеристика на А. И. Кускова, подтверждавшая, что он встал на путь исправления и его так называемое «обязательство», в котором он отрекался от веры в Бога<sup>6</sup>.

В сельской местности основным видом занятий для бывших священников становилось сельское хозяйство. И применительно к ним верно утверждение М. С. Саламатовой о занятии тяжелым физическим трудом бывших священников<sup>7</sup>.

<sup>1</sup>Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов. Т. 3. С. 52.

<sup>2</sup>ГААК. Ф. Р-652. Оп. 2. Д. 428. Л. 1-14.

<sup>3</sup>ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 697. Л. 1-29.

<sup>4</sup>ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 548. Л. 1-10.

<sup>5</sup>Председателю томского Горсовета от командира-комиссара 32-го батальона тылового ополчения. 24.01.1934. // Там же. Л. 6.

<sup>6</sup>Краткая характеристика // Там же. Л. 7.

<sup>7</sup>Саламатова М. С. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927-1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 15.

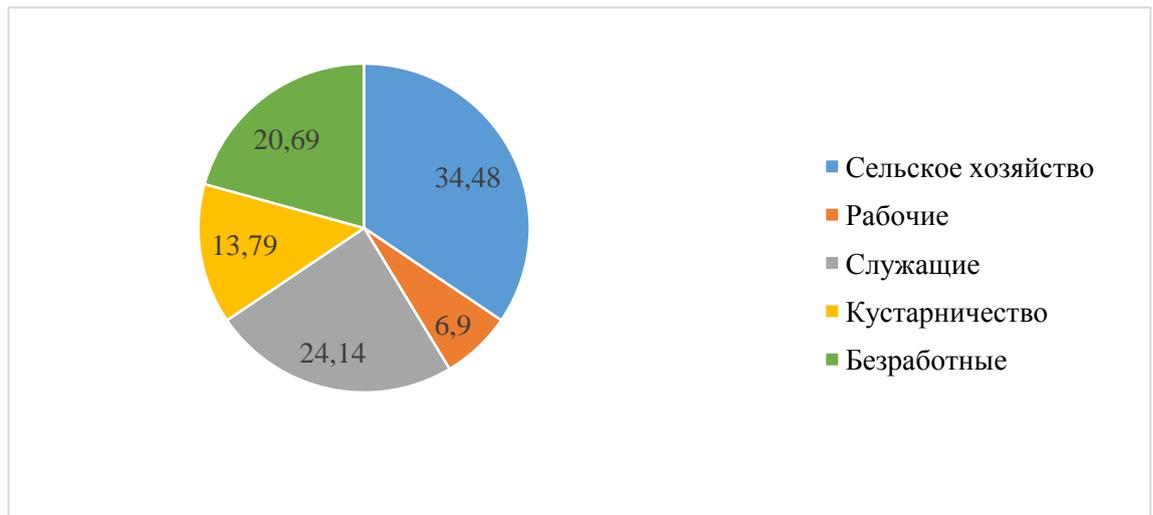


Рисунок 10 – Структура занятий бывших сельских священнослужителей на начало 1930-х гг. (%)

Группа бывших сельских священнослужителей, занявшихся сельским хозяйством, насчитывает десять человек (восемь священников и два диакона). Из них только три священника добились восстановления в избирательных правах. Пять священников подверглись репрессиям – трое высылке, один получил 5 лет лагерей<sup>1</sup>, другой был расстрелян в 1937 г.<sup>2</sup>. Один из бывших диаконов был осужден в 1930 г. на 1 год принудительных работ по ст. 61 УК за отказ выехать в срок на лесозаготовку<sup>3</sup>. Другой, оставив службу в церкви в 1927 г., добился восстановления в избирательных правах в 1932 г.<sup>4</sup>

Как следует из диаграммы, в сельской местности устроиться в качестве служащих удалось меньшему количеству священнослужителей, чем в городах. Тем не менее, таковые тоже встречались. Ярким примером успешной адаптации является судьба П. Ф. Буслаева (Моховский сельсовет Колпашевского района), который, прослужив в качестве священника с 1922 г. по 1928 г., отрекся публично от сана, и уже в 1929 г. занял должность секретаря Жигаловского сельсовета, с августа 1929 г. – секретаря Моховского сельсовета, затем – секретаря Широковского сельсовета<sup>5</sup>. Примечательно, что П. Ф. Буслаева, лишенного

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 126. Л. 1-3.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 281; База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» [Электронный ресурс]. URL: [http://kuzl.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/charset/ans](http://kuzl.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans) (дата обращения: 16.10.2016).

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 228. Л. 14.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 480. Л. 1-50.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 1-25.

избирательных прав в 1924 г., взяли на работу секретарем, тогда как восстановлен в избирательных правах он был только в 1934 г.

Всего группа бывших священнослужителей, ставших служащими, насчитывает семь человек (пять священников и два диакона). Восстановления добились двое бывших священнослужителей, решение в отношении еще двух не ясно, оставшимся четверым в восстановлении в избирательных правах отказали. Высылке подвергся один бывший диакон<sup>1</sup>.

Третья группа – безработные бывшие священнослужители, насчитывает шесть человек. Пятеро из них находились на иждивении у родственников, еще один жил на подаяния<sup>2</sup>. Всего из данной группы восстановления в избирательных правах добился только один бывший священник. Д. Ф. Сосунов оставил службу в 1924 г., как пояснял он в заявлении: «имею преклонный возраст 68 лет дряхлое состояние здоровья и работать уже не могу...»<sup>3</sup>. С тех пор он находился на иждивении жены, неоднократно обращался с просьбами о восстановлении, в результате в 1935 г. его восстановили в избирательных правах. Еще один бывший священник подвергся высылке<sup>4</sup>, а другой, после нескольких арестов, в 1937 г. был расстрелян<sup>5</sup>, дальнейшая судьба остальных двоих неизвестна.

Четвертая группа сельских священнослужителей, после оставления церкви занявшихся кустарничеством, представлена тремя сельскими священниками и диаконом. Бывший обновленческий священник В. Т. Зотов, сложивший с себя сан в 1929 г., прослужил один месяц в 1930 г. в качестве лесообъездчика, но был уволен «как лишенец»<sup>6</sup>. В итоге он занялся сапожным ремеслом, а в 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Другие трое занимались плетением корзин, кладкой печей, плотничеством<sup>7</sup>. Восстановлен в избирательных правах только один<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 174. Л. 1-4.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-8.

<sup>3</sup> Заявление Д. Ф. Сосунова в Маслянинскую районную избирательную комиссию от 01.07.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 6.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 966. Л. 1-26.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 602; Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. С. 297-298.

<sup>6</sup> Справка Северского сельсовета от 28.02.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 519. Л. 15.

<sup>7</sup>; ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 149. Л. 1-27; ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 740. Л. 1-60. ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 160. Л. 1-13.

<sup>8</sup> ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 160. Л. 1-13.

Двое священнослужителей – один диакон и один священник после отречения от сана стали рабочими. Бывший диакон Я. Ф. Потехин (с. Федосеевское Коченевского района), служил с 1913 по 1923 г., после чего «порвал всякую связь с церковью и занялся сельским хозяйством и пчеловодством»<sup>1</sup>. В январе 1930 г., получив «твердое задание», имущество было конфисковано, а сам отдан под суд, получив срок 5 лет по ст. 169. Но уже в марте его хозяйство признали середняцким, «отдали все до мельчайшей вещи, а осенью того же года было взято обратно»<sup>2</sup>. Будучи досрочно освобожденным из-под стражи, Я. Ф. Потехин пошел работать на производство. Затем неоднократно обращался с ходатайствами о восстановлении, но получал отказ. Бывший обновленческий священник М. И. Светушков (с. Быструха Кочковского района), отрекся от сана в 1931 г. и, не найдя другой работы, устроился чернорабочим, в 1936 г. его восстановили в избирательных правах<sup>3</sup>.

Отдельно следует рассмотреть способы адаптации бывших церковнослужителей. Большинство псаломщиков оставили церковь в 1928–1930 гг. Как и в ситуации со священнослужителями, это связано с новым витком наступления на церковь, а также коллективизацией.

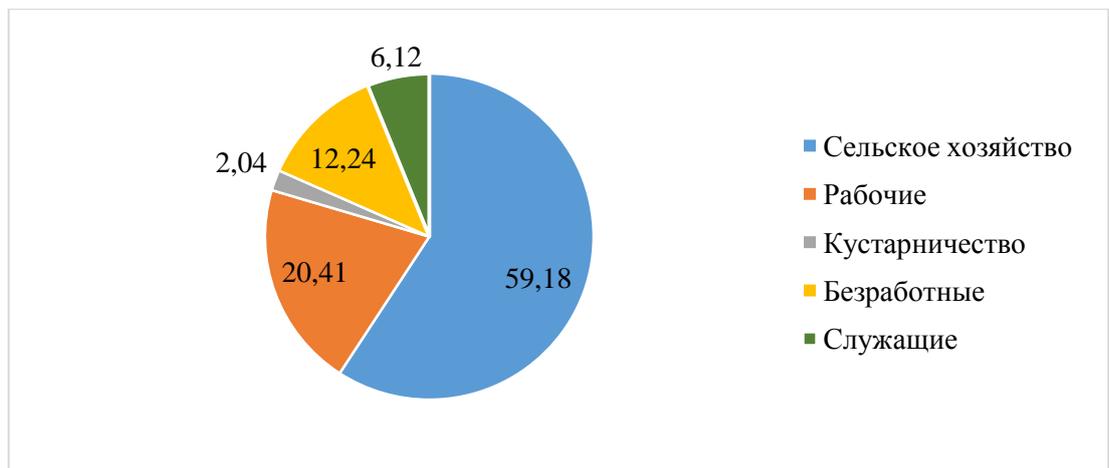


Рисунок 11 – Структура занятий бывших сельских и городских церковнослужителей на начало 1930-х гг. (%)

<sup>1</sup> Заявление Я. Ф. Потехина в Коченевский райисполком от 19.09.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 51.

Из одиннадцати бывших городских церковнослужителей – пятеро устроились в качестве работников физического труда. Четверых из данной группы восстановили в избирательных правах, а одному было отказано. Еще четверым удалось устроиться в качестве служащих (канцелярист, счетовод, делопроизводитель). А бывший омский псаломщик В. В. Каторгин успел сменить несколько профессий. В 1931 г., оставив службу в церкви, он работал парикмахером в г. Петропавловске, вернувшись в Омск, продолжать это занятие не смог, так как в артель парикмахеров его не приняли. Тогда он вновь вернулся к церковной службе в качестве регента. Но, в 1933 г. ему удалось устроиться на работу в государственный театр, которому на тот момент нужны были певцы<sup>1</sup>. Данная ситуация наглядно иллюстрирует, что, находясь в сложной жизненной ситуации, бывшие церковнослужители готовы были браться за любую работу, используя все свои разнообразные навыки и таланты. Троим из данной группы в восстановлении было отказано, решение в отношении еще одного церковнослужителя не ясно. Репрессиям подвергся Л. Е. Беляев, которого внесли в список «лишенцев» как псаломщика, но сам он никогда не служил, хотя происходил из семьи священника<sup>2</sup>. Несмотря на это, в 1933 г. Беляева арестовали и приговорили к высшей мере наказания, которую заменили на 10 лет лагерей, но в 1937 г. его все же расстреляли<sup>3</sup>.

Трое бывших городских церковнослужителей оказались на иждивении родственников, из них никого не восстановили. Если двое из них были уже людьми преклонного возраста и работать не могли по состоянию здоровья, то один бывший псаломщик был еще достаточно молод, но нигде не мог устроиться. В своем заявлении в избирательную комиссию г. Омска в 1930 г. С. В. Константинов писал: «Хотя я и принят биржей труда 12 февраля на особый учет, на особом учете могу не получить очень и очень долго должности. Ходил по учреждениям – все говорят,

---

<sup>1</sup> ГИАОО. Ф Р-235. Оп. 8. Д. 2061. Л. 1-6.

<sup>2</sup> ГААК. Ф. Р-312. Оп. 3. Д. 231. Л. 1-2.

<sup>3</sup>База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» [Электронный ресурс]. URL: [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/charset/ans](http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans)

что невозстановленного в правах принять не можем».<sup>1</sup> Данная ситуация демонстрирует, что несмотря на постановления Наркомата Труда СССР от 13 июля 1929 г., запрещавшего принимать на биржи труда «лишенцев», не имевших трудового стажа и не доказавших лояльность советской власти<sup>2</sup>, фактически на учет их поставить могли, но это не гарантировало получение работы.

Для сельских псаломщиков основным видом деятельности являлось сельское хозяйство. Даже если они и получали плату за службу в церкви, основной деятельностью она не являлась. Тем не менее, в одном деле некий «доброжелатель» в своем доносе в сельский совет указывал, что: «Трофимов Иван Семенович с 1926 года по 1931 год служил псаломщиком в Турнаевской церкви от чего имел большие доходы от 1000 рублей и больше в год»<sup>3</sup>. Но в реальности подобными доходами не обладали и священнослужители. Большинство церковнослужителей после оставления службы в церкви возвращались к своему основному занятию – сельскому хозяйству. Кроме службы в церкви, причинами лишения избирательных прав псаломщиков являлись также «эксплуатация наемного труда» и наличие сельскохозяйственных машин. Хозяйства церковнослужителей, как правило, причисляли к «кулацким». Часть церковнослужителей к моменту 1930 г. уже оказались высланными. Из 26 бывших сельских псаломщиков восстановили семь человек.

На втором месте по численности находятся бывшие церковнослужители, устроившиеся работать на производство (шесть человек). В основном они становились чернорабочими и занимались тяжелым физическим трудом. Тем не менее, двое из них добились восстановления в избирательных правах. Трое псаломщиков оказались безработными, из них никого в избирательных правах не восстановили. Еще один бывший псаломщик занялся кустарничеством, другой – нашел достаточно нетипичное для сельской местности занятие: «...занимаюсь для пропитания теперь искусством по фотографии...»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2262. Л. 3 об.

<sup>2</sup> Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 131.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 574. Л. 1-35.

<sup>4</sup> Заявление И. Н. Черкасова в Атамановскую комиссию по рассмотрению списков лишенных права голоса от 19.04.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 712. Л. 7.

К псаломщикам власти причислили также Н. Г. Светозарскую (с. Верх-Алеус Ординского района), которая занималась выпечкой просфор и по совместительству являлась сторожем. Судьба ее сложилась крайне трагично. В восстановлении избирательных прав ей отказали, имущество за неуплату налога было распродано. Ей припомнили также, что отец ее был священником, а муж диаконом. В результате, несмотря на многочисленные просьбы, имущество ей вернуть не удалось, а дальнейшая ее судьба неизвестна<sup>1</sup>.

Для церковных старост и членов приходских советов принадлежность к религии и церкви являлась дополнительным мотивом для лишения, а в основном их лишали как эксплуататоров. Основным занятием являлось сельское хозяйство, им они и продолжали заниматься. В избирательных правах из них никого не восстановили.

Отдельно следует остановиться на судьбах бывших монахинь, к которым власти также причисляли послушниц. Родители отдавали их на воспитание в монастырь еще в детстве. Но несмотря на то, что монастырь бывшие послушницы уже давно оставили, их все равно лишали избирательных прав. По предположению Ю. А. Русиной, данная политика по отношению к бывшим послушницам обусловлена представлениями властей об их монастырском образовании и воспитании<sup>2</sup>. Вполне возможно, что власти просто не видели особых различий между послушницами и монахинями. Сам факт пребывания в монастыре, независимо от занимаемого в нем положения и времени, являлся поводом для лишения избирательных прав.

В городах бывшие монахини и послушницы становились поденщицами, чернорабочими, шли в прислугу и работницы. Так, одна из них следующим образом охарактеризовала род своих занятий: «... как чернорабочая не отказывалась ни от какой работы: стираю белье, стежу одеяла, подшиваю пимы...»<sup>3</sup>. Из семи бывших монахинь и послушниц шесть в 1930 г. добились

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1-36.

<sup>2</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-19180-е гг.). С. 122.

<sup>3</sup> Заявление Д. А. Ганьшиной в Административный отдел Комиссию по рассмотрению жалоб. 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 378. Л. 2.

восстановления в избирательных правах. Некоторые, из-за преклонного возраста, не имея возможности работать, оказывались на иждивении родственников, в том случае, если таковые имелись. Если же никого из родных не было, то судьба складывалась поистине трагично. Так, А. С. Губанова, работавшая до его закрытия на свечном заводе Томского женского монастыря, в 73 года осталась без средств к существованию и жила на подаяния знакомых<sup>1</sup>. В восстановлении в избирательных правах А. С. Губановой отказали. Положительного решения комиссии удалось добиться другой бывшей монахини Томского монастыря, находившейся на иждивении у внучки<sup>2</sup>. В июне 1930 г. ей было отказано в восстановлении в избирательных правах<sup>3</sup>, но в сентябре того же года ее все же восстановили<sup>4</sup>.

К данной группе примыкает бывший послушник Троицкого монастыря в Уссурийском крае М. М. Лемешко. Он поступил в монастырь, по его выражению «послушником /чернорабочим» в 1917 г., в 1920 г. был призван на военную службу в Красную армию и, демобилизовавшись, вновь вернулся в Троицкий монастырь (в другом заявлении он этого не упоминает и указывает, что пребывал в монастыре с 1917 по 1923 г.). После ликвидации монастыря М. М. Лемешко работал плотником (так как в монастыре обучался столярному ремеслу), с 1934 г. проживал в г. Томске. Обратиться с просьбой о восстановлении его побудило зачисление в тылоополчение в 1934 г., по его мнению, это произошло «по случайному недоразумению»<sup>5</sup>. В результате в 1935 г. его восстановили в избирательных правах.

Среди монахинь, проживавших в сельской местности, известно только о судьбе двух из них – П. Н. Жилина (Петропавловский с/с Колпашевского района) занималась отчиткой<sup>6</sup>, другая, В. В. Косых (с. Большой Изырак Маслянинского района) зарабатывала на жизнь шитьем<sup>7</sup>. В избирательных правах никого из них не восстановили.

<sup>1</sup> Справка // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 439. Л. 3.

<sup>2</sup> Учетная карточка на лицо, лишенное избирательных прав // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1021. Л. 1.

<sup>3</sup> Выписка из протокола № 49 из заседания Томской Окружной Избирательной Комиссии от 19.06.1930 г. // Там же. Л. 5.

<sup>4</sup> Учетная карточка на лицо, лишенное избирательных прав. // Там же. Л. 8

<sup>5</sup> Заявление М. М. Лемешко в Томский городской совет [1934 г.] // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 892. Л. 13 об.

<sup>6</sup> ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 492. Л. 1-6.

<sup>7</sup> ГАТО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 413. Л. 1-7.

Священнослужители, продолжавшие служить в церкви, оказывались на пути катастрофической дезадаптации<sup>1</sup>, которая порой приводила к их физическому уничтожению. Количество священнослужителей на протяжении 1930-х годов неумолимо сокращалось в связи с закрытиями церквей и различного рода репрессиями и дискриминациями в отношении духовенства. Всего из 415 священно- и церковнослужителей достоверно известно о репрессиях в отношении 142 человек.

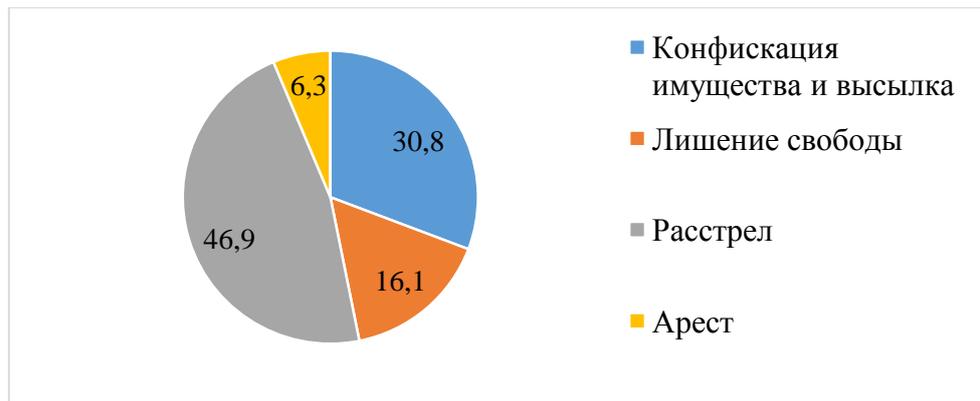


Рисунок 12 – Репрессии в отношении священно- и церковнослужителей (%)

На первом месте по численности находятся «расстрельные» приговоры. Большинство из них приходится на 1937 г., тем не менее, несколько священнослужителей оказались расстреляны в 1929, 1930 и 1938 гг. Среди расстрелянных присутствуют также пять обновленческих священнослужителей. Особо стоит отметить, что из 66 расстрелянных священно- и церковнослужителей, десять до этого были восстановлены в избирательных правах.

Часть приговоров к расстрелу выносилась на основании обвинения в принадлежности к мифической контрреволюционной организации «Союз спасения России», которая была якобы создана бывшим князем Волконским по заданию зарубежной белогвардейской организации «Российский общевойсковой союз». «По заданию Сибирского монархического штаба Волконский чрез Томского епископа Западно-Сибирской митрополии Зиверта и священника Булаева сформировал в Кожевниковском, Шегарском, Томском и Асиновском районах повстанческий отряд из числа бывших белых офицеров, лиц, служивших в прошлом в полиции и

<sup>1</sup>Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 201.

жандармерии, беглых, кулаков, церковников и сектантов с задачей поднять вооруженное восстание против Советской власти»<sup>1</sup>. Основными обвинениями для представителей духовенства являлись антисоветская агитация и пропаганда, выражавшаяся в призыве крестьян не вступать в колхозы<sup>2</sup>, выступления против закрытия церквей<sup>3</sup>.

Значительная часть священно- и церковнослужителей подверглись экспроприации и выселению. Основная часть из «раскулаченных» были высланы за пределы районов в 1930 г. В категорию «арест» включены те священнослужители, о дальнейшей судьбе которых после заключения под стражу ничего не известно. В личном деле «лишенца» в таких случаях могло значиться: «взят ОГПУ»<sup>4</sup>.

Если рассматривать отдельно репрессии в отношении священнослужителей и церковнослужителей, то выявляются определенные различия.

Таблица 4 – Репрессии в отношении священно- и церковнослужителей

Вид репрессий	Священнослужители (%)	Церковнослужители (%)
Высылка и конфискация	23,53	51,28
Расстрел	56,86	20,51
Лишение свободы	14,71	20,51
Арест	4,90	7,69

Как следует из приведенных данных, в отношении священнослужителей чаще выносили приговоры к высшей мере наказания, тогда как церковнослужители чаще подвергались «раскулачиванию».

Показательной в плане демонстрации нарастания и ужесточения дискриминационно-репрессивной политики советского государства является судьба сибирского священника Антона Петровича Дзюбенко. Выбор персоналии не случаен. Далекое не всегда удается проследить биографию священнослужителя

<sup>1</sup> Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40 и начале 50-х годов. Томск, 1991. Кн. 1. С. 272.

<sup>2</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. С. 82.

<sup>3</sup> Там же. С. 151.

<sup>4</sup> См. напр.. Выписка из протокола заседания президиума Чановского райисполкома от 3.05.1930. // ГАНО. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 251. Л. 1.

на протяжении всего периода 1920-х – 1930-х гг., но в случае с А. П. Дзюбенко удалось изучить его личное дело как «лишенца», и как репрессированного, что позволило создать более полную картину биографии.

Дзюбенко Антон Петрович родился в 1878 г. в крестьянской семье украинского села Ракулово Подольской губернии, окончил народное министерское училище, в 1899 г. поступил на службу псаломщиком. С 1912 г. служил псаломщиком в церкви во имя Святого Николая Чудотворца в селе Нестеровском Чернокурьянской волости Барнаульского уезда. Революция застала А.П. Дзюбенко в селе Маршанка Маршанской волости Барнаульского уезда, где он служил диаконом в церкви Покрова Пресвятой Богородицы, в 1920 г. был рукоположен в сан священника. А в 1925 г. переехал в село Решеты Кочковского района Новосибирского округа, где служил в церкви Святой Живоначальной Троицы. Как и все священнослужители был лишен избирательных прав. Так, в фонде Кочковского райисполкома сохранилось личное дело, заведенное на Дзюбенко как «лишенца».

В 1929 г. А. П. Дзюбенко в полной мере ощутил на себе налоговую политику государства, когда Решетовская налоговая комиссия посчитала его «нетрудовой» доход равным 2000 рублей. Не имея возможности уплатить всю сумму налога, Дзюбенко был вынужден обратиться в окружную налоговую комиссию с жалобой на непомерно высокое налогообложение: «За основу исчисления положила что я как священник села Решеты в коем насчитывается 2000 дворов – считая с каждого двора по 1 рублю. Такое предположительное исчисление в корне не верно – да и неправдоподобно...»<sup>1</sup>. Далее А. П. Дзюбенко выражает возмущение тем, что несмотря на уплату налога, его имущество распродано, а самому ему предложено в трехдневный срок освободить дом «вместе с семейством в количестве 11 человек, не имея обуви, одежды и крова, так как на квартиру меня совершенно никто не пускает»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Жалоба А. П. Дзюбенко в Каменскую окружную налоговую комиссию от 29.11.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 723. Л. 5 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 6.

Жалоба не принесла никаких результатов, но на этом его мытарства не закончились. На начало 1930-х гг. пришла новая волна активного наступления на церковь, выразившаяся в закрытии церквей и репрессиях в отношении священнослужителей. Не миновала эта судьба и А. П. Дзюбенко: в 1931 г. его арестовали в первый раз, приговорив за «контрреволюционную деятельность» к 5 годам лишения свободы. Сначала он находился в Новосибирской тюрьме, затем был чернорабочим на строительстве Беломорканала и освобожден досрочно через 1 год 9 месяцев. После этого он вернулся в Сибирь в г. Прокопьевск к семье. Проработав несколько месяцев в бурильне рабочим, А. П. Дзюбенко подвергся увольнению по указанию милиции, и был вынужден покинуть город, после чего служил священником в разных селах Алтая.

Последним местом службы А. П. Дзюбенко стало село Талица Залесовского района Алтайского края, куда он прибыл в апреле 1937 г. Этот год стал трагическим для православного духовенства, все предшествующие гонения не идут в сравнение с 1937 г., когда был взят курс на физическое устранение «контрреволюционного элемента», в том числе «церковников». Пик арестов духовенства на Алтае приходится на июль 1937 г., тогда же, 26 июля 1937 г., вновь был арестован и А. П. Дзюбенко. В вину ему, как и большинству священнослужителей, вменялась «антисоветская агитация». В обвинительном заключении утверждалось, что Дзюбенко занимался «систематической контрреволюционной агитацией, направленной на развал колхозов».

Алтайский исследователь А. А. Колесников, проанализировавший весь комплекс личных дел репрессированных «церковников», хранящихся в архиве Алтайского края, отмечает, что уровень полного признания вины был чрезвычайно высоким – 290 чел. (88,4 %). Это может свидетельствовать о том, насколько жестким было моральное и физическое давление на подсудимых<sup>1</sup>. В отличие от большинства, на допросе А. П. Дзюбенко виновным себя не признал и никаких фамилий не назвал: «Виновным в предъявленном обвинении себя не признаю, с

---

<sup>1</sup> Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. М., 2009. С. 294.

окружающими я знаком[,] фамилий их не знаю[,] но агитацию не проводил»<sup>1</sup>. На вопросы о дочерях А. П. Дзюбенко также отвечал очень уклончиво и расплывчато: «за кем замужем сказать не могу»<sup>2</sup>, «где живут их адреса я сказать не могу»<sup>3</sup>.

По замечанию А. А. Колесникова, признание, непризнание, частичное признание вины равно предопределяло трагическую судьбу человека. Решения троек почти всегда отличались крайней суровостью. Из 328 арестованных «церковников», «пропущенных» через тройки, 302 чел. (92,1 %) были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу. И лишь 26 чел. (7,9 %) получили лагерные сроки – 10 и 8 лет<sup>4</sup>. А. П. Дзюбенко не стал исключением, его приговорили к высшей мере наказания и 25 сентября 1937 г. он был расстрелян. Судьба священника А. П. Дзюбенко является выразительным и в то же время типичным примером трагической судьбы представителя православного духовенства, не покинувшего церковь, не отрекшегося от веры, прошедшего до конца свой крестный путь.

Схожим образом сложилась судьба протоиерея Михаила Артемьевича Босых (1887 г. р.), уроженца с. Маслянино Томской губернии. С 1914 г. М. А. Босых служил псаломщиком, в 1921 г. принял сан священника. В 1929 г., будучи священником церкви в с. Огнева-Заимка Черепановского района, М. А. Босых обращался с заявлениями в районную и окружную налоговые комиссии, в которых просил пересмотреть расчет налогообложения. Налоговая комиссия посчитала его доход равным 1902 р, из которого 1800 р – за неземледельческий заработок, и начислила налог в размере 469 р. 35 к<sup>5</sup>. В своем заявлении М. А. Босых писал, что «...как служитель религиозного культа получаю в год 400 рублей. На службу встал 1-го сентября 1928 г., прослужил 8 месяцев учетного года, получил от церкви 266 р.»<sup>6</sup>. К заявлению автор приложил справку от церковно-приходского совета с

<sup>1</sup> Протокол допроса. 01.07.1937 г. // ГААК. Ф. Р-2А. Оп. 7. Д. 13783. Л. 22.

<sup>2</sup> Там же. Л. 23.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. М., 2009. С. 296.

<sup>5</sup> Карточка лишенного избирательных прав. // ГАНУ. Ф.Р-489. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.

<sup>6</sup> Заявление М. Босых в окружную налоговую комиссию от 12.09.1929 г. // Там же. Л. 8.

подтверждением дохода и полученной суммы<sup>1</sup>. Через несколько дней он пишет заявление в районную налоговую комиссию с той же просьбой, указывая, что «...я должен уплатить к 10 октября 705 руб., а получил дохода 266 р.»<sup>2</sup>. После М. А. Босых вновь обращается в окружную налоговую комиссию<sup>3</sup>. Но в итоге налоговая комиссия своего решения не изменила.

А на заседании сельсовета 5 мая 1930 г, посвященного рассмотрению списков «лишенцев» было вынесено следующее постановление: «Босых М. А. разбирать нечего так как он поп»<sup>4</sup>. Таким образом, в 1930 г. М. А. Босых еще служил в церкви с. Огнева-Заимка и оставался лишенным избирательных прав. О дальнейшей судьбе свидетельствует его письмо епископу Барнаульскому Иакову, из которого становится известно, что в 1934 г. М. А. Босых был осужден на год принудительных работ<sup>5</sup>. Также из письма следует сделать вывод, что в начале 1930-х М. А. Босых перебрался на Алтай. Последним место его служения стала Сретенская церковь г. Бийска, а в дальнейшем, перед арестом в 1937 г. он нелегально проживал в г. Барнауле<sup>6</sup>. 28 июля 1937 г. Михаила Артемьевича арестовали. На допросе он признал, что «...являюсь активным участником контрреволюционной кадетско-монархической организации, существовавшей и действовавшей на территории Западно-Сибирского края, которая вела подготовку к вооруженному свержению советской власти...»<sup>7</sup>. Его приговорили к высшей мере наказания и 2 сентября 1937 г. расстреляли.

Проведенный в качестве базового индикатора о степени и возможности адаптации к постреволюционным условиям анализ занятий бывших городских и сельских священнослужителей позволяет сделать вывод, что в сельской местности священнослужители оказались в более сложной ситуации, чем городские.

<sup>1</sup> Справка от 11.09.1929. // Там же. Л. 9.

<sup>2</sup> Заявление М. Босых в Черепановскую районную налоговую комиссию от 16.09.1929 г. // Там же. Л. 10.

<sup>3</sup> Заявление М. Босых в окружную налоговую комиссию от 72.09.1929 г. // Там же. Л. 15.

<sup>4</sup> Выписка из протокола заседания О-Заимского сельсовета от 05.05.1930 г. // Там же. Л. 21.

<sup>5</sup> Письмо священника М.А. Босых, осужденного на принудительные работы //Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. (1917-1998 гг.). Барнаул, 1999. С. 90-91.

<sup>6</sup> База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [Электронный ресурс]. URL: [http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no\\_dbpath/nopanel/ans/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu-fi5ftG0AeCKUe8gUUC1WdOngdO8ctk\\*](http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/nopanel/ans/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu-fi5ftG0AeCKUe8gUUC1WdOngdO8ctk*) (дата обращения: 12.04.2017).

<sup>7</sup> Протокол допроса М.А. Босых от 07.08.1937 г. // ГААК. Ф. Р-2А. Оп. 7. Д. 9113/16. Л. 29 об.

В более благоприятных адаптационных условиях находились священно- и церковнослужители, оставившие церковь вскоре после революции или даже до 1917 г. В таком случае временной интервал адаптации растягивался и к моменту ужесточения дискриминационно-ограничительных мер, сопутствовавших лишению избирательных прав, уже имелся необходимый для восстановления пятилетний трудовой стаж. Больше число таковых приходится на городских священнослужителей. Кроме того, в городах существовало больше вариантов трудоустройства, причем необязательно в сфере физического труда. Поэтому значительной части бывших городских священнослужителей удалось найти работу в качестве служащих или другие занятия, не связанные с тяжелым физическим трудом. Наличие светского образования, определенной профессии, навыков, помимо церковной службы, также повышало шансы если не на восстановление в избирательных правах, то по крайней мере на возможность найти подходящую работу.

В сельской местности найти работу оказывалось сложнее, большинство священников, вынужденных оставить церковь в конце 1920-х – начале 1930-х гг., стали заниматься тяжелым физическим трудом. Для них это было вдвойне тяжело, учитывая, что они относились к лицам преклонного возраста. Кроме того, сельское духовенство страдало от непомерно высоких налогов, в конечном счете разорявших их семьи, вынуждавших оставлять службу в церкви и бежать из своих сел. Следует учитывать и тот факт, что с самого начала принудительной коллективизации сельские священно- и церковнослужители оказывались почти поголовно подвержены арестам, «раскулачиванию» и высылке.

Следует сделать вывод, что адаптация бывших священно- и церковнослужителей в советском обществе проходила крайне непросто. Принадлежность к «служителям религиозного культа» как клеймо накладывало неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь его носителей. Это касалось и «черного пятна лишенца» – даже после формальной законодательной отмены института «лишенчества» в 1936 г. внесение когда-то в список лиц, лишенных избирательных прав, оказывало огромное влияние на дальнейшие судьбы. Особо

следует подчеркнуть, что даже те бывшие священно- и церковнослужители, кто, казалось бы, удачно устроился на работу и адаптировался в новой среде, постоянно находились под угрозой репрессий. В годы Большого террора значительное число священнослужителей было расстреляно. При этом среди них были как действующие священники, так и те, кто оставил церковь и даже добился восстановления в избирательных правах.

Политику «лишенчества», помимо ломки социальной структуры общества, разрушения института семьи, следует рассматривать также как «мягкую» карательную меру и пролог к жестким репрессиям Советского государства в отношении религии и церкви. Тем не менее, духовенство стало, пожалуй, единственной категорией в составе «лишенцев», просуществовавшей весь советский период и сумевшей пережить все дискриминации и репрессии. Этому способствовал и тот факт, что священно- и церковнослужители являлись корпоративной группой, объединенной церковной организацией.

## Глава 3. Борьба за правовой статус: тактики поведения и результаты

### 3.1. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев»

Дискриминационные меры, сопутствовавшие лишению избирательных прав, создавали тяжелые, порой невыносимые условия существования и вынуждали «лишенцев» обращаться в избирательные комиссии с просьбой о восстановлении. Для того, чтобы добиться положительного решения, священно- и церковнослужители при подаче ими жалоб и ходатайств приводили различные аргументы, выбирали разные тактики поведения. Это зависело от места проживания священно- и церковнослужителей (город или сельская местность), занимаемой должности в церкви и ряда других факторов.

Всего с заявлениями в органы власти из 412 священно- и церковнослужителей-«лишенцев» нашей выборки обратилось 167 человек. В остальных случаях жалобы и ходатайства, на основании которых заводились личные дела, писали родственники «лишенцев», в ряде дел заявления отсутствуют вовсе. Тот факт, что личное дело могло быть заведено без обращения в органы власти самого «лишенца», подтверждают авторы монографии «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы». Они отмечают, что в отдельных случаях личное дело инициировала сама избирательная комиссия. Обычно это происходило во время проверки районных списков «лишенцев», как например, весной-летом 1930 г.<sup>1</sup> Действительно, большинство дел, содержащих лишь выписку из протокола заседания избирательной комиссии, датируются 1930 г.

С помощью методики контент-анализа нами обработано 315 заявлений священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Выделенные 55 категорий контент-анализа подразделяются на семь блоков: утверждение трудового статуса; отрицание «нетрудового» статуса; сетования на жизненные тяготы; оправдание службы в церкви; причины лишения и обстоятельства рассмотрения дела, обращения к органам власти; доказательства лояльности. В одном деле может быть

---

<sup>1</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. С. 50.

несколько заявлений, поэтому существует опасность смещения результатов в сторону лиц, подававших их несколько раз. В связи с этим за единицу счета принято не заявление, а личное дело со всеми входящими в него обращениями. В приводимых же далее цитатах сохранена орфография оригиналов.

Чаще в органы власти обращались церковнослужители – из 114 человек апелляции подали 80, из 277 священнослужителей – 78 человек, а из 17 монахинь и послушниц – 9. По поселенческому принципу: 48 человек проживали в городах, 119 – в сельской местности.

В большинстве своем «лишенцы» именовали свои обращения в органы власти заявлениями, значительно реже озаглавливали их как жалобы, и в исключительных случаях называли их ходатайствами. Также один бывший священник назвал свои обращения просьбами<sup>1</sup>, а другой – прошениями<sup>2</sup>. В работе, посвященной московским «лишенцам», отмечается, что тип заявления определяется только по его содержанию, тогда как сами «лишенцы» редко называли заявления жалобами или ходатайствами, а если и указывали, то название не всегда соответствовало содержанию<sup>3</sup>. Жалобой является заявление, автор которого не согласен с правомерностью лишения его избирательных прав. В ходатайстве автор в целом признает законность внесения его в списки «лишенцев», но просит восстановить, раскаяваясь в прошлой деятельности, ссылаясь на различные жизненные обстоятельства<sup>4</sup>.

Как правило, заявление начинается с констатации факта лишения избирательных прав. Интересно, что, по наблюдению В. И. Тихонова, московские городские «лишенцы» достаточно редко указывали, за что они были лишены избирательных прав<sup>5</sup>. Среди заявлений сибирского духовенства, наоборот, указание на причину лишения избирательных прав отсутствует лишь в редких

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 18-19 об., 25-26, 27-27 об.

<sup>2</sup> Прощение С.И. Краснова во ВЦИК от 10.07.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 394. Л. 14.

<sup>3</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 52.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup>Тихонов В. И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс]. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml> (дата обращения: 15.04.2012).

случаях. Далее следует выражение согласия или не согласия с фактом внесения в списки «лишенцев», в зависимости от типа заявления – жалоба или ходатайство, последние встречаются значительно чаще. Несогласие с фактом лишения избирательных прав присутствует в 31,87 % дел. Действительно, для того, чтобы резко высказывать несогласие с решением властей, нужна была определенная доля смелости, а также безоговорочная уверенность в своей правоте. Следует согласиться с Ю. А. Русиной, которая также отмечает, что резкие протесты встречаются нечасто, и что люди уже понимали, как надо писать, чтобы добиться положительного решения<sup>1</sup>.

Далее в заявлении следует изложение различного рода обстоятельств, которые, по мнению «лишенцев», должны были повлиять на решение избирательной комиссии. В утверждении своего трудового статуса наибольшей популярностью пользовалось подчеркивание трудового характера своей деятельности в настоящий момент – занятие сельским хозяйством, работа на производстве, служба в советских учреждениях. Так, 19 человек отмечали, что занимаются хлеборобством, еще 23 ходатаи обращали внимание комиссии на то, что сельское хозяйство является для них основным занятием, 17 «лишенцев» заявляли о своем труде в качестве рабочих, 15 – в качестве служащих. Помимо этого, достаточно большое число «лишенцев» указывали на свое социальное происхождение из крестьян, бедняков, трудящихся, другие обращали внимание комиссии на то, что очень рано начали трудовую жизнь и занимаются в настоящее время общественно-полезным трудом.

К отрицанию «нетрудового» статуса чаще прибегали церковнослужители, священники же редко пытались оспорить факт служения в церкви. В зависимости от подробности изложения обстоятельств, связанных с лишением избирательных прав, ходатаи могли в своих заявлениях останавливаться на причинах, побудивших их поступить на службу в церковь, а также жаловаться на тяжелую жизнь, в надежде найти снисхождение у членов комиссии. Чаще всего «лишенцы» просили

---

<sup>1</sup>Русина Ю. А. «Нет права голоса - нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. [Вып. 7]. В. 2 ч. Ч. 1. С. 198.

учесть их плохое здоровье, большую семью, пожилой возраст и сложное материальное положение.

В попытках добиться восстановления в избирательных правах часть церковно- и священнослужителей-«лишенцев» стремилась доказать свою лояльность советской власти. Это могло выражаться в открытом разрыве с церковью, в отрицании религии. Из данной выборки о своем окончательном отказе от службы в церкви заявляло 30 апеллянтов. На втором месте по численности стоят те, кто трудился или же выражал «горячее» желание трудиться на благо советского государства (19 человек). Далее по убывающей идут такие доводы, как: отсутствие взысканий со стороны советской власти, участие (хотя бы косвенное) в революционной деятельности и в установлении советской власти, глубокое раскаяние в своей прошлой деятельности, членство в профсоюзе и выражение лояльности советской власти, служба в Красной армии, активная борьба с религией, положительные характеристики партийных или советских работников, коллег по службе.

В целом попытка доказать лояльность советской власти – вполне закономерное явление, подобные доводы характерны как для всей категории «лишенцев», так и для духовенства других регионов. Так, З. Ш. Мавлютова в статье, посвященной православному духовенству, лишенному избирательных прав в Тобольском и Тюменском округах, также отмечала подобную тактику. «Лишенцы приводили различные аргументы в подтверждение своей преданности власти, ссылались на свои прежние заслуги – участие в Гражданской войне на стороне красных, работу в общественных организациях и т. д.»<sup>1</sup>. По замечанию А. Я. Лившина, дискурсивная стратегия апелляций «лишенцев» была построена на отрицании враждебности большевистской власти и доказательствах полезности данной личности в деле построения социализма<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup>Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 55.

<sup>2</sup>Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М., 2010. С. 250.

В заключениях заявлений фигурируют просьбы внимательно рассмотреть обращение, и учитывая все вышеизложенное, восстановить в избирательных правах. Несмотря на стремление добиться положительного решения, «лишенцы» достаточно редко в обращениях к избирательным комиссиям напрямую просили о снисхождении и милости (7 человек). Скорее они просили членов комиссий быть внимательными при рассмотрении их дела, учесть все обстоятельства.

По мнению В. И. Тихонова, среди московских городских «лишенцев» ссылки на авторитеты были большой редкостью, некоторой популярностью пользовался М. И. Калинин, и только в одном прошении упоминается В. И. Ленин<sup>1</sup>. В заявлениях сибирского духовенства ссылки на авторитеты периодически встречаются. Например, в нескольких заявлениях фигурирует имя В. И. Ленина. В частности, один бывший обновленческий священник в завершении своего заявления высказал желание проявить себя «согласно директиве Партии и правительства, как и завещано Великим вождем социализма В. И. Лениным для мирового порядка...»<sup>2</sup>.

Для повышения шансов на восстановление в избирательных правах, «лишенец» должен был подтвердить документально хотя бы часть фактов, изложенных им в заявлении. Для этого к заявлениям прилагались справки с мест учебы, работы, жительства, от приходских советов, справки о социальном положении, о налогах и доходах, окладные листы, удостоверения от частных лиц (в частности, коллективные письма от односельчан в поддержку заявителя). Встречаются справки о состоянии здоровья, копии и даже оригиналы трудовых книжек, копии свидетельств о расторжении брака, свидетельств смерти, профсоюзных билетов, а также вырезки из газет с публикациями отречений. Могли прилагаться и другие «подписки» о том, что батраков не держал, сельскохозяйственными машинами не эксплуатировал и т.п.

---

<sup>1</sup>Тихонов В.И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс] URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml>

<sup>2</sup> Заявление А. Н. Махровского в Баклушевский районный исполнительный комитет от 03.03.1931 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 78. Л. 10 об.

Приходские советы также давали справки с подробным перечислением доходов священнослужителя: когда, за какую требу и какую сумму он получил. Лица, лишённые избирательных прав как псаломщики, обращались в приходские советы за справками в том, что на должности псаломщика не состояли.

Для более подробного рассмотрения тактик поведения «лишенцев» разделим их на группы: священнослужители, церковнослужители, монахини.

Заявления священнослужителей можно подразделить на два вида: принадлежащие священникам и диаконам, продолжавшим служить в церкви, и тем, кто снял с себя сан. Первые, представленные исключительно сельскими священнослужителями, обращались в налоговые комиссии разных уровней. Лейтмотивом их заявлений являлось несправедливое налогообложение. В частности, С. В. Аристов в своем заявлении в Колпашевский РИК жаловался на завышенное налогообложение и причисление его хозяйства к «явно кулацким» только на основании имеющегося нетрудового заработка<sup>1</sup>. Помимо доказательств неправильности подсчета доходов, в данном типе заявлений очень часто встречаются сетования на тяжелую жизнь, а именно, слабое здоровье, сложное материальное положение, невозможность прокормить большую семью. По понятным причинам такие виды категорий контент-анализа, как утверждение трудового статуса, отрицание «нетрудового» статуса, причины службы в церкви и доказательство лояльности среди данных заявлений не встречаются. Можно согласиться с выводом М. С. Саламатовой о том, что сельские священники (по крайней мере часть из них), в отличие от городских, не раскаивались в своей деятельности, а только пытались избежать разорения семьи<sup>2</sup>. В доказательство своей правоты они часто приводили перечни доходов, сколько и за какую требу получали. Другие в принципе отрицали законность обложения их сельхозналогом: «...к обложению сельхозналогом не подлежу... землей не владею, сельского

<sup>1</sup>Заявление С. В. Аристова в Колпашевский РИК от 14.06.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 442. Л. 4.

<sup>2</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 95.

хозяйства не веду...»<sup>1</sup>. Просьбы их были безуспешны, добиться снижения налогов не удавалось.

Священнослужители, оставившие церковь, обращались с ходатайствами именно о восстановлении в избирательных правах. Те из них, кто уже давно сложил с себя сан, уверенно ссылались на инструкции о выборах, доказывая незаконность лишения их избирательных прав. При этом у них не было необходимости особо раскаиваться за свою прошлую деятельность. Так, бывший томский священник А. И. Васнецов (службу оставил в 1919 г., затем работал в различных советских учреждениях, был лишен избирательных прав в 1929 г.) настаивал на том, что «отказ Горизбиркома в восстановлении меня в избирательных правах я нахожу неправильным и подлежащим отмене, в виду нарушения статьи 69 (пункт 2) Конституции РСФСР...»<sup>2</sup>. Всего лишение избирательных прав незаконным считали семь священнослужителей, а ссылки на инструкции о выборах присутствуют в восьми делах (семь из которых принадлежат городским священникам). Двенадцать священнослужителей (из них восемь городских) указывали, что уже имеют пятилетний трудовой стаж и на основании этого подлежат восстановлению в избирательных правах.

Священнослужители, снявшие с себя сан недавно, не могли апеллировать к законодательству и вынуждены были приводить другие аргументы: акцентировать внимание членов избирательной комиссии на своем разрыве с церковью, отрицательном отношении к религии, каяться за свое прошлое. Градация данного типа заявлений идет от простой констатации факта оставления службы в церкви до яростного отрицания религии и активного стремления доказать свою преданность советской власти. О решительном разрыве с церковью, отказе от религии заявляли 18 священников и 6 диаконов.

---

<sup>1</sup> Заявление М. Т. Кошкидько в Новосибирскую Окружную избирательную комиссию от 20.12.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 635. Л. 7.

<sup>2</sup> Заявление А. И. Васнецова в Томскую окружную избирательную комиссию от 14.02.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 307. Л. 3.

«Разоблачать контрреволюционную сущность религии»<sup>1</sup> особенно стремились бывшие обновленческие священнослужители. Тот факт, что «обновленцы», даже продолжавшие служение, всячески стремились доказать свою лояльность власти, отмечает В. Бочкарев. Сравнивая решения приходских собраний о снятии колоколов в 1929 г., он подчеркивает, что постановление обновленческой общины явно носит подхалимский тон<sup>2</sup>.

Содержание заявлений обновленческих священнослужителей изобилует заверениями в преданности власти, высказываниями о вреде религии. Так, бывший обновленческий священник А. Н. Махровский (с. Суздалка Доволенского района) в своем заявлении М. И. Калинину охарактеризовал себя следующим образом: «протоиерей обновленчества в с. Суздалке... отказавшийся добровольно в 1930 г. от своего прежнего положения и занятия взамен грядущих радостей и мероприятий социалистического строя и жизни»<sup>3</sup>. Другой бывший обновленческий священник М. И. Светушков (с. Ярки Доволенского района) акцентировал внимание комиссии на том, что он организовал ячейку безбожников и выступил с несколькими докладами о вреде религии<sup>4</sup>. Впрочем, радикальность заявлений не зависит напрямую от принадлежности к тому или иному течению, резко негативные отзывы о религии имеются и у оставивших службу священнослужителей сергиевской ориентации.

Несколько священнослужителей заявляли о глубоком раскаянии в своей бывшей деятельности. Так, бывший священник А. С. Огнев (служил несколько месяцев в 1925 г. в Колывани, затем проживал в Новосибирске, где и работал в государственных учреждениях), отмечая, что священником являлся всего несколько месяцев, оценивал это как «тяжелую ошибку своей жизни, которую искупил годами честной Советской службы»<sup>5</sup>. Интересно рассуждение об ошибках

<sup>1</sup> Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевскую районную избирательную комиссию от 05.01.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 4 об.

<sup>2</sup> Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). С. 126-127.

<sup>3</sup> Заявление А. Н. Махровского М. И. Калинину от 23.06.1931 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 78. Л. 8-8об.

<sup>4</sup> Заявление М. И. Светушкова в президиум Доволенского Райисполкома от 19.03.1932 // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 6-7.

<sup>5</sup> Заявление А. С. Огнева в Президиум Новосибирского Окрисполкома [1929 г.] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1219. Л. 9.

и прощении бывшего диакона М. К. Аксенова (с. Мосты Маслянинского района): «Думаю, что карать меня лишением политических прав только за то[,] что я в прошлом допустил необдуманый поступок, жестоко, среди видных, крупных, ответственных коммунистов есть много споткнувшихся в своих убеждениях и партия их простила им их ошибки и приняла в свое лоно, как только они проявили признаки раскаяния. Ошибки свойственны человеку...»<sup>1</sup>.

О причинах, побудивших поступить на службу в церковь, писали в своих заявлениях около одной трети священнослужителей. Большинство из них описывали сложные жизненные обстоятельства, некоторые указывали, что служили по своей темноте, неведению и заблуждению, а разобравшись в обстоятельствах, оставили церковь. Как отмечал в своем заявлении М. И. Светушков, «...по своему недоразумению и недальновидности я в 1924 г. в июле поступил попом...»<sup>2</sup>. Бывший диакон В. И. Шестаков (Татарский район) объяснял, что служил в течение 9 месяцев диаконом: «...не в силу религиозных убеждений, а в силу голода, спасая свою семью»<sup>3</sup>. Достаточно необычным является объяснение другого бывшего диакона: «пошел в духовное звание соблаздившись внешностью службы, не имея богословского образования...»<sup>4</sup>. Пытались оправдаться не только за счет обстоятельств, но и за счет влияния окружающих. Так, бывший томский священник Н. И. Лосев убеждал членов избирательной комиссии, что стал священником по причине слабого здоровья, а также из-за настойчивости родителей и жены, которые «вбивали и убеждали в религиозности»<sup>5</sup>.

Бывший диакон г. Омска Ф. И. Третьяков, говоря о мотивах, побудивших пойти служить в церковь, рассуждал о том, как сложилась бы его судьба, родись он при советской власти. «Конечно, я сознаю, что вина моя та, что я попал в эту среду

<sup>1</sup> Заявление М. К. Аксенова в комиссию по восстановлению в избирательных правах при Новосибирском окрисполкоме от 30.08.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 429. Л. 7-7 об.

<sup>2</sup> Заявление М. И. Светушкова во ВЦИК от 19.08.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 27.

<sup>3</sup> Заявление В. И. Шестакова в Татарский райизбирком от 11.05.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 10.

<sup>4</sup> Заявление П. А. Рукавишникова в Сибирскую Краевую Комиссию от 15.05.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 14.

<sup>5</sup> Заявление Н. И. Лосева в Томский райисполком от 27.03.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 914. Л. 20 об.

чисто случайно и задолго до революции и только благодаря природного голоса, а не имея я голоса, то опять бы стал батрачить и работать на богатеев. Правда будь в то время музтехникумы и консерватории, как в настоящее время, то кто бы меня затащил я как пролетарий и батрак в первую очередь был бы принят, как имеющий хороший голос – бас, а в то время куда мог я обратиться в Москву или Ленинград, где были консерватории для меня это было недоступно как крестьянина...»<sup>1</sup>. Таким способом, автор перекладывает вину за свою службу на окружение, внешние условия и невозможность иным путем развивать свой талант.

Объяснения причин службы в церкви имели целью оправдаться в глазах власти за свою «нетрудовую» деятельность, представив ее вынужденной и ошибочной. На этом фоне выделяются объяснения «не оправдательного» характера: «...служил священником потому что был так воспитан...»<sup>2</sup> и «...с отделением церкви от государства свобода вероисповедования меня и побудило поступить священником...»<sup>3</sup>.

Помимо оправданий в своей прошлой деятельности, часть священнослужителей-«лишенцев» стремилась убедить власть в своей преданности. В доказательство собственной лояльности священнослужители вспоминали свои былые заслуги перед советской властью. Так, бывший священник К. Н. Ильинский (с. Зырянское Зырянского района) подчеркивал, что во время гражданской войны ему пришлось пострадать от белых карательных отрядов за связь с партизанским отрядом<sup>4</sup>. Другой бывший священник также заявлял о своей помощи красным партизанам: «...в дни октябрьской революции я был на стороне революции и вместе с красными партизанами шел против царской власти и против временного правительства...»<sup>5</sup>. Далее он указывал на тот факт, что считался врагом

---

<sup>1</sup> Заявление Ф. И. Третьякова в Новосибирский Крайисполком от 26.08.1931 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4339. Л. 8.

<sup>2</sup> Заявление Д. Ф. Сосунова в избирательную комиссию при Маслянинском райисполкоме от 04. 04. 1932 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 14 об.

<sup>3</sup> Заявление В. Т. Зотова в Колпашевский районный административный отдел от 20.07.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 519. Л. 14 об.

<sup>4</sup> Заявление К. Н. Ильинского в Зырянскую районную избирательную комиссию от 16.02.1935 г // ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 281. Л. 10.

<sup>5</sup> Заявление Д. Ф. Сосунова в Маслянинскую избирательную комиссию от 01.07.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 6.

«буржуазной власти», подвергался преследованиям и вынужден был скрываться у красных партизан. А бывший священник З. Т. Багаев прилагал к своему заявлению даже удостоверение от командира партизанского полка. Свою же помощь партизанам он охарактеризовал следующим образом: «имею перед Советской властью хотя небольшую революционную заслугу», в 1919 году помогал партизанскому движению, а именно поддерживал связь с 3-м Бутырским партизанским полком, которому посылал оружие, порох и патроны, а также сообщал о передвижении белых отрядов «рискую за это получить от бело-бандитов в награду пулю в лоб»<sup>1</sup>.

Бывший священник С. Г. Прибытков вспоминал в своем заявлении как в годы гражданской войны скрывал партизан от белых отрядов: «...я лично у себя в доме и на пасеке, в годы Колчака больше года скрывал от белых красного партизана... Гуляева Федора Степановича...»<sup>2</sup>. Далее он описывал как белым стало известно о месте пребывания Гуляева и как Прибытков спас его, отдав свою лошадь и направив в надежное место, а сам также был вынужден бежать. Особенно автор подчеркивал, что «скрывая тов. Гуляева в тот жуткий период я подвергался известному риску...»<sup>3</sup>.

Следует констатировать, что тема участия в гражданской войне и описание позиции, занимаемой по отношению к белым и красным, пользовалась популярностью. Тем, кто не мог апеллировать к своим былым заслугам в тот период, приходилось уверять хотя бы в отсутствии своей враждебности: «Во время гражданской войны от советской власти не бегал[,] за что от партизан и регулярных войск пользовался уважением...»<sup>4</sup>.

Лояльность не только заключалась в специально подобранных фактах биографии, но и выражалась на словах: давались обещания «быть активными

---

<sup>1</sup> Заявление З. Т. Багаева в Новосибирский административный отдел от 12.01.1931 г. // ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 194. Л. 3

<sup>2</sup> Заявление С. Г. Прибыткова в Краевую избирательную комиссию от 07.10.1933 г // ГААК. Ф. Р-652. Оп. 2. Д. 428. Л. 3 об.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Заявление А. П. Знаменского в Карасукскую районную комиссию от 04.07.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 260. Л. 9-9 об.

помощниками в проведении идей В. И. Ленина и Компартии ВКП(б)»<sup>1</sup>. Звучали просьбы дать возможность «приложить все мои знания и силы на пользу трудящихся Советского Союза»<sup>2</sup>, «с большей пользой применить свои силы в борьбе за Великую Социалистическую Стройку»<sup>3</sup>.

В качестве неоспоримого аргумента в пользу доказательства собственной лояльности власти и мотива для восстановления в избирательных правах считалось, по мнению «лишенцев», членство в профсоюзе: «...принятие меня в члены профсоюза с утверждением ударником... я думаю, что дают мне право ходатайствовать о восстановлении меня в правах...»<sup>4</sup>. Действительно, если учесть, что «лишенцы» не имели право состоять в профсоюзных организациях, такого рода исключение рассматривалось самим «лишенцем» как выражение доверия и признание его преданности власти, а также давало повод надеяться и на восстановление избирательных правах.

Таким образом, заявления священнослужителей очень различаются по характеру написания: на одном полюсе находятся те, кто отстаивал свои права и не отказывался от своей веры, на другом – те, кто открыто отвергал религию и заявлял о готовности с ней бороться. В центре находятся заявления тех, кто, оставив службу в церкви, использовали как апелляции к законодательству, так и заверения в лояльности власти, но без особо негативных высказываний о вере. Эту позицию, находящуюся между двух полюсов, можно охарактеризовать как поведенческий конформизм.

Большинство церковнослужителей в своих заявлениях в органы власти стремились отмежеваться от статуса «служителя религиозного культа». О том, что данная тактика пользовалась популярностью среди псаломщиков, свидетельствует и статья в «Советской Сибири» от 6 февраля 1927 г., в которой отмечалось, что «...псаломщики свои позиции не сдают и утверждают, что основное занятие

---

<sup>1</sup> Заявление В. И. Шестакова в Татарский райизбирком от 11.05.1930 г. // ГАНО. Ф Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 10 об.

<sup>2</sup> Заявление А. Е. Фяскина во ВЦИК от 23.04.1935 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4518. Л. 2 об.

<sup>3</sup> Заявление П. А. Рукавишникова во ВЦИК от 24.04.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287 Л. 1 об.

<sup>4</sup> Заявление А. Е. Фяскина во ВЦИК от 23.04.1935 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4518. Л. 2 об.

сельское хозяйство, официального сана не имеют и др.»<sup>1</sup>. Помимо основных условий восстановления (занятие общественно-полезным трудом в течение 5 лет и лояльное отношение к советской власти), имелась возможность быть признанными неправильно лишенными, на что и рассчитывали многие церковнослужители. Данная тактика схожа с поведением уральских церковнослужителей: З. Ш. Мавлютова также отмечает, что большинство представителей клира в своих заявлениях стремились опровергнуть мотивы лишения и привести аргументы в пользу своей непричастности к религиозному культу<sup>2</sup>.

Среди разнообразных доводов, приводимых в попытках доказать свою непричастность к «служителям религиозного культа», можно выделить две основные тактики. Согласно первой из них, пользовавшейся наибольшей популярностью, псаломщики отрицали свою службу в церкви и относили себя к любителям пения. Типичным примером подобной тактики является следующее заявление «... я себя не считаю псаломщиком, а был членом церковного совета и пел как любитель...»<sup>3</sup>. Такие объяснения присутствовали и в заявлениях уральских церковнослужителей. Так, Ю. А. Русина отмечает, что псаломщики в своих заявлениях указывали, что плату за службу в церкви не получали, а побудительным мотивом являлась их любовь к пению<sup>4</sup>. Хотя и редко, встречаются попытки отстоять свое право на веру и религиозные чувства: «...я служил только для удовлетворения своих личных внутренних религиозных чувств не постоянно[,] а лишь когда мне хочется[,] вне церковного штата в свободное от гражданской службы время[,] совершенно бесплатно...»<sup>5</sup>.

Вторая тактика заключалась в попытке убедить членов комиссии, что должность псаломщика занималась временно и не являлась основной

---

<sup>1</sup>Воробьев И. Из опыта предвыборной кампании (Алексеевский р-н, Новосибирский окр.) // Советская Сибирь. 1927. 6 февраля. С. 5.

<sup>2</sup>Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 55.

<sup>3</sup>Заявление А. Е. Кочубея в Нижне-Каргатский районный избирком от 04.11.1931 г. // ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 506. Л. 36.

<sup>4</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). С. 123.

<sup>5</sup>Заявление К. Н. Невержского в избирком г. Томска от 13.08.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 1069. Л. 3.

деятельностью. В некоторых случаях церковнослужители ссылались на статьи Конституции и инструкции о выборах в Советы. Так, псаломщик И. Т. Ефимов (с. Кунчурук Болотнинского района) в своем заявлении писал, что, согласно Конституции, лишаются избирательных прав только те служители культа, для которых служба в церкви является источником существования, а поэтому для тех, у кого основным занятием является сельское хозяйство, не должны лишаться избирательных прав. Далее автор делал вывод, что «...я лишен избирательных прав за свои религиозные убеждения и нарушена ст. 68 Конституции...»<sup>1</sup>. Регент Троицкого собора г. Томска А. И. Касаткин стремился доказать, что «...псаломщик и регент, как лица наемные не являются членами религиозного культа...»<sup>2</sup>. Признавая тот факт, что он получает за свою службу плату, к служителям культа себя не относил и не соглашался с лишением его избирательных прав.

Кроме того, некоторые псаломщики при доказательстве того, что таковыми они не являлись, ссылались на собственную малограмотность: «...эту должность [псаломщика] по своей малограмотности не могу занимать»<sup>3</sup>. Другой псаломщик, признавая факт своей службы в церкви, использовал необразованность в качестве оправдания: «...по своей малограмотности и неразвитости не учитывал, что отношусь к эксплуататорам...»<sup>4</sup>. При этом часть псаломщиков, заявлявших о собственной малограмотности, свои ходатайства писали самостоятельно.

В попытках отмежеваться от своего «нетрудового» статуса часть церковнослужителей стремились представить свою должность незначительной и не имеющей никакого отношения к «служителям религиозного культа». Так, например, бывший псаломщик А. С. Кривошеин писал в своей жалобе: «должность псаломщика – это такая ничтожная должность. Что почти равняется с должностью сторожа при храме и к числу служителей культа меня никак нельзя было

---

<sup>1</sup> Заявление И. Т. Ефимова в районную исполнительную комиссию с. Толокшое от 30.01.1930 г. // ГАНО. Ф Р-457. Оп. 1. Д. 181. Л. 3 об.

<sup>2</sup> Заявление А. И. Касаткина в комиссию по лишению прав избирать и быть избранным от 08.02.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 705. Л. 1.

<sup>3</sup> Заявление И. И. Кусова в Шарчинский с/с избирком от 20.11.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 539. Л. 7.

<sup>4</sup> Заявление П. Т. Оставнина в Гусевский сельсовет Кривошеинского района от 8.09.1934 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1 Д. 374. Л. 2.

причислять»<sup>1</sup>. Необходимо отметить, что в некоторых случаях и церковных сторожей лишали избирательных прав. Так, Н. Г. Светозарская, состоявшая на должности сторожа и просвирни в селе Верх-Алеус Ордынского района, попала в список «лишенцев», будучи причислена властями к числу псаломщиков. В своем заявлении она возмущалась, что «...должность просвирни и церковного сторожа не дают права лишения голоса...»<sup>2</sup>

Для церковных старост и членов приходского совета, помимо причастности к церкви, одной из причин лишения избирательных прав являлась эксплуатация сельскохозяйственных машин и использование наемного труда. Поэтому в своих заявлениях они вынуждены были оправдываться также и по этим пунктам. Относительно их связи с церковью в качестве оправдания они приводили тот факт, что занимали данную должность не по своему желанию, а так как были избраны приходской общиной<sup>3</sup>.

В обращении к членам избирательных комиссий более половины церковнослужителей указывали на неправильность лишения их избирательных прав, высказывая в большинстве случаев по этому поводу негодование и возмущение. Псаломщик Ф. С. Акимченко (с. Осиново Барабинского района) возмущался в своем заявлении, что его, бедняка, пострадавшего от стихийного бедствия, избирательная комиссия посмела лишить прав: «...таким людям помогать[,] а не лишать прав гражданства...»<sup>4</sup>. Далее, негодуя, он продолжал: «...вы считаете позорную должность, дайте мне честное дело что бы можно существовать...»<sup>5</sup>. Другой бывший псаломщик начал свое заявление со слов негодования: «Крайне возмущен постановлением и действием нашего с. [сельского] совета, что против меня творится полное беззакония...»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup>Жалоба А. С. Кривошеина в Краевую комиссию по восстановлению в избирательных правах при Запсибкрайисполкоме от 03.01.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 279. Л. 4.

<sup>2</sup>Заявление Н. Г. Светозарской. в Ордынский райисполком от 25.09.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 5.

<sup>3</sup>Заявление Г. П. Вахляева в Краевой Административный отдел. 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

<sup>4</sup>Заявление Ф. С. Акимченко в Осиновскую избирательную комиссию от 8.12.1928 г. // ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 491. Л. 1.

<sup>5</sup>Там же. Л. 1 об.

<sup>6</sup>Заявление Г. Е. Апанасова в Краевой исполнительный комитет [март 1933 г.] // ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

Только несколько псаломщиков полагали, что лишение их избирательных прав – это просто ошибка и недоразумение. Так, псаломщик И. Г. Ткачев (Тырышкинский с/с Колыванского района) считал, что его лишили «за пустяки» и «думается не за что меня голосом лишать»<sup>1</sup>. Исключением является заявление бывшего омского псаломщика И. К. Бетехтина, в котором он писал: «Отлично понимая, и вполне оценивая правильность мероприятий в том, что завоевание пролетарским классом права, от капиталистов и их приспешников должны зорко охраняться от посягательств на сокрушение их со стороны чуждого элемента, для чего и производятся чистки, процеживания и т.п.»<sup>2</sup>.

Кроме того, восемь церковнослужителей связывали лишение избирательных прав с происками своих недоброжелателей. Е. А. Гахова (с. Листвянка Черепановского района) полагала, что лишение ее избирательных прав «... не что иное как ненависть человеческая, личные счеты»<sup>3</sup>, так как в церковь ходили и пели на клиросе многие, а лишили только ее. Гражданин села Турнаево Болотнинского района И. С. Трофимов, лишенный избирательных прав как псаломщик, считал, что это произошло «...за личные счеты по злобе стороны пред. с/с Бурдакова, который написал на меня ложное заявление...»<sup>4</sup>. Действительно, его обвинения во многом были оправданы, в деле присутствует донос, хотя и не от председателя сельского совета<sup>5</sup>. Т. И. Славко в монографии «Кулацкая ссылка на Урале» также отмечает, что многие «лишенцы» связывали причины своего дискриминационного положения с клеветой, доносами, сведением личных счетов<sup>6</sup>.

Будучи уверенными в собственной правоте псаломщики, в отличие от бывших священнослужителей, не столь усердствовали в доказательствах своей преданности власти. Тем не менее, некоторые из церковнослужителей все же указывали на свои заслуги перед советской властью. К ним, в первую очередь, относили службу в Красной Армии и революционную деятельность: «...в городе

<sup>1</sup> Заявление И. Г. Ткачева в предком от 15.01.1928. ГАНО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 941. Л. 4.

<sup>2</sup> Заявление И. К. Бетехтина в отдел частных амнистий при ВЦИК от 26.12.1929 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 457. Л.20.

<sup>3</sup> Заявление Е. А. Гаховой в крайисполком от 26.02.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 223. Л. 4.

<sup>4</sup> Заявление И. С. Трофимова в Новосибирский Крайисполком. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д.574. Л. 28 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 7.

<sup>6</sup> Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. М., 1995. С. 24.

Ленинграде в 1917 участвовал в революции защищал интересы рабочего класса...»<sup>1</sup>.

Причины, побудившие псаломщиков занять эту должность, освещаются почти в половине личных дел. Чаще всего церковнослужители указывали, что служили временно, за неимением постоянного псаломщика, по настоятельной просьбе общины или же вследствие каких-либо обстоятельств. Так, например, Г. Е. Апанасов (с. Киик Вассинского района) указывал, что «...псаломщиком служил как видно только зимний период, а летом[,] когда в крестьянстве достаточно работы, то я не служил...»<sup>2</sup>. Бывший омский псаломщик И. К. Бетехтин писал: «Во время безработицы, ради спасения семьи от голодной смерти вынужден был поступить исполняющим обязанности псаломщика»<sup>3</sup>. Некоторые псаломщики оправдывались тем, что служили в церкви по своей темноте и неведению: «...когда я узнал[,] что духовенство затемняло нам головы и ... можно обойтись без религии и советская [советская] власть запрещает обманывать народ я бросил держать связь с духовенством...»<sup>4</sup>; «извиняюсь пред советской властью, пришлось замараться по своей темноте, незнанию, и бедности...»<sup>5</sup>. Находились и те, кто оправдывал свое пение в церкви невозможностью иначе реализовать свой талант: «так в чем моя вина, когда я, как работник певческого искусства...не могу приложить свои знания и умения в этом... как только в церкви...»<sup>6</sup>.

В отличие от священнослужителей, псаломщики значительно реже объявляли об отказе от службы в церкви. Тем не менее, подобные заявления также встречаются: «...желаю быть в рядах рабочего класса, отрекаюсь от всего старого...»<sup>7</sup>; «...порвал всякую связь с попами и религией раз и навсегда...»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Заявление П. Е. Никишина в Егорьевский сельсовет от 21.02.1934 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 630. Л. 11.

<sup>2</sup> Заявление Г. Е. Апанасова в Гутовскую районную избирательную комиссию от 30.11.1928 г. // ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.

<sup>3</sup> Заявление И. К. Бетехтина во ВЦИК от 20.08.1931 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д.457. Л. 15.

<sup>4</sup> Заявление Л. Т. Решетняка в Доволенский райисполком от 18.12. 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп.1. Д. 555. Л. 19.

<sup>5</sup> Заявление И. А. Карлова в Елбанскую избирательную комиссию от 02.04.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 384. Л. 5 об.

<sup>6</sup> Заявление В. Маслянникова в Колыванский избирком [1928 г.] // ГАНО. Ф. Р. 411. Оп. 1. Д.546. Л. 9.

<sup>7</sup> Обязательство А. И. Кускова от 28.11.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 848. Л. 8.

<sup>8</sup> Заявление С. И. Шинкарюка в Корниловский сельсовет от 07.03.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 627. Л. 2.

Покаянная тактика не пользовалась такой популярностью у церковнослужителей, потому что им было легче поставить под сомнение сам факт служения в церкви и принадлежности к служителям религиозного культа. Для доказательства того, что в церковь они ходили как простые верующие, лица, причисляемые властями к церковнослужителям, предоставляли справки от приходского совета. В некоторых случаях церковный совет указывал причины, по которым данное лицо не могло занимать должность псаломщика: «...к исполнению сей должности не способен как не имеющий слуха и малограмотности и не получивший должного церковного образования...»<sup>1</sup>. Но избирательные комиссии редко обращали внимание на подобные документы.

Позиция бывших послушниц, причисляемых властями к монахиням, заключалась, главным образом, в отрицании своей принадлежности к служителям религиозного культа. Некоторые считали, что правильнее будет отнести их к рабочим, так как всю свою жизнь они занимались различными хозяйственными работами: «...я считаю себя рабочей, а потому прошу восстановить в избирательных правах»<sup>2</sup>.

Кроме того, многие апеллировали к Конституции, по которой избирательных прав должны лишаться только «служители религиозного культа», коими они не являлись, поэтому апеллянты обвиняли власти в незаконном лишении. В качестве аргументов в пользу восстановления в избирательных правах приводились также крестьянское происхождение и трудовая деятельность после ухода из монастыря. В заявлениях бывших послушниц присутствуют сетования на жизнь, выразившиеся в указании на преклонный возраст, слабое здоровье и невозможность зарабатывать себе на жизнь. Отмечался и тот факт, что в монастыре они оказались не по своей воле, а были отданы туда в детстве родителями, которые либо не могли их прокормить, либо таким образом желали дать им образование.

Кроме легальных методов борьбы за свои гражданские права в виде подачи жалоб и ходатайств в органы власти, в некоторых случаях «лишенцы» прибегали и

---

<sup>1</sup> Справка церковного совета от 23.03.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 574. Л. 22.

<sup>2</sup> Заявление Д. С. Гостинцевой в комиссию по рассмотрению жалоб лишенных избирательных прав. [1930 г.] // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 419. Л. 2.

к противозаконным методам. Об этом, в частности, свидетельствует периодическая печать. Так, например, псаломщик с. Баклуши Доволенского района, служивший в церкви с 1917 по 1930 г., Н. Е. Марченко до того, как обратился с заявлением с просьбой о восстановлении в избирательных правах, «...предлагал председателю сельизбиркома 1 пуд мяса, 2 бутылки водки и 2 бутылки вина рябиновки за то, чтобы его восстановить в правах избирательного голоса»<sup>1</sup>. Необходимо отметить, что его обращения с заявлениями в Краевую избирательную комиссию и во ВЦИК в последующие годы также не увенчались успехом, и в восстановлении в избирательных правах Н. Е. Марченко было отказано<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что мало кто осмеливался открыто отстаивать свои религиозные убеждения, тем более в обращениях в органы власти, следует полагать, что, значительная часть священно- и церковнослужителей продолжали придерживаться своих религиозных взглядов. Косвенным подтверждением этого могут выступать свидетельства третьих лиц. Так, в деле бывшего послушника М. М. Лемешко указывалось: «...во время разбора его заявления он в с/совете был спрошен: как он в настоящее время смотрит на религию. Он ответил: что религия есть вольное и кто как хочет. А я лично остаюсь при своем мнении в вере в бога и религию...»<sup>3</sup>

В целом среди заявлений священно- и церковнослужителей выделяются три основные тактики поведения: одни категорически не соглашались с решениями властей, апеллировали к законодательству, вторые подтверждали факт оставления церкви и этим и ограничивались, другие всячески демонстрировали свое негативное отношение к религии и лояльность и преданность советской власти. Таким образом, основной целью авторов заявлений, относящихся к третьей тактике, являлось доказать членам избирательной комиссии, что они «свои», но оступившиеся, допустившие ошибку. Для этого они конструировали из фактов собственной биографии необходимый образ. У некоторых это получалось вполне успешно, заявления же других отличаются наивностью и прямотушием.

---

<sup>1</sup>Кукштель П. Не имеющие голоса // Советская Сибирь. 1927. 1 февраля. С. 2.

<sup>2</sup>ГАНУ. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 276.

<sup>3</sup>Справка Кировского сельсовета 16.10.1935. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3 Д. 802. Л. 15-15 об.

### 3.2. Апелляции «лишенцев»: опыт дискурсивного анализа

Любой текст создан человеком и для человека, поэтому обращение к языковой личности необходимо для понимания текста и для изучения ее картины мира, которая отражена в речи, в том, как при помощи средств языковой системы человек создает текст, выражает отношение к данному моменту действительности<sup>1</sup>. Применительно к заявлениям «лишенцев» следует согласиться с А. Я. Лившиным, что рассуждения на те или иные темы часто маскировали настоящий сюжет, который в количественном текстуальном выражении тонет в других смысловых элементах текста. Отсюда возникает вывод, что важно не только что говорится, но и как оно говорится<sup>2</sup>.

Для дискурсивного анализа заявлений нами выделено нескольких категорий: оценка собственного дискриминационного статуса; отзывы о прошлой службе и жизни; мнения и обращения к партии, властям; представления о будущем. Следует помнить, что данные эпитеты в большей степени отражают не настоящие мысли авторов, а то, что, по их мнению, необходимо было написать при обращении в органы власти. Как отмечает А. Я. Лившин, при взаимодействии власти и граждан каждая сторона принимала негласные правила игры, авторы писем во власть использовали ритуальные славословия в адрес режима, уверяли в своей преданности и лояльности, хотя в действительности могли думать совсем иначе<sup>3</sup>. Сознательное использование ритуального языка характерно для писем в защиту лиц, подвергшихся репрессиям, протестов против коллективизации и «раскулачивания»<sup>4</sup>.

Об атмосфере морального гнета и отчуждения, царившей вокруг «лишенцев», свидетельствуют оценки священно- и церковнослужителями своего бесправного положения, приводимые ими в своих заявлениях в органы власти.

---

<sup>1</sup> Михалевич О. В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект. // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 1. 2011. С. 145.

<sup>2</sup> Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М., 2010. С. 35.

<sup>3</sup> Там же. С. 31.

<sup>4</sup> Там же. С. 32-33.

Лишение избирательных прав воспринималось ими как наказание: «непоправимое»<sup>1</sup>, «чрезмерно тяжкое»<sup>2</sup>, «тяжелое»<sup>3</sup>. и т.п. Использование данных эпитетов присуще тем авторам, кто признавал правомерность своего лишения, раскаивался за свою прошлую жизнь: «я заслуженно нес наказание»<sup>4</sup>. Признавая заслуженность наказания, раскаянием они пытались искупить свою вину перед государством.

Другими при определении собственного положения употреблялись такие словосочетания, как «позорное клеймо лишенца»<sup>5</sup>; «позорное имя лишенца»<sup>6</sup>, «позорное пятно лишенца»<sup>7</sup>, «клеймо чуждого элемента»<sup>8</sup>, «черное позорное пятно лишенец»<sup>9</sup>. Некоторые священнослужители, характеризуя собственное бесправное положение, использовали эпитеты «отщепенец»<sup>10</sup>, «негодный элемент»<sup>11</sup>, «чуждый элемент»<sup>12</sup>. Данные определения показывают, что слова «клеймо», «пятно», «элемент» стали весьма распространенными «штампами», которые активно использовали как сами «лишенцы», так и окружающие.

В оценках священнослужителями собственного положения прослеживается некоторая градация: одни указывали, что лишение избирательных прав крайне

---

<sup>1</sup> Заявление П. Т. Останина в Гусевский сельсовет Кривошеинского р-на от 08.09.1934 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 374 Л. 2 об.

<sup>2</sup> Заявление А. С. Огнева в президиум Новосибирского Окрисполкома [1929 г.]. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1219. Л. 5.

<sup>3</sup> Заявление В.П. Чурилова в Алексеевский президиум райисполкома от 19.03.1930 г. // ГАНУ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 438. Л. 2.

<sup>4</sup> Заявление Л. П. Сивенкова в Татарский райисполком от 25.03.1932 г. // ГАНУ. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1 об.

<sup>5</sup> Жалоба М. Ф. Артюхова в президиум Новосибирского горсовета от 22.05.1936 г. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 69. Л. 2 об.; Заявление В. И. Шестакова в Татарский райизбирком от 11.05.1929 г. // ГАНУ. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 10 об.

<sup>6</sup> Заявление Л. П. Сивенкова в Татарский райисполком от 25.03.1931г. // ГАНУ. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1; Заявление Д. Ф. Сосунова в избирательную комиссию при Маслянинском райисполкоме от 04.4.1932 г. // ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 14.

<sup>7</sup> Заявление И. В. Екшибаровав в Краевую комиссию по пересмотру списков лишенцев от 07.09.1935 г. // ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 1048 Л. 20.

<sup>8</sup> Заявление Н. И. Исатченко в Болотнинский РИК [1932 г.]. ГАНУ. Ф. Р-457. Оп. 1. Д.230. Л. 1 об.

<sup>9</sup> Просьба М. И. Светушкова в Доволенский Райисполком от 27.07.1933. // ГАНУ. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 18 об.

<sup>10</sup> Заявление Е. Т. Морозовой в Томский гор Адмотдел от 29.12.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1021. Л. 6 об.; В газету Красный Алтай от В. Козлова от 27.02.1924 г. // ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 1031. Л. 8.

<sup>11</sup> Заявление П. Г. Шерстюка в Константиновский сельсовет [1930 г.] // ГАНУ. Ф. Р-438 Оп. 1. Д. 418. Л. 2

<sup>12</sup> Заявление Н. П. Никифорова прокурору Кривошеинского р-на от 10.10.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 14.

тяготит их<sup>1</sup>, другие писали что, «выброшена из жизни»<sup>2</sup>; «чувствую себя стесненным и каким-то ничтожным человеком»<sup>3</sup>, третьи заявляли, что оно равносильно «гражданской смерти»<sup>4</sup>, «смерти»<sup>5</sup>, «убивает меня и материально наносит ущерб моему жалкому существованию»<sup>6</sup>. Данные определения ярко демонстрируют то моральное состояние, в котором пребывали священно- и церковнослужители-«лишенцы». Окруженные враждебной атмосферой, «лишенцы» чувствовали себя изгоями, людьми «второго сорта», а один омский священнослужитель даже так охарактеризовал отношение к себе: «теперь меня считают хуже животного»<sup>7</sup>.

Свою прошлую службу в церкви и в целом дореволюционную жизнь авторы рисуют в черных красках. Так, в частности, бывший священник С. П. Козьмодемьянский написал, что это был «мрачный период моей жизни»<sup>8</sup>, а другой бывший священник назвал свою службу «темным пятном»<sup>9</sup>. Ключевыми словами при описании являются слова «позор» и «обман»: «позорная служба»<sup>10</sup>, «это был позор для меня»<sup>11</sup>, «религия совершенно есть обман»<sup>12</sup>, «религия есть обман»<sup>13</sup>, «гниль и обман религиозного культа»<sup>14</sup> и т.д.

<sup>1</sup> Заявление П. А. Рукавишника во ВЦИК от 24.04.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287 Л. 1 об.

<sup>2</sup> Заявление А. В. Копыловой члену Наркомпроса т. Крупской Надежде Константиновне от 27.12.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 789. Л. 3.

<sup>3</sup> Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевскую районную избирательную комиссию от 05.01.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 5.

<sup>4</sup> Заявление А. С. Огнева в избирательную комиссию по перевыборам Новосибирского городского совета [1929 г.] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1219. Л. 6.

<sup>5</sup> Заявление В. И. Шестакова в Татарский райизбирком от 11.05.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 10.

<sup>6</sup> Заявление М. К. Аксенова в комиссию по восстановлению в избирательных правах при Новосибирском окрисполкоме от 30.08.1930. ГАНО. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 429. Л. 7.

<sup>7</sup> Заявление С. В. Константинова в избирательную комиссию при горсовете от 10.02.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2262. Л. 4.

<sup>8</sup> Заявление С. П. Козьмодемьянского в Новосибирскую городскую избирательную комиссию [1929 г.] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 761. Л. 6 об.

<sup>9</sup> Заявление Н. И. Лосева в Сибирскую Краевую комиссию по проверке списков лиц, лишенных избирательных прав от 13.06.1930. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 914. Л. 27 об.

<sup>10</sup> Заявление Л. П. Сивенкова в Татарский райисполком от 25.03.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.

<sup>11</sup> Обязательство А. И. Кускова от 28.11.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 848. Л. 8.

<sup>12</sup> Заявление Н. П. Никифорова в Кривошеинскую районную избирательную комиссию от 6.05.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 2.

<sup>13</sup> Просьба М. И. Светушкова во ВЦИК от 19.08.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 27.

<sup>14</sup> Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 26.12.1929 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 6 об.

Религия представляется в качестве препятствия на пути социалистического строительства: «оружие тормозящее развитие культуры и в нашей стране»<sup>1</sup>; «является тормозом в деле социалистического строительства»<sup>2</sup>, «обман и тормоз для устройства социалистического строительства государства»<sup>3</sup>. В некоторых заявлениях она получила эпитеты «ярмо»<sup>4</sup>, «хомут»<sup>5</sup>, «паутина»<sup>6</sup>, а также вслед за советской пропагандой именовалась «дурманом»<sup>7</sup>: стал «жертвой религиозного «дурмана»<sup>8</sup>.

Более того, некоторые расценивали службу в церкви как преступление: «преступление перед государством»<sup>9</sup>. Тогда как другие рассматривали это как ошибку, заблуждение: «осознал свою ошибку»<sup>10</sup>, «сделал громадную ошибку»<sup>11</sup>, «сделал большую ошибку поступив на эту должность»<sup>12</sup>, «осознал свое заблуждение»<sup>13</sup>.

Относительно прекращения служения в церкви употребляются как вполне нейтральный глагол «оставил», так и негативно окрашенные «порываю», «отрекаюсь»: «порвать с религиозным дурманом»<sup>14</sup>, «порвал всякую связь с

---

<sup>1</sup> Письмо В. М. Лисицкого в редакцию газеты «Степная Правда» от 26 января 1927 года. // ГАНО. Ф. Р- 47. Оп. 1. Д. 529. Л. 173.

<sup>2</sup> Заявление П. А. Рукавишника в Сибирскую Краевую комиссию от 15.05.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. оп. 3. Д. 1287. Л. 14.

<sup>3</sup> Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевскую районную избирательную комиссию от 5.01.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 3 об.

<sup>4</sup> Заявление Н. П. Никифорова в Монастырскую избирательную комиссию от 30.11.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 11.

<sup>5</sup> Там же. Л. 9.

<sup>6</sup> Заявление С. В. Константинова в избирательную комиссию при горсовете от 10.02.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2262. Л. 3 об.

<sup>7</sup> Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевский районный административный отдел от 14.03.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 1.

<sup>8</sup> Заявление Л. П. Сивенкова в Татарский райисполком от 25.03.1931 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Заявление М. К Аксенова в комиссию по восстановлению в избирательных правах при Новосибирском Окрисполкоме от 30.08.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 429. Л. 7.

<sup>11</sup> Заявление во ВЦИК от П.К. Попова от 18.04.1934 г. // ГИАОО. Ф. 235. Оп. 8. Д. 3551. Л. 19 об.

<sup>12</sup> Заявление В.Т. Зотова в Колпашевскую избирательную комиссию от 30.07.1930. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 519. Л. 21.

<sup>13</sup> Заявление М. И. Светушкова в президиум Доволенского Райисполкома от 19.03.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 7 об.

<sup>14</sup> Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5.

попами и религией раз и навсегда»<sup>1</sup>, «порвал всякую связь с церковью»<sup>2</sup>, «отрекаюсь от всего старого»<sup>3</sup>. В этом же ряду присутствует и устаревшая форма «отрицаюсь» (вполне возможно заимствованная из церковной лексики): «отрецаюсь (*так в документе*) от веры в бога, которого не существует»<sup>4</sup>.

Рассматривалась религия и в классовом контексте «Вся эта ложь выдумана буржуазией с попами, для угнетения рабочих и крестьян – для укрепления капиталистического строя и для своего благополучия»<sup>5</sup>; «не желаю быть агентом буржуазии»<sup>6</sup>; «разоблачил контрреволюционную сущность религии»<sup>7</sup>.

Желаемое будущее, в отличие от прошлого, напротив, характеризуется словами «честный», «равноправный», «полезный»: «желаю работать честно»<sup>8</sup>, «быть для сов. [советского] государства полезным и честным гражданином»<sup>9</sup>, «честным и хорошим ударником»<sup>10</sup>, «служить честно и с пользой советскому правительству», «дать мне возможность честно работать по мере сил на пользу трудящихся Советского Союза»<sup>11</sup>, «дать возможность быть полезным советской власти»<sup>12</sup>, «быть полезным членом общества»<sup>13</sup>, «желаю полезно трудиться в дальнейшем»<sup>14</sup> и т.д. Наиболее радикальный автор заявил, что готов при

---

<sup>1</sup> Заявление С. И. Шинкарюка в Кириловский сельсовет Болотнинского района от 07.03.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 627. Л. 2.

<sup>2</sup> Заявление Я. Ф. Потехина в Коченевский райисполком от 19.09.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2; Заявление А. А. Игнатъева в Томскую городскую избирательную комиссию [февраль 1929]. // ГАНО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 630. Л. 5.

<sup>3</sup> Обязательство А. И. Кускова от 28.11.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 848. Л. 8 об.

<sup>4</sup> Обязательство А. И. Кускова от 28.11.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 848. Л. 8 об.

<sup>5</sup> Просьба М. И. Светушкова в Доволенский Райисполком от 27.07.1933 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 18 об.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевскую районную избирательную комиссию от 5.01.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 3 об.

<sup>8</sup> Заявление Ф. А. Кошмана в Здвинский райисполком от 20.08.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

<sup>9</sup> Заявление А. П. Знаменского в избирательную комиссию при Красноозерском райисполкоме от 4.07.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 260. Л. 9.

<sup>10</sup> Заявление Д. М. Чемоданова М. И. Калинину от 19.03.1934 г. // ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 480. Л. 52.

<sup>11</sup> Заявление А. Е. Фяскина в Новосибирский Краевой Исполнительный комитет от 14.11.1934 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4518. Л. 2 об.

<sup>12</sup> Заявление И. Д. Мелисова в Омскую комиссию по восстановлению в избирательных правах от 10.08.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2874. Л. 2.

<sup>13</sup> Заявление П. А. Рукавишников в Сибирскую Краевую комиссию от 15.05.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 14.

<sup>14</sup> Заявление К. Н. Невержского в Томский горсовет от 19.08.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 1069. Л. 10.

необходимости умереть, только бы быть честным гражданином советской республики<sup>1</sup>.

Очень важным является слово «равноправный», так как именно к этому стремились «лишенцы» – стать полноправными гражданами: «наравне с другими»<sup>2</sup>, «встать в ряды честных и равноправных граждан СССР»<sup>3</sup>, «наравне со всеми трудящимися нашего Союза»<sup>4</sup>, «быть равноправным гражданином»<sup>5</sup>.

По сути, эпитеты, употребляемые по отношению к будущему, являются антонимами слов, характеризовавших прошлую жизнь: «честный» – «обманный», «полезный» – «вредный». Все прошлое изображалось в черных красках, и тут же выражались надежды на светлое будущее. Данный расклад показывает, что заявления писались в русле советской пропаганды.

В обращениях к властям, несмотря на наше изначальное предположение о наличии выражений подданнического, просительного характера, большинство священно- и церковнослужителей-«лишенцев» сохраняли нейтральный тон. Всего девять человек в своих заявлениях использовали подобного рода обращения: «апеллирую к Вашему великодушию»<sup>6</sup>, «осмелюсь заявить»<sup>7</sup>, «будь великодушным»<sup>8</sup>, «с надеждой получить от вас милость»<sup>9</sup>, «почтительнейше прошу разобрать дело»<sup>10</sup>, «настоящим покорнейше прошу»<sup>11</sup> и т. д. Свое отношение к партии и власти авторы выражали различными способами. От незатейливого и прямодушного «отношение мое к Советской Власти самое

<sup>1</sup>Заявление М.К Аксенова в комиссию по восстановлению избирательных прав при Новосибирском Окрисполкоме от 30.08.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 429. Л. 9. об.

<sup>2</sup>Заявление В. П. Кобзева в Барабинский райисполком от 2.09.1934 г. // ГАНО Ф. Р-398 Оп. 1. Д. 160 Л. 4 об.

<sup>3</sup>Заявление С. В. Константинова в избирательную комиссию при Омском горсовете от 10.02.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2262. Л. 4.

<sup>4</sup>Заявление Ф.И. Третьякова в Новосибирский Крайисполком от 26.08.1931 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 4339. Л. 8 об.

<sup>5</sup>Заявление П. К. Попова во ВЦИК от 18.04.1934 г. // ГИАОО. Ф. 235. Оп. 8. Д. 3551. Л. 19 об.

<sup>6</sup>Заявление в избирательную комиссию по перевыборам Новосибирского городского совета А.С. Огнева. // [1929 г.] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1219. Л. 6.

<sup>7</sup>Заявление И. К. Бетехтина в отдел частных амнистий при ВЦИК от 26.12.1929 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 457. Л. 20.

<sup>8</sup>Заявление Д. Н. Чемоданова тов. Нефелкину от 20. 04.1934 г. // ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1 Д 480. Л. 52 об.

<sup>9</sup>Заявление П. К. Попова во ВЦИК от 18.04.1935 г. // ГИАОО. Ф. 235. Оп. 8. Д. 3551. Л. 20.

<sup>10</sup>Заявление М. М. Лемешко Томскому городскому совету 1934 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 892. Л. 13 об.

<sup>11</sup>Заявление П. Ф. Буслаева в Колпашевскую районную избирательную комиссию от 5.01.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 3.

хорошее»<sup>1</sup>, до пафосного «Пролетарская скала, на которой будет построена Вечная Социалистическая Республика трудящихся»<sup>2</sup>.

Заявления «лишенцев» различаются по стилю написания. Нами выделены три типа заявлений: официально-деловые, «идеологические», «наивные». Последний термин мы заимствуем у Н. Козловой и И. Сандомирской<sup>3</sup>. Авторы в статье «“Наивное письмо” и производители нормы» отмечали, что «человеческие документы» представляют различные типы письма: одни написаны «на нелитературном языке», без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими «ошибками», другие, напротив, наполнены клише и заезженными фразами «как в газете».

К официально-деловому типу относятся в основном заявления бывших городских священно- и церковнослужителей, а также части сельских священнослужителей, многие из которых на момент написания состояли на службе делопроизводителями. Поэтому некоторые из данных апелляций написаны не от руки, а напечатаны на машинке. Для данного типа характерны четкие формулировки, краткость изложения. Авторы ссылаются на законодательно-нормативные документы – Конституцию и инструкции о выборах в советы, приводят цитаты из них. Заявления часто имеют четкую структуру, аргументация приводится по типу «первое, второе, третье». Излагаемые факты удостоверяются различного рода документами. В данном типе заявлений практически отсутствуют эмоциональные выражения и идеологемы. Иногда встречаются обороты, характерные для дореволюционной эпохи: «Чсть имею известить сельсовет, что я в должности псаломщика при Артамоновской церкви с января 1928 г не состою...»<sup>4</sup>. Подобные фразы свидетельствуют о том, что, несмотря на усиленное насаждение нового языка, прежние устойчивые выражения также сохранялись.

<sup>1</sup>Заявление Н. П. Никифорова тов. Прокурору Кривошеинского района от 10.10.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 14.

<sup>2</sup> Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р -235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5 об.

<sup>3</sup> Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы. // Вопросы социологии. № 7. 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologos.net/kozlova-sandomirskaya-naivnoe-pismo>

<sup>4</sup> Заявление Н. Я. Постникова в Артамоновский сельсовет от 01.04.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 775. Л. 2.

Для «идеологического» типа заявлений характерны эмоциональность, активное использование слов и выражений агитационной пропаганды, всяческое очернение своей прежней службы и выражение желания приносить пользу советскому государству в будущем. Авторы данного типа заявлений желали произвести благоприятное впечатление на членов избирательных комиссий, демонстрируя свою идеологическую подкованность. При этом старые привычки иногда «прорывались» в тексте. Так, иногда можно встретить упоминание Бога с заглавной буквы, которое затем переправлено на строчную<sup>1</sup>. Зато с большой буквы некоторые «лишенцы» стали теперь писать слова «власть», советская», «партия», «социализм»: «...я всегда был и есть в настоящее время на стороне Власти Рабочих и Крестьян»<sup>2</sup>; «на благо строительства Социализма»<sup>3</sup>.

Можно предположить, что «лишенцы», использовавшие подобный стиль обращений, вполне осознавали фальшивость собственных слов и заверений. Так, заявление бывшего омского священника А. А. Кучина является ярким примером «идеологического» типа. Автор рассказывает о своем отречении от сана, когда он с амвона произнес «сильную безбожную речь»<sup>4</sup>, за что оказался «перед угрозой расправы от фанатически религиозно настроенной толпы»<sup>5</sup>, затем он «выступал пред рабочим классом, призывая его порвать с религиозным дурманом»<sup>6</sup>. Далее он пишет: «Вливая светлую новую струю в рабочие массы я всеми силами старался доказать рабочим массам и омской общественности что Великая Коммунистическая Партия и Советская Власть могут построить Великую, Новую, Социалистическую Республику... Моя сильная вера в социализм и искренняя преданность Коммунистической Партии и Сов[Советской] Власти выковали из меня борца за великую идею коммунизма. Ни одного сантиметра не отступлю

---

<sup>1</sup> См. напр. Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5.

<sup>2</sup> Заявление Н. П. Никифорова в Монастырскую избирательную комиссию от 30.11.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.

<sup>3</sup> Заявление М. И. Светушкова в президиум Доволенского Райисполкома от 19.03.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 7 об.

<sup>4</sup> Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

назад»<sup>1</sup>. В заключении своего заявления автор отмечал, что «в настоящее время везде и всюду веду агитацию за то, что я здесь нелицемерно изложил». Последняя фраза позволяет предположить, что А. А. Кучин как раз осознавал, что его заявление написано несколько «лицемерно», а уверения в преданности и желании строить социализм звучат фальшиво. Поэтому автор пытается подчеркнуть искренность своих намерений словом «нелицемерно».

Другой бывший диакон в своем заявлении пять раз употребляет слово «искренний»: «чистосердечно признаюсь искренне пред властью», «я искренне люблю Власть пролетарскую я всегда оставался и остаюсь искренне убежденным», «за ныне существующую Власть Рабочих и Крестьян», «желаю искренне послужить дорогому правительству Власти Рабочих и Крестьян», «искренне преданным Советской Власти»<sup>2</sup>. Такая частота использования одного и того же слова свидетельствует о желании автора во что бы то ни стало уверить власть в своей преданности и подлинности своих слов. С другой стороны, постоянное употребление одних и тех же оборотов подряд свидетельствует о невысоком уровне образования автора и позволяет говорить о тяготении данного заявления к «наивному» типу.

«Наивные» заявления представляют собой поток мыслей, предложений, иногда мало связанных друг с другом. Их можно охарактеризовать как устную речь, перенесенную на бумагу. Авторы легко перескакивают с одной темы на другую, либо же, напротив, сосредотачиваются на одной и пишут, используя одни и те же слова и выражения, что приводит к тавтологии. Слова в самих предложениях могут быть не согласованы, пунктуационные знаки игнорируются. В такого рода заявлениях может отсутствовать преамбула, а сразу идет изложение фактов. Данный тип заявлений характерен в основном для сельских церковнослужителей, в некоторых случаях священнослужителей (принявших сан после революции) с низким уровнем образования.

<sup>1</sup> Заявление А. А. Кучина в Омскую Окружную комиссию от 28.03.1930 г. // ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 2472. Л. 5.

<sup>2</sup> Заявление Н. П. Никифорова в Кривошеинскую районную избирательную комиссию от 6.05.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 357. Л. 2-2 об.

Как уже отмечалось выше, данные типы могли смешиваться и быть представлены в одном заявлении. По замечанию Н. Козловой и И. Сандомирской иногда при смешении разновидностей «в поток “неграмотной речи” вставлялись клише речи “казенной”»<sup>1</sup>. В заявлениях с официально-деловым стилем также могли встречаться просторечные обороты, элементы разговорной речи.

По объему заявления подразделяются на краткие и подробные. Самым лаконичным следует признать бывшего псаломщика: «Настоящим прошу принять подаваемое мое заявление я Кучеровский лишен избирательных прав прошу избирательную комиссию о восстановления мне право голоса»<sup>2</sup>. (*сохранена пунктуация источника*).

Пространные заявления могут быть либо биографического характера, либо с общими рассуждениями, чаще всего на идеологические темы. В биографических заявлениях авторы подробнейшим образом описывают свою жизнь, начиная с рождения, при этом расставляя акценты на обстоятельствах, которые, по их мнению, могут повлиять на решение членов избирательной комиссии. Так, многие псаломщики стремились подчеркнуть свое крестьянское происхождение и то, что основным занятием является сельское хозяйство. Тем не менее, бывший псаломщик Л. П. Савинков и в своем происхождении из семьи священника сумел найти оправдательные мотивы: «Я вырос в семье попа где с колыбели набивали мне голову божественной чепухой... Эта подлая и бессовестная травля с детства религией толкнула меня на преступление, в котором я глубоко раскаиваюсь...»<sup>3</sup>. Данный пример ярко демонстрирует изобретательность с какой «лишенцы» могли подходить к написанию заявлений. Не имея возможности опровергнуть, либо скрыть факт происхождения из духовного сословия, автор умело расставляет акценты, представляет себя жертвой обстоятельств, окружения и воспитания.

---

<sup>1</sup> Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы. // Вопросы социологии. № 7. 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologos.net/kozlova-sandomirskaya-naivnoe-pismo> (дата обращения: 19.11.2016)

<sup>2</sup> Заявление А. А. Кучеровского в Томскую избирательную комиссию от 13.10.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 857. Л. 10.

<sup>3</sup> Заявление Л. П. Савинкова в Татарский райисполком от 16.08.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.

Все заявления Л. П. Савинкова пропитаны духом эпохи, он выражает горячее желание строить социализм, еще раз раскаивается в своем «преступлении» (службе псаломщиком один год с платой 3-5 рублей в месяц), всячески пытается доказать свою преданность и лояльность советской власти. Также в качестве аргумента указывает свой молодой возраст, что он не виноват, а служил из-за влияния отца<sup>1</sup>. В итоге комиссия отказывает ему в восстановлении на основании того, что пятилетний трудовой стаж не подтвержден документально<sup>2</sup>. Данный пример показывает, что и биографические сюжеты могли носить «идеологическую» окраску.

Многие «лишенцы» неоднократно обращались в органы власти с просьбами о восстановлении в избирательных правах. Именно наличие нескольких заявлений от одного автора позволяет рассмотреть изменения стилистических особенностей в динамике. В некоторых случаях повторные заявления не слишком отличаются по содержанию от первых, и даже практически дословно повторяют первый текст. То есть, один раз выбрав стратегию и стиль, автор уже не меняет ее и пишет последующие заявления как «под копирку». В других случаях повторные обращения становятся более подробными, с изложением всех жизненных обстоятельств. Встречаются жалобы на нижестоящие инстанции: «...сельсовет отнесся злосно ко мне как служителю религиозного культа...»<sup>3</sup>; «...крайне возмущен постановлением и действием нашего с/совета, что против меня творится полное беззакония...»<sup>4</sup>.

Стилистика заявлений могла меняться в зависимости от адресата. Так, более эмоциональны письма, адресованные конкретным лицам, например, М. И. Калинину: «...Вам Михаил Иванович с великой горечью и милостивою надеждою восстановить меня в правах гражданства...»<sup>5</sup>. Заявления, написанные

---

<sup>1</sup> Заявление Л. П. Савинкова в Татарский райисполком от 16.08.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 1-2.

<sup>2</sup> Выписка из протокола заседания районной комиссии по рассмотрению лишенческих дел от 03.10.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 399. Л. 8.

<sup>3</sup> Заявление Н. Е. Марченко во ВЦИК [1932 г.]. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 276. Л. 2.

<sup>4</sup> Заявление Г. Е. Апанасова в Краевой исполнительный комитет в отдел Комиссии по разбору крестьянских жалоб. [1933 г.]. // ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

<sup>5</sup> Заявление Я. Ф. Потехина Всероссийскому старосте Михаилу Ивановичу Калинину [1934 г.] // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257 Л. 17.

конкретным лицам, явно отличаются от остальных, адресованных в избирательные комиссии. Они носят более личный характер. «Ища правды и защиты себе к социалистическому благоустройству... я позволяю себе обратиться... со следующим недоуменным вопросом...»<sup>1</sup>. Еще более проникновенно написано заявление, адресованное секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе: «Дорогой тов. Эйхе! Простите[,] что я так просто сердечно к Вам обращаюсь. С тех пор как я перешел на сторону трудящихся рабочих и крестьян, я чувствую необходимость и право на такое обращение, потому что для пролетариата Вы – дорогой товарищ! К Вам я обращаюсь как утопающий за соломенку [соломинку]... Вы тов. Эйхе являетесь сердцем и мозгом партии всей Сибири»<sup>2</sup>. Подобные обращения к конкретным лицам свидетельствуют о патернализме, характерном как для дореволюционных обращений во власти, так и для писем советским руководителям.

Кроме того, пафосность и идеологизированность заявлений могла нарастать по мере последующих обращений в высшие инстанции. Это свидетельствует о том, что, не добившись положительного решения на местном уровне, ходатаи начинали менять стиль, пытаться найти те слова, которые от них хотели услышать, демонстрировать свою идеологическую подкованность.

Данное наблюдение ярко демонстрирует сравнение двух заявлений бывшего священника с. Таган Чановского района П. Н. Веселова. В первом заявлении в Краевую избирательную комиссию от 17.07.1930 г.<sup>3</sup> автор пытается оправдаться перед властью, объясняет свою службу сложными жизненными обстоятельствами, необходимостью дать образование детям. Из заверений в лояльности присутствовала только фраза, выражавшая надежду не быть «бесполезным в трудовом обществе человеком»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Заявление А. Н. Махровского М. И. Калинину от 23.06.1931. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 78. Л. 7.

<sup>2</sup> Заявление М. Ф. Артюхова секретарю Забсибкрайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе [1931 г.]. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 69. Л. 27.

<sup>3</sup> Заявление П. Н. Веселова в Краевую избирательную комиссию от 17.07.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 528. Л. 6-7

<sup>4</sup> Там же. Л. 7.

Второе же заявление от 17.09.1931 г., адресованное во ВЦИК<sup>1</sup>, написано совершенно в другом стиле. В нем уже нет места описанию жизненных трудностей, главной целью автора становится доказательство собственной преданности советской власти и полного разрыва с религией. Свою службу в церкви П. Н. Веселов объясняет теперь собственным заблуждением, тем, что он был обманут, не смог понять «сложную буржуазную махинацию», так как по происхождению он крестьянин и кроме сельской школы никакого образования не получал<sup>2</sup> (на самом деле автор закончил народное училище)<sup>3</sup>. Аргументация относительно детей также меняется, теперь автор уверяет, что всех пятерых детей он воспитал в духе марксизма и они служат в советских учреждениях, что еще раз подтверждает его преданность советской власти<sup>4</sup>.

Изменение стиля обращений, попытки использовать разные подходы для воздействия на членов избирательных комиссий характерны и для церковнослужителей. Рассмотрим три заявления бывшего псаломщика Т. Н. Вдовина (Сартаковский с/с Коченевского района), поданные в комиссии разных уровней на протяжении 1930 г. – в феврале, мае и сентябре. Первое заявление очень краткое, автор подтверждает факт лишения избирательных прав, считает это недоразумением, себя причисляет к беднякам и просит восстановить в избирательных правах<sup>5</sup>. Второе заявление уже более объемное, автор излагает свою биографию, возникают оправдательные мотивы (занятие сельским хозяйством не бросал, от службы в церкви ничего не получал), а также жалоба на конфискацию имущества и вторичная просьба восстановить в избирательных правах<sup>6</sup>. В третьем заявлении уже присутствуют оценочные суждения, служба церкви предстает как занятие «глупое и бесполезное», дается честное слово, что возврата к ней никогда

<sup>1</sup> Заявление П. Н. Веселова во ВЦИК 17.07.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 528. Л. 10-11.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. С. 316.

<sup>4</sup> Заявление П. Н. Веселова во ВЦИК 17.07.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 528. Л. 11.

<sup>5</sup> Заявление Т. Н. Вдовина в Сартаковский избирком от 07.02.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 945. Л. 8.

<sup>6</sup> Заявление Т. Н. Вдовина в районную избирательную комиссию от 05.05.1930 г. // Там же. Л. 12-12 об.

не будет<sup>1</sup>. К заявлению прилагаются справки о семейном и социальном положении, а также справка от церковного совета.

Данный пример показывает, что с количеством заявлений ходатай приобретал опыт, постигая бюрократические тонкости процесса восстановления в избирательных правах, осознавал необходимость подкреплять свои слова документами, а также изменить сам стиль обращений. В итоге в сентябре 1930 г. Т. Н. Вдовина восстановили в избирательных правах<sup>2</sup>, но затем в декабре снова лишили и его «мытарства» продолжились. Как отмечает Е. Ф. Кринко: «советским гражданам приходилось самостоятельно догадываться, чего от них ожидают, и искать способы демонстрации всемерной поддержки режима»<sup>3</sup>.

Встречаются и обратные ситуации, когда после шести обращений в различные инстанции с заверениями в преданности и порицании религии, с использованием идеологем и клише, автор осознает бесполезность подобного подхода и свое седьмое заявление пишет уже в сухом официально-деловом стиле<sup>4</sup>. И именно после него получает восстановление в избирательных правах, так как на тот момент уже имеет пятилетний трудовой стаж. То есть, прибегая к такого рода «подхалимству», автор рассчитывал стать полноправным гражданином, не дожидаясь получения необходимого пятилетнего трудового стажа. Когда же появляются законные основания для восстановления, автор больше не видит смысла притворяться и продолжать писать в «идеологическом» стиле. Такие же изменения прослеживаются и в заявлениях другого бывшего священника. До тех пор, пока он не получил пятилетний трудовой стаж, его заявления явно относились к «идеологическому» типу. Но результата данная тактика не принесла, поэтому по истечении пяти лет автор уже не видит смысла в активной демонстрации властям своей преданности и пишет свое заявление в официально-деловом стиле<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Заявление Т.Н. Вдовина в Коченевскую районную избирательную комиссию от 16.09.1930 г. // Там же. Л. 16-16 об.

<sup>2</sup> Выписка из протокола № 14 заседания Сартаковского сельсовета от 14.09.1930 г. // Там же. Л. 17.

<sup>3</sup> Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3(7). Сыктывкар, 2011. С. 84.

<sup>4</sup> Заявление М. И. Светушкова в Доволенскую районную избирательную комиссию от 30.10.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д.657. Л. 43-43 об.

<sup>5</sup> Заявление П. Ф. Буслаева президиум Колпашевского РИКа от 23.12.1933 г. // ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362. Л. 23-23 об.

Некоторые заявления очень ярко демонстрируют смешение языка «старого» и «нового», просторечного и книжного. Описывая свою прошлую службу, автор использует выражения «церковного» языка: «Будучи воспитан односторонне, я думал, что своей службой роли подпаса словесного стада, приношу людям пользу, препровождая души их в царствие небесное...»<sup>1</sup>. Переходя на описание событий гражданской войны, автор использует слова «новояза»: «Революционная волна захватила и меня», «систематически занимаюсь общественно полезным трудом»<sup>2</sup>. В этом же заявлении присутствуют и просторечные выражения, пословица: «с кем соль водишь, на того и походишь»<sup>3</sup>, и вместе с ними книжное: «нет правил без исключений»<sup>4</sup>.

Изучение заявлений священнослужителей-«лишенцев» показывает, что они вполне освоили новый идеологический дискурс и активно использовали его. С одной стороны, это свидетельствует о достаточно высоком интеллектуальном уровне, позволяющем адаптироваться к новым реалиям и достаточно свободно оперировать понятиями, используемыми советской пропагандой. Действительно, многие заявления оставляют впечатление весьма грамотно и цельно написанного как в официально-деловом, так в «идеологическом» стиле. С другой стороны, немало заявлений (в основном принадлежавших церковнослужителям), которые написаны наивным, просторечным языком, хотя и с вкраплениями идеологических клише. Успешное же усвоение советского «новояза» в немалой степени связано с тем, что, хотя это и был новый канон, но в немалой степени на старой, традиционной основе.

Использование того или иного стиля зависело как от уровня образования ходатая, так и от конкретных обстоятельств, в особенности, наличия или отсутствия пятилетнего трудового стажа. На протяжении процесса апелляции о восстановлении в избирательных правах, получая очередной отказ, священно- и церковнослужители-«лишенцы» могли менять стили обращения, пытаться

---

<sup>1</sup> Заявление Ф. Ф. Нежильцева в Мышланскую избирательную комиссию от 08.01.1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 661. Л. 16 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 17.

<sup>3</sup> Там же. Л. 16 об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 17.

подобрать необходимые слова, сконструировать правильный образ преданного советского гражданина. Происходили и обратные процессы: «идеологический» стиль использовался в основном теми, у кого отсутствовали законные основания для восстановления. Если же таковые появлялись или изначально лишение было незаконно, то использование «идеологического» стиля теряло свою актуальность.

### **3.3. Динамика восстановлений в избирательных правах и деятельность избирательных комиссий**

Сибирские власти в кампанию 1926/1927 г. впервые стали обращать серьезное внимание на техническую процедуру выборов: составление списков «лишенцев», рассмотрение заявлений, ведение учета<sup>1</sup>. По сравнению с предыдущей, в эту избирательную кампанию резко увеличилось количество заявлений<sup>2</sup>. Еще большее внимание данным проблемам стали уделять в кампанию 1928/1929 г. Включение в списки «лишенцев» без документального подтверждения являлось распространенным нарушением, особенно характерным для сельской местности.

Согласно инструкции о выборах 1926 г., предусматривался следующий порядок апелляций. Лица, лишенные избирательных прав, после опубликования списка могли подать жалобу в комиссию, которая составляла данный список<sup>3</sup>. В том случае, если они получали отказ, жалобы препровождались в вышестоящие комиссии – районную, окружную, краевую.

Священно- и церковнослужители-«лишенцы» из данной выборки подавали ходатайства и жалобы в избирательные комиссии, исполнительные комитеты, административные отделы, а также налоговые комиссии разных уровней. Сельские «лишенцы» чаще всего обращались в районные комиссии, жители городов – в городские. Кроме того, несколько заявлений адресованы Председателю

---

<sup>1</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 32.

<sup>2</sup>Там же. С. 33.

<sup>3</sup>СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. V. Ст. 27.

Президиума ВЦИК М. И. Калинину. О том, что Михаил Иванович пользовался популярностью, отмечает в своем исследовании, посвященном анализу заявлений московских городских «лишенцев», В. И. Тихонов<sup>1</sup>. Сибирской спецификой является обращение одного новосибирского священника лично к секретарю Запсибкрайкома ВКП (б) Р. И. Эйхе<sup>2</sup>.

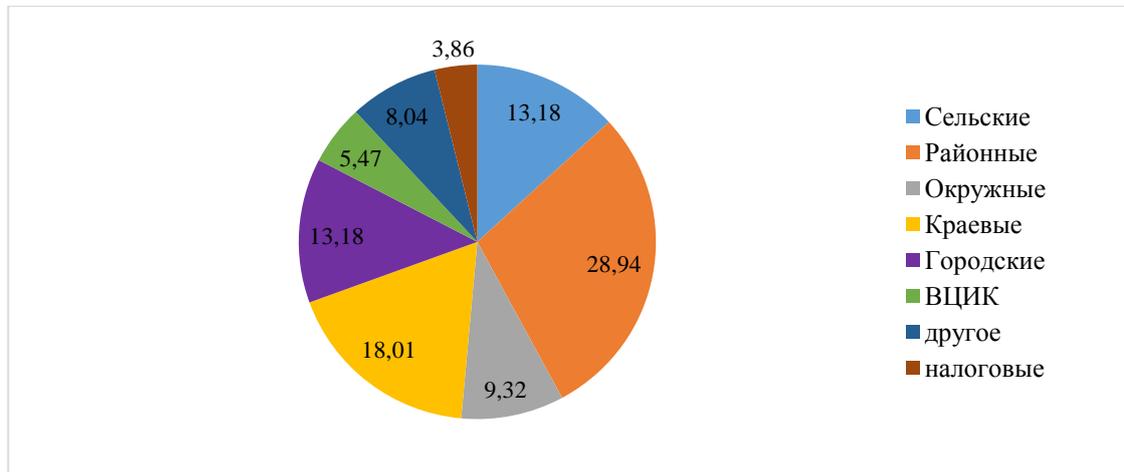


Рисунок 13 – Статистика обращения священно- и церковнослужителей «лишенцев» в избирательные комиссии, исполнительные комитеты, административные отделы разных уровней из 315 заявлений (%)

31 марта 1930 г. была создана краевая комиссия для проверки списков лиц, лишенных избирательных прав, и рассмотрения жалоб на неправильное лишение прав<sup>3</sup>. Затем предписывалось организовать аналогичные окружные, городские и районные комиссии. В ходе работы была выявлена масса нарушений, часто отсутствовали документы, на основании которых произошло лишение избирательных прав<sup>4</sup>. Ситуация осложнялась незнанием членами избирательных комиссий нормативных актов, а также передачей части личных дел из избирательных комиссий в административные отделы<sup>5</sup>. В итоге комиссии по проверке списков «лишенцев» закончили работу к началу выборной кампании

<sup>1</sup>Тихонов В.И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс] URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml>

<sup>2</sup>Заявление М. Ф. Артюхова секретарю Запсибкрайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе [1931 г.]. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 69. Л. 27.

<sup>3</sup>Саламатова М. С. Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири // Известия Уральского государственного университета. 2009. №4 (66). С. 97.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

1930–1931 гг., успев рассмотреть огромное количество списков и заявлений, и тем самым помогли избирательным комиссиям<sup>1</sup>.

На протяжении 1927–1936 гг. менялась активность обращений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» в избирательные комиссии.

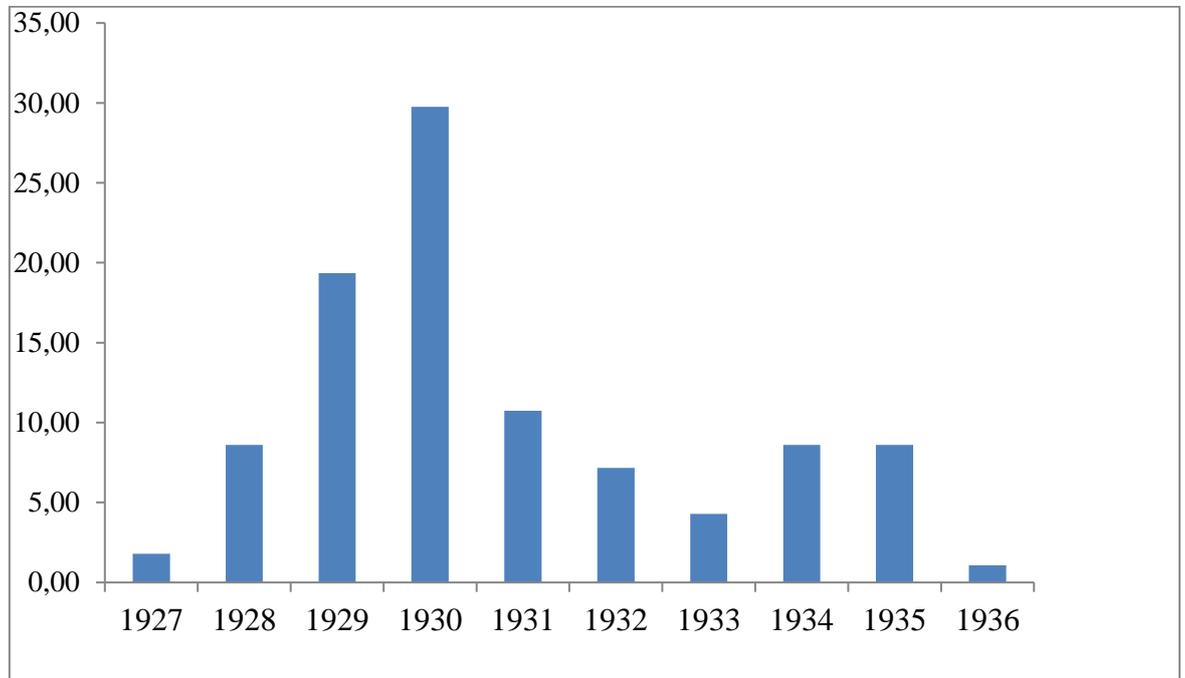


Рисунок 14 – Динамика обращений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» в органы власти (%)

На период действия комиссий по пересмотру списков «лишенцев» приходится одна треть заявлений данной выборки. На втором месте по количеству апелляций находится 1929 г. С 1927 г. идет неуклонный рост обращений, связанный с усилением дискриминационных мер.

<sup>1</sup>Саламатова М. С. Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири // Известия Уральского государственного университета. 2009. №4 (66). С. 100.

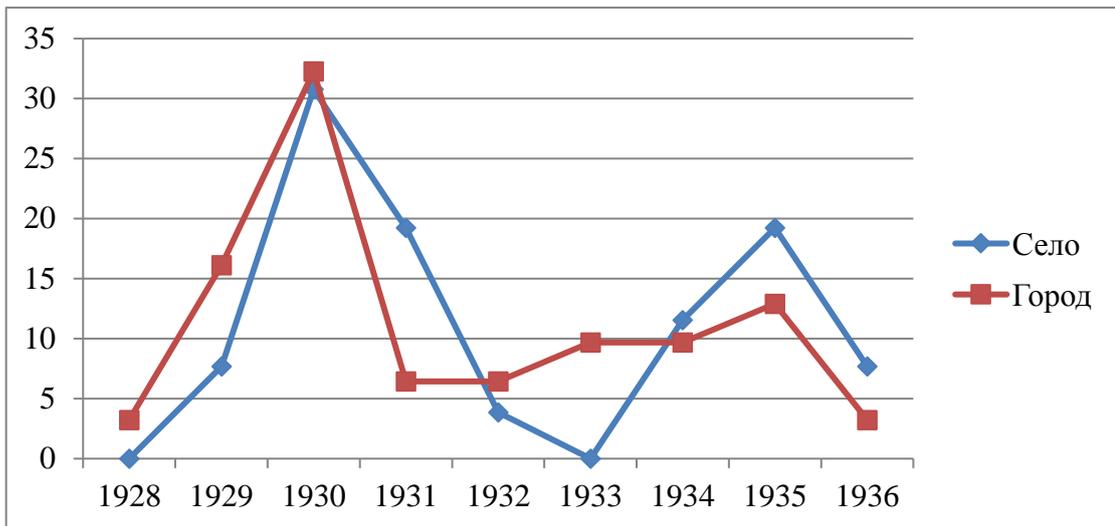


Рисунок 15 – Динамика восстановления в избирательных правах священно- и церковнослужителей-«лишенцев» (%)

Как следует из диаграммы, большинство добились восстановления в избирательных правах в 1930 г., что напрямую связано с деятельностью комиссий по пересмотру списков «лишенцев». Так, исключались из списков неправильно лишённые священнослужители, давно оставившие церковь. На 1935 г. также приходится достаточное количество восстановленных, и этому есть свое объяснение. Как указывалось в Главе II, большинство священно- и церковнослужителей отказались от службы в церкви в 1930 г., а к 1935 г. часть из них уже получили необходимый пятилетний трудовой стаж.

Около половины священно- и церковнослужителей обращались с заявлениями в органы власти два и более раз. Следует отметить, что среди восстановленных в избирательных правах очень мало «лишенцев», подававших только одно ходатайство или жалобу, как минимум они обращались в органы власти два раза, а один священник написал даже семь заявлений<sup>1</sup>. Большинство из восстановленных в избирательных правах добились положительного решения избирательных комиссий в течение одного года (62,96 %), около 16 % были восстановлены через год после подачи первого заявления. Максимальный срок от момента первого обращения в избирательную комиссию до восстановления в избирательных правах составил пять лет. Это происходило в том случае, если

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 1-51.

первое заявление было написано сразу после оставления службы в церкви, а решение о восстановлении в избирательных правах было принято уже при наличии пятилетнего стажа. В этот промежуток времени «лишенцем» могли подаваться заявления в надежде, что, учтя особые обстоятельства и заслуги перед советской властью, избирательная комиссия сделает исключение и восстановит в избирательных правах раньше срока.

Так, томский дьякон П. А. Рукавишников, сняв сан в феврале 1930 г. и написав об этом в Административный отдел, а также отправив письмо с отречением в газете «Красное Знамя», в апреле 1930 г. первый раз обратился с просьбой о восстановлении в избирательных правах<sup>1</sup>. На протяжении последующих пяти лет П. А. Рукавишников, работая в качестве чернорабочего при различных государственных учреждениях, еще трижды писал заявления, при этом, одно из них в 1932 г. адресовал во ВЦИК<sup>2</sup>. Но положительное решение было принято только после пятого заявления, когда бывший дьякон уже имел необходимый пятилетний рабочий стаж<sup>3</sup>.

Встречаются и случаи повторного лишения избирательных прав. Несколько человек, восстановленных в избирательных правах в 1930 г., опять оказались включенными в списки «лишенцев». Так, П. Т. Останин, лишенный избирательных прав как псаломщик (служил в церкви с 1925 г. по 1929 г.), добился восстановления в 1930 г., в 1931 г. вступил в колхоз «Молот», но в декабре 1932 г. Гусевский сельсовет снова лишил его избирательных прав и исключил из колхоза<sup>4</sup>. Данное обстоятельство объясняется тем, что найти новых «лишенцев» оказывалось непросто. Ведь всех, кого можно было лишить уже выявили еще в начале 1930 г., а позже часть из них восстановили. Но от сельских избирательных комиссий требовали выявлять новых «лишенцев», поэтому они находили выход, включая в

---

<sup>1</sup> Заявление П. А. Рукавишникова в Томский Административный Отдел от 27.04.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 5.

<sup>2</sup> Заявление П. А. Рукавишникова во ВЦИК от 27.04.1932 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 1-1 об.

<sup>3</sup> Постановление № 1250 Томского Городского Совета РК и КД от 25.11.1935 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 26.

<sup>4</sup> ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 374. Л. 1-3.

списки уже восстановленных в избирательных правах, полагая, что в отношении них было принято неверное решение<sup>1</sup>.

Порой в списках «лишенцев» оказывались и уже умершие люди. И если на уровне сельских исполкомов подобное сложно представить, то чем выше уровень, тем вероятнее найти в списках «мертвые души». Так, в личном деле бывшего псаломщика Е. Тышко (с. Вьюны Колыванского района) содержатся два документа, полностью противоречащие друг другу. В первом – постановлении бедняцкого собрания села Вьюны от 15.02.1930 г. – Е. Тышко исключают из списков как умершего в 1928 г., а его жену восстанавливают, как живущую собственным трудом<sup>2</sup>. Во втором документе – постановлении заседания комиссии по рассмотрению жалоб при Колыванском исполкоме от 16.05.1930 г. – заявляется, что Е. Тышко лишен избирательных прав правильно<sup>3</sup>. С одной стороны, подобную ситуацию можно объяснить невнимательностью членов комиссии, с другой стороны, вполне возможно, что таким образом власти искусственно наполняли списки «лишенцев».

Из 167 «лишенцев» 152 обращались с заявлениями о восстановлении в избирательных правах, оставшиеся 15 – в налоговые комиссии с жалобами на налогообложение. Из 152 человек положительного решения добились 57 (37,5%). При сравнении с данными, приводимыми исследователями других регионов, следует констатировать, что у мордовских «служителей религиозного культа» процент восстановленных ниже (25,6 %) <sup>4</sup>, а у уральских- выше (63 %) <sup>5</sup>. При этом необходимо учитывать, что в данную категорию авторы включали также членов семей «лишенцев» и незначительный процент составили представители других конфессий.

---

<sup>1</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 36.

<sup>2</sup>Справка бедняцкого собрания граждан с. Вьюны от 15. 02. 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-411.Оп. 1. Д. 962 а. Л. 1.

<sup>3</sup>Выписка из протокола № 13 заседания комиссии по рассмотрению жалоб Колыванского исполкома от 16.05.1930 г. // Там же. Л. 4.

<sup>4</sup>Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 67.

<sup>5</sup>Русина Ю. А. "Нет права голоса - нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 199.

Как показывает выборка личных дел, обработанных нами, в поселенческом разрезе (город – село) ситуация с восстановлением складывалась далеко неодинаковая.

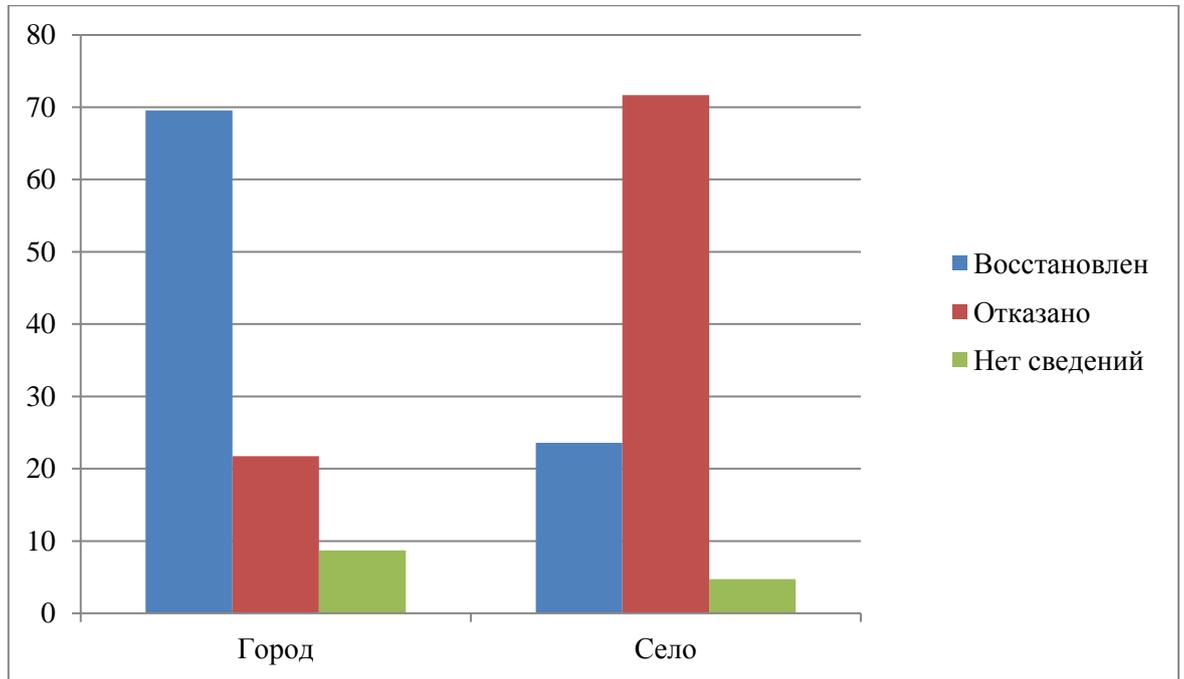


Рисунок 16 – Восстановление в избирательных правах городских и сельских церковно- и священнослужителей (%)

Как следует из данной диаграммы, большинство подававших заявления городских священнослужителей добивались позитивного решения. Ситуация с восстановлением в избирательных правах духовенства сельской местности была значительно сложнее. Проведенный нами анализ согласуется с выводами М. С. Саламатовой о том, что к восстановлению в правах священнослужителей сельские избирательные комиссии подходили крайне сурово<sup>1</sup>. Всего было восстановлено 23,58% от числа подававших заявления согласно нашей выборке, этот показатель ниже общего уровня восстановленных сельских «лишенцев» всех категорий, который составлял 31,2 %<sup>2</sup>.

Если сравнивать восстановление в избирательных правах относительно должностей, занимаемых в церковной иерархии, то ситуация выглядит следующим образом.

<sup>1</sup>Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 95.

<sup>2</sup>Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. С. 72.

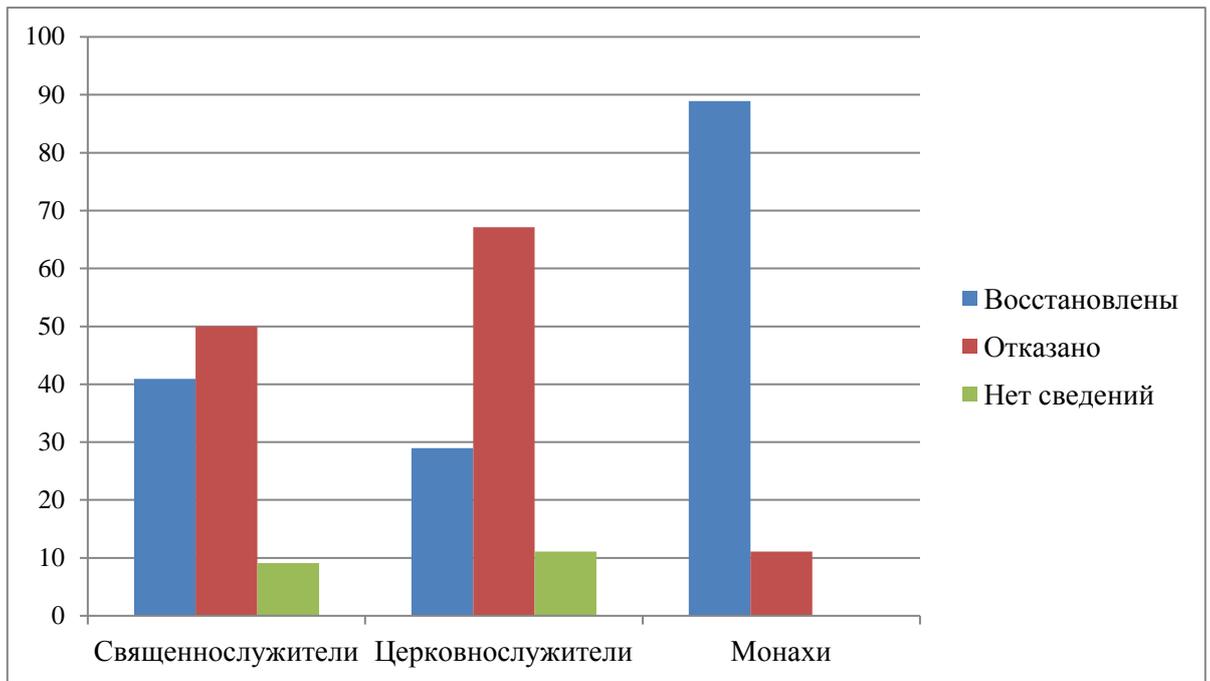


Рисунок 17 – Восстановление в избирательных правах священно- и церковнослужителей-«лишенцев» (%)

Тот факт, что чаще всего избирательных правах восстанавливались монахи (монахини) объясняется тем, что к этой категории власти причисляли послушниц монастырей. Разобравшись подробнее, комиссии соглашались с обоснованностью жалоб на незаконное причисление к «служителям религиозного культа».

Священнослужителей восстанавливали в избирательных правах несколько чаще, чем церковнослужителей. Данная ситуация связана с тем, что обращавшиеся в органы власти священники и диаконы имели определенные основания рассчитывать на благоприятный исход дела. Категоричный отказ от службы в церкви редко ставился под сомнение, тогда как в случае с церковнослужителями грань, отделявшая псаломщика от усердного прихожанина, была столь тонка, что требовала долгих разбирательств. В данном случае не всегда действовали даже справки от приходских советов. В частности, И. И. Кусов получил от Шарчинского церковного совета справку, что он на должности псаломщика не состоял: «... как штатный псаломщик ушел и до сего времени у нас в церкви никто не значится на должности псаломщика так как у нас уже год священник один исполняет требы при помощи любительского хора...»<sup>1</sup>. Тем не менее, на заседании сельской

<sup>1</sup> Справка Шарчинского церковного совета от 20.09.1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 539. Л. 2.

избирательной комиссии И. И. Кусову отказали в восстановлении в избирательных правах на основании того, что он является псаломщиком и продолжает служить<sup>1</sup>.

Рассмотрим подробнее восстановление в избирательных правах отдельно городских и сельских священнослужителей. Так, из 26 городских священнослужителей положительного решения относительно своих прошений добились 18 человек. Все они на момент подачи заявлений оставили церковь и занимались общественно-полезным трудом, часть из них заявляло о публичном снятии сана, другие просто констатировали факт прекращения службы.

Из 40 сельских священнослужителей восстановлено было только семь, из них трое принадлежали к «обновленцам». Шестеро добились восстановления в избирательных правах только в 1932–1936 гг., когда уже прошло пять лет с момента оставления службы, хотя обращаться в органы власти с просьбой об исключении из списков «лишенцев» они начали еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В этих случаях комиссии действовали согласно законодательству и восстанавливали «лишенцев» только при наличии пятилетнего стажа. Один священник, принадлежавший к «обновленцам», был восстановлен в 1931 г., когда еще не минул пятилетний срок. В его случае комиссия учла тот факт, что священником он был всего несколько месяцев<sup>2</sup>.

Из 64 сельских церковнослужителей положительного решения удалось добиться только 16. В городах из 12 церковнослужителей, обращавшихся с заявлениями в органы власти, 6 человек были восстановлены. И хотя почти половина всех церковнослужителей считали лишение избирательных прав незаконным, избирательные комиссии рассудили по-другому – восстановленных в гражданских правах значительно меньше.

Факт служения псаломщиком, а в основном это была временная служба, каждая отдельная избирательная комиссия оценивала по-разному. В каких-то случаях могли прислушаться к мнению ходатая о временности и случайности этой службы. Так, на заседании Корниловского с/с Болотнинского района постановили:

---

<sup>1</sup> Справка Шарчинского сельсовета от 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1175. Оп. 1. Д. 539. Л. 12.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-23.

что «...касается исполнения обязанностей псаломщика, то это было не постоянно, а случайно, что впоследствии установлено. Кроме того, Шинкарюк порвал всякую связь с церковью, а потому... в избирательных правах восстановить»<sup>1</sup>. А в другом случае отнесение ходатая себя к «любителям пения» властями игнорировалось: «...хотя он в своем заявлении и мотивирует, что доходов никаких не получает от этого, но... в лице с священником они делят заработок, а посему... в ходатайстве гр. Афанасева отказать»<sup>2</sup>. Кроме того, по одному и тому же делу комиссии разных уровней могли принять разные решения, например, сельская восстанавливала в избирательных правах, а районная это решение не утверждала. Кроме того, часть церковнослужителей были лишены избирательных прав на основании нескольких пунктов Конституции: помимо службы в церкви их часто относили к «эксплуататорам», что, естественно, снижало шансы на восстановление в избирательных правах.

Большинство бывших монахинь и послушниц, проживших в городах добились восстановления в избирательных правах (8 из 10). В сельской местности из данной группы никого не восстановили. Попытки сельских послушниц доказать, что они не являлись монахинями были безуспешны: «...в монастыре никогда не находилась и монашкой не была. Лишь имея слабое здоровье в законный брак не с кем не состояла (*так в документе*)...»<sup>3</sup>.

Отказ в восстановлении в избирательных правах мог быть мотивирован различными обстоятельствами, такими, в частности, как отсутствие пятилетнего трудового стажа, нелояльность советской власти, «поддержка кулачества», неучастие в общественной работе и др. Аргументация отказа в восстановлении в избирательных правах отсутствием активной общественной деятельности порой вызывала недоумение у «лишенцев»: «...я таковой [активной деятельности] не мог

---

<sup>1</sup> Выписка из протокола № 24 заседания Корниловского сельсовета Болотнинского района от 27.12.1930. // ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 627. Л. 4.

<sup>2</sup> Заключение Зырянской районной избирательной комиссии [1928 г.]. // ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.

<sup>3</sup> Заявление В. В. Косых в президиум Маслянинского райисполкома от 30.09.1935 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 413. Л. 6.

проявить, так как лишенец не допускался никуда»<sup>1</sup>. Действительно, для восстановления в правах требовался трудовой стаж, но устроиться на работу мешал статус «лишенца», в результате образовывался замкнутый круг. С подобным вопросом обращался в райисполком и другой бывший священник: «Резолюцией президиума от 31-го января 1932 года мне в моей просьбе отказано с указанием срока через 5 лет[,] но можно и ранее, если проситель выявит себя пред Сов[етской] властью чем-либо особенным: мне бы хотелось узнать от президиума как я должен выявить – т.е. в чем же должно заключаться мое выявление?...В течение 6 месяцев в с. Довольном я оказывал все что мог в пользу Сов[етской] власти – а что от меня еще требуется президиуму прошу указать. Я на все согласен за Власть Советов»<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что изложение «лишенцами» разнообразных обстоятельств, использование различных тактик поведения не играли, видимо, ключевой роли. При сравнении аргументов всех священно- и церковнослужителей с аргументами тех, кто добился восстановления, невозможно выделить один или несколько безоговорочно работающих приемов. Как отмечает М. С. Саламатова относительно всей категории «лишенцев»: «абсолютная зависимости между восстановлением в правах и какими-либо факторами не установлена, хотя определенные закономерности выявить удалось»<sup>3</sup>. Наши данные также позволяют выделить среди аргументов более успешные и менее успешные. Но в некоторых случаях один и тот же аргумент мог приносить различные результаты в зависимости от того, к кому принадлежал ходатай – к священнослужителям или церковнослужителям.

Так, малоуспешными необходимо признать тактики псаломщиков доказать, что в церковь они ходили как любители пения (из 31 восстановлено 9), основной деятельностью являлось сельское хозяйство (из 21 восстановлено 5), не могли исполнять данную должность из-за малограмотности (из 7 никто не восстановлен),

---

<sup>1</sup> Жалоба И. Н. Кисилева в Томскую Окружную избирательную комиссию от 25.06.1930 г. // ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 228. Л. 11.

<sup>2</sup> Заявление М. И. Светушкова в Доволенский райисполком от 20.02.1932 г. // ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657. Л. 25.

<sup>3</sup> Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 87.

исполняли данную должность вынужденно, случайно, временно (из 20 восстановлено 7), возмущение незаконностью и несправедливостью лишения избирательных прав (из 30 восстановлено 11), считали таковое недоразумением и ошибкой (из 4 никто не восстановлен).

При этом для священников последние три аргументации, наоборот, следует признать успешными: из четырех человек, считавших лишение незаконным, все восстановлены в избирательных правах; из десяти тех, кто служил временно и вынужденно, исключены из списков восемь; двое, полагавших лишение случайностью и ошибкой, получили положительное решение.

Малоуспешными для всех следует признать попытки взывать к снисхождению и просить милости (из 7 восстановлен 1), заверения в лояльности и преданности советской власти (из 8 никто не восстановлен), принесение глубокого раскаяния за прошлую деятельность (из 9 восстановлено 3), а также выражение желания трудиться на благо социализма (из 19 восстановлено 6).

Различные сетования на жизненные тяготы также не оказывали особого влияния на решение комиссии. В частности, из 22 тех, кто жаловался на плохое здоровье, восстановлены 7 человек. Подобная ситуация складывалась и с теми, кто указывал на наличие большой семьи, преклонный возраст, неспособность к физическому труду.

Примерно в равной мере имели шансы на успех следующие аргументы: работа в советских учреждениях (из 15 восстановлено 7), занятие сельским хозяйством (из 19 восстановлено 7), подчеркивание факта оставления службы в церкви (из 30 восстановлено 15), отрицание факта принадлежности когда-либо к служителям культа (из 24 восстановлено 10), революционная деятельность, участие в гражданской войне (из 9 восстановлено 5), отсутствие взысканий со стороны советской власти (из 11 восстановлено 5).

Достаточно успешными являлись такие аргументы как, наличие пятилетнего трудового стажа (из 17 человек восстановлено 10), работа на производстве (из 17 восстановлено 10), активная борьба с религией (из 5 восстановлено 4), ссылка на

инструкции о выборах (из 20 восстановлено 12). Но, как можно заметить, апелляция к законодательству также не гарантировала положительного решения.

Избирательные комиссии следующим образом могли обосновывать решения о восстановлении в избирательных правах: «Принимая во внимание долголетнюю службу Ершова П. М. в советском аппарате и участие последнего в партизанском движении...»<sup>1</sup>; «в виду долголетней службы Красивского В. М. и Степанова М. Г. в Советском аппарате, и отказ последних от сана священнослужителей через печать, считать возможным восстановить в избирательных правах»<sup>2</sup>. Т. е. «лишенцы» не зря акцентировали внимание на своем участии в партизанском движении, судя по постановлениям избирательных комиссий данный аргумент принимался во внимание. Тем не менее, более важными мотивами являлись трудовой стаж и отказ от сана.

По наблюдениям З. Ш. Мавлютовой, служителей культа восстанавливали только при условии снятия сана, которое обязательно должно было произойти прилюдно<sup>3</sup>. Это отмечает и Н. А. Давыдова, изучавшая положение служителей культов в Севастополе и Севастопольском районе в 1920–1930 гг.: избирательные комиссии восстанавливали только тех представителей духовенства, кто открыто отрекся от религии через публикацию в газете<sup>4</sup>. Автор приводит пример, когда служитель культа из-за нехватки денежных средств и трудного материального положения не смог опубликовать отречение в газете, а местные чиновники сочли этот факт за нежелание порвать с религиозным прошлым и отклонили просьбу в восстановлении в избирательных правах<sup>5</sup>. А. В. Проскурина, анализирувшая дискриминационную политику власти в отношении православного духовенства на материалах Северо-Запада России, также отмечает подобные решения властей. В

---

<sup>1</sup>Протокол № 5 Барнаульской Городской избирательной комиссии от 02.01.1929 г. ГААК. Ф. Р-312. Оп 4 Д. 3586. Л. 3 об.

<sup>2</sup>Там же.

<sup>3</sup>Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 55.

<sup>4</sup>Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 18.05.2012)

<sup>5</sup> Там же.

приводимом автором примере бывший священнослужитель заявлял о нежелании отречься от веры, а местные власти указывали, что для восстановления необходимо снятие сана и публикация в газете с описанием причин, побудивших его отречься<sup>1</sup>.

В Сибири подобные прецеденты также встречались, но избирательные комиссии разных уровней могли иметь различное мнение о необходимости восстановления или отказа бывшим священнослужителям, не отрехшимся публично. Так, в отношении бывшего томского священника А. М. Жигачева (оставил службу в 1919 г.) Томская городская избирательная комиссия постановила в ходатайстве отказать, так как он сан священника не снял, хотя и вел общественно-полезную работу<sup>2</sup>. Данное решение утвердила Томская окружная избирательная комиссия<sup>3</sup>, но после обращения А. М. Жигачева в краевую избирательную комиссию в избирательных правах его восстановили<sup>4</sup>. Подобным образом развивались события и с другим бывшим томским священником, оставившим службу в 1919 г.: окружная комиссия в восстановлении отказала, а краевая – ходатайство удовлетворила. В Барнауле избирательных прав был лишен священник, оставивший службу в 1913 г. по состоянию здоровья. Несмотря на его помощь партизанским отрядам в годы гражданской войны, Барнаульская городская избирательная комиссия ответила отказом, так как от «священного сана публично не отказался»<sup>5</sup>. Восстановления в избирательных правах удалось добиться только после обращения в Новосибирский административный отдел.

В целом следует признать, что большинство так называемых «конформистов» – тех, кто просто констатировал факт прекращения службы без особых негативных высказываний относительно религии – также восстанавливались в избирательных правах при условии выполнения других

---

<sup>1</sup> Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 95.

<sup>2</sup> Выписка из протокола заседания Томского Горизбиркома от 06.03.1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп.3. Д. 556. Л. 4.

<sup>3</sup> Выписка из протокола № 22 заседания Томской Окружной избирательной комиссии от 16.03.1929 г. // Там же. Л. 1.

<sup>4</sup> Постановление Сибирской Краевой избирательной комиссии от 29.05.1929 г. // Там же.

<sup>5</sup> Выписка из протокола № 16 заседания Барнаульской городской избирательной комиссии от 08.01.1931 г. // ГААК. Ф. Р-312. Оп. 4. Д. 194. Л. 9.

требований. А отказы на основании отсутствия публичного отречения и снятия сана являлись инициативой местных властей.

Хотя исполнение формальных требований и отречение также не давало стопроцентной гарантии на успех. Т. М. Смирнова, анализируя письма-отречения, приводит два примера, показывающих, что судьбы авторов «покаянных» писем были различны – «от разоблачения врага, пытающегося пролезть в ряды пролетариата, до демонстративного, широко разрекламированного прощения»<sup>1</sup>. В обоих случаях в качестве примеров выбраны отречения бывших священников, но в одном случае просителю отказали, назвав его «волком в овечьей шкуре», а покаяние другого приняли благосклонно и опубликовали в «Правде»<sup>2</sup>.

Непоследовательность властей в вынесении решений по восстановлению в избирательных правах бывших священнослужителей Западной Сибири ярко демонстрирует следующий пример. Так, на заседании Сибирской Краевой избирательной комиссии от 21 апреля 1927 г. рассматривались ходатайства двух бывших священников: Петра Ивановича Удинцева и Василия Михайлович Лисицкого. Ситуации в обоих случаях крайне схожи, хотя один отказался от сана в 1926 г., а другой в начале 1927 г., но оба они 5-летнего трудового стажа не имели. Тем не менее, Краевая избирательная комиссия вынесла совершенно разные решения. В отношении П. И. Удинцева постановили: «Имея в виду, что гр. Удинцев от сана священника отказался в 1926 г. на основании циркуляра ВЦИК от 3 марта 1927 г. – в избирательных правах восстановить»<sup>3</sup>. Следует заметить, что на заседании Барабинской окружной избирательной комиссии 28 февраля 1927 года признали ходатайство П. И. Удинцева о восстановлении в избирательных правах не заслуживающим уважения<sup>4</sup>. В. М. Лисицкому же в восстановлении в

---

<sup>1</sup>Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917-1936 годы. М., 2003. С. 209.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Протокол № 12 заседания Сибирской краевой избирательной комиссии от 21 апреля 1927 г. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 322. Л. 191.

<sup>4</sup> Выписка из протокола № 9 Заседания Барабинской окружной избирательной комиссии от 28 февраля 1927 г. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 530. Л. 12.

избирательных правах было отказано на основании того, что тот не имел достаточного трудового стажа<sup>1</sup>.

Среди московских священнослужителей, попавших в выборку исследования В. И. Тихонова, В. С. Тяжелниковой, И. Ф. Юшина, ни один не добился восстановления в избирательных правах, хотя ко времени подачи заявлений все они уже оставили религиозную деятельность и служение<sup>2</sup>. Для властей не имело значения, разрушен ли монастырь или церковь, где служил ранее «лишенец», отказался ли он добровольно от сана, ведет ли антирелигиозную деятельность. «Клеймо служителя культа, распространителя духовного дурмана оставалось на всю жизнь»<sup>3</sup>.

Таким образом, при сравнении числа восстановленных в избирательных правах в городах и сельской местности наблюдается, что в первом случае доля восстановленных значительно выше. Во-первых, получить трудовой стаж в деревне было значительно сложнее, труд крестьянина-единоличника, занятие в кустарной мастерской таковым не считались<sup>4</sup>. Во-вторых, начиная с конца 1929 г. и священники, и церковнослужители подвергались «раскулачиванию» и высылке, апеллировать откуда оказывалось практически бесполезно. В случае признания лишения избирательных прав и «раскулачивания» неправомерными необходимо было вернуть имущество. Поэтому подобным решениям местные власти всячески противились<sup>5</sup>.

Так, если в городе 1930 год стал для многих священнослужителей-«лишенцев» удачным, им вернули избирательные права, то в сельской местности дело обстояло совсем по-другому. Действительно, из всех восстановленных в избирательных правах значительная часть была восстановлена в 1930 г. Но, в то же время на этот год приходится самое большое число репрессированных

---

<sup>1</sup> Протокол № 12 заседания Сибирской краевой избирательной комиссии от 21 апреля 1927 г. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 322. Л. 188.

<sup>2</sup>Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 153.

<sup>3</sup>Там же.

<sup>4</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). С. 128.

<sup>5</sup>Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. С. 68.

священнослужителей за период до 1937 г. Таким образом, можем наблюдать две противоположные тенденции в политике власти по отношению к священнослужителям. С одной стороны – попытка исправить «перегибы», с другой – усиление наступления на церковь.

По поводу успешности тех или иных тактик поведения следует согласиться с выводом Ю. А. Русиной в том, что вопрос о лишении и восстановлении в избирательных правах решался достаточно формально<sup>1</sup>. Для зачисления в категорию «лишенцев» достаточно было факта служения в церкви, независимо от должности, периода и продолжительности, а для восстановления – наличие пятилетнего трудового стажа<sup>2</sup>. При этом конкретные обстоятельства, стремления подчеркнуть лояльность советской власти, публичные отречения не играли особой роли.

---

<sup>1</sup>Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1918-е гг.). Ниж. Тагил, 1997. С. 128.

<sup>2</sup>Там же.

## Заключение

Приход к власти большевиков радикально изменил общественно-правовой статус Русской православной церкви и социально-экономическое положение духовенства. Помимо прочих репрессивных и дискриминационных мер, применяемых властями по отношению к представителям духовенства, «служители религиозного культа» лишались избирательных прав. Православные священно- и церковнослужители, как и другие «бывшие», оказались на «дне» общества, в числе «лишенцев», являвшихся маргиналами в советском социуме. Драматичность данного положения заключалась не столько в лишении избирательных прав как таковом, сколько в тех сопутствующих ограничительно-дискриминационных мерах, которые значительно затрудняли существование «лишенцев», как глав, так и членов их семей, и ставили их на грань выживания.

Лишение избирательных прав священно- и церковнослужителей способствовало устранению их из общества и постепенной маргинализации. Советский режим как бы «перевернул» социальную структуру общества: те сословия и группы, которые были привилегированными до революции – опустились на «дно» общества, те же, которые были, по сути, маргиналами – составили основу формирования лидерных общностей. Лишение избирательных прав священнослужителей и лиц, приравненных к ним, не давало или существенно ограничивало возможности адаптации в новом обществе. В соответствии с классификацией исследователя М. В. Ромма<sup>1</sup> выделены следующие адаптивные барьеры: индивидуальные, информационно-адаптивные, ситуативные. Для категории священно-и церковнослужителей-«лишенцев» одним из ведущих являлся мировоззренческий барьер. К индивидуальным относятся также возрастной и эмоционально-психологические барьеры. Информационно-адаптивные барьеры для священно- и церковнослужителей выражались в отсутствии или неполноте информации о дискриминационных мерах, следовавших

---

<sup>1</sup>Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 105.

за лишением избирательных прав, а также о круге лиц, причисляемых к «лишенцам». Ситуативные барьеры крайне разнообразны, в случае со священно- и церковнослужителями-«лишенцами» они представлены в первую очередь ограничительно-дискриминационными мерами, сопутствовавшими лишению избирательных прав: ограничениями на работу в государственных учреждениях, исключением из профсоюзов и кооперативов, повышенным налогообложением, отсутствием социальных пособий. Для преодоления адаптивных барьеров бывшим священно- и церковнослужителям приходилось рассчитывать в основном на личностные средства адаптации.

Доля священно- и церковнослужителей в составе «лишенцев» не была значительна по сравнению с другими категориями, но ее численность между 1927 и 1929 гг. возрастала как по стране в целом, так и в отдельно взятом регионе – Западной Сибири. Это происходило прежде всего за счет включения в данную категорию бывших священнослужителей, обслуживающего персонала церкви, причисления к церковнослужителям простых верующих. Данная политика власти получила повсеместное распространение, и Западная Сибирь не стала исключением. Дискриминационные меры, следовавшие за лишением избирательных прав, носили унификационный характер и региональная специфика не выявлена.

В категории православных священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири преобладали лица старшего поколения, которые начали службу в церкви еще до революции. Среди церковнослужителей, которые также принадлежали к лицам старшего возраста, большинство начало работать в церкви после революции, кроме того, в основном они исполняли свои обязанности временно, безвозмездно и в штате не состояли.

Священнослужители имели достаточно высокий образовательный уровень, что несколько повышало их шансы на восстановление в избирательных правах, т. к., с одной стороны, позволяло грамотно писать заявления и апеллировать в них к законодательству, с другой стороны, давало возможность устроиться на работу в государственные учреждения в качестве служащих. Это касалось в первую очередь

городских священнослужителей, действительно, многие из них сумели найти работу, причем необязательно в области тяжелого физического труда, полученное образование позволяло занять должности служащих. С другой стороны, пожилой возраст большинства из них явно ограничивал возможности при устройстве на работу.

Положение духовенства в сельской местности было значительно сложнее. Органы власти подходили к восстановлению в избирательных правах очень сурово, а найти работу, чтобы получить необходимый пятилетний трудовой стаж, оказывалось крайне трудно. Непомерно высокое налогообложение приводило к разорению хозяйств священнослужителей, вынуждало их оставлять службу в церкви или бежать из родных сел. Помимо этого, многие сельские священнослужители в начале 1930-х подверглись таким репрессивным мерам, как экспроприация имущества и высылка на спецпоселения. Еще чаще «раскулачивание» касалось церковнослужителей, для которых основным видом деятельности являлось сельское хозяйство, а «нетрудовой» доход от службы в церкви только увеличивал вероятность причисления их хозяйства к «кулацким».

В борьбе за свое существование, за восстановление в избирательных правах, православные священно- и церковнослужители Западной Сибири, в зависимости от условий, в которых находились, прибегали к различным тактикам поведения. Выделяются три основных направления.

1. Позиция отрицания законности лишения избирательных прав (для продолжавших служить сельских служителей – отрицание законности высокого налогообложения). Священники, использовавшие данную тактику, имели, как правило, доказательства своей трудовой деятельности – наличие пятилетнего стажа, поэтому они умело апеллировали к законодательству. Попытки церковнослужителей доказать временность своей службы обычно заканчивались безуспешно. Часть из них полностью отрицали принадлежность к «служителям религиозного культа» и считали себя «любителями пения». Подобное поведение было характерно также для церковнослужителей других регионов. Другая часть признавая факт службы в церкви, подчеркивали ее безвозмездный характер.

Попытки добиться сельскими священниками справедливого налогообложения также не имели успеха.

2. Позиция признания справедливости лишения избирательных прав и глубокого раскаяния в прошлой деятельности. Радикальность могла быть различной: часть стремилась полностью отмежеваться от прошлой деятельности, например, начав заниматься антирелигиозной пропагандой, другая часть больше акцентировала внимание на своем раскаянии. К данной тактике чаще прибегали священно- и церковнослужители, недавно оставившие церковь и еще не успевшие получить необходимый трудовой стаж. Использование «идеологического» стиля было призвано убедить членов избирательных комиссий в своей преданности новому строю, продемонстрировать владение «новоязом», представить себя в качестве активных советских граждан. Несмотря на то, что публичные выступления и публикации в таком стиле бывших священнослужителей поощрялись властями, использование «идеологического» подхода в заявлениях редко приносило желаемый результат, если у священнослужителя отсутствовал пятилетний трудовой стаж.

3. Конформистская позиция, находившаяся между двумя выше представленными крайними тактиками, предполагала наличие факта оставления службы в церкви, неотрицание справедливости лишения избирательных прав, но не содержала подчеркнутого отречения от веры и религиозных убеждений. Для конформистских заявлений характерен перенос акцента на различные жизненные обстоятельства: слабое здоровье, сложное материальное положение, а также причины, вынудившие пойти на службу в церковь.

В целом аргументация для восстановления в избирательных правах схожа с аргументами, приводимыми священно- и церковнослужителями- «лишенцами» других регионов. И «активисты», и «конформисты» могли быть восстановлены в правах, если при этом выполнялись формальные условия – наличие пятилетнего рабочего стажа и лояльность к советской власти. Из-за относительности, размытости трактовок последнего пункта часть священнослужителей, имевших трудовой стаж, не добились восстановления в правах. С другой стороны, даже

отречение от сана и «активное» желание служить «во благо строительства социализма» и «за светлое будущее» не гарантировали священно- и церковнослужителям восстановление в избирательных правах. В целом процент восстановленных был выше, чем среди мордовских<sup>1</sup>, но ниже, чем у уральских представителей данной категории<sup>2</sup>. Кроме того, даже те священно- и церковнослужители, кто добился восстановления в избирательных правах, не могли быть уверены, что защищены от последующих репрессий. Тем более это касалось священников, продолжавших служить в церкви и не снявших с себя сан. Стоило один раз оказаться в списке «лишенцев», и человек попадал в «группу риска». Таким образом, лишение избирательных прав следует рассматривать как пролог массовых репрессий 1937–1938 гг.

Лишение избирательных прав способствовало разделению общества, его внутренней конфронтации, возникновению и поддержанию атмосферы агрессии, которая направлялась на представителей бывших привилегированных сословий, в том числе на священнослужителей. Если в начале существования категории «лишенцев» к их статусу окружающие («правовые» граждане) относились вполне спокойно, то к концу 1920-х гг. термин «лишенец» превратился в своего рода клеймо, которое получали бывшие или действительные священно- и церковнослужители, вне зависимости от продолжительности их службы и занимаемой должности, превращаясь в изгоев. Анализ заявлений священно- и церковнослужителей Западной Сибири демонстрирует использование авторами при характеристике своего бесправного положения таких штампов как «клеймо» «черное пятно», «чуждый элемент».

Особое значение имеет тот факт, что маргинальный статус «лишенца» распространялся на членов семьи, находившихся на иждивении. Дети православных священно- и церковнослужителей оказывались пред трудным

---

<sup>1</sup> Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 67.

<sup>2</sup> Русина Ю. А. "Нет права голоса - нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 199.

выбором: отказаться от родителей и получить статус «полноправного» гражданина или остаться в числе «лишенцев». И хотя в некоторых случаях дискриминационный статус мог способствовать консолидации, члены семьи проявляли солидарность, оказывали поддержку друг другу, в большинстве своем «лишенчество» негативно сказывалось на семейных отношениях. Одним из долговременных последствий лишения избирательных прав явился раскол поколений.

Рассматривая лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей в аспекте взаимоотношения Русской православной церкви и советского государства, сделан вывод, что данная мера являлась одной из способов, прямо или косвенно способствовавших уничтожению церкви: раскол церковной организации, изъятие церковных ценностей, закрытие храмов, репрессии в отношении священнослужителей. Лишение избирательных прав, а точнее, следовавшие за ним дискриминационные меры, вынуждали священно- и церковнослужители отказываться от службы в церкви, а отсутствие священника могло являться предлогом для закрытия церкви. Из-за опасений пострадать за связь с религией сокращалось и число прихожан.

Для того, чтобы восстановиться в избирательных правах, некоторые священнослужители отрекались своего сана и веры в Бога публично – с амвонов церквей или через газеты. Данные практики получили распространение повсеместно, в том числе, среди бывших священнослужителей Западной Сибири. Некоторые исследователи отмечают, что публичный отказ являлся необходимым условием для восстановления в избирательных правах<sup>1</sup>. В Западной Сибири подобные мотивы для отказа также встречались, но вышестоящие избирательные комиссии, как правило, не утверждали данные решения и при выполнении

---

<sup>1</sup> Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 95; Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 55; Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 18.05.2012)

основных условий восстанавливали в правах. Публичные выступления подрывали позиции православия, оказывали негативное воздействие на мировоззрение прихожан. Естественно, что такого рода действия подкрепляли антирелигиозную пропаганду, являлись выгодными для властей. Наряду с этим в политике власти прослеживался и вполне прагматичный аспект: священно- и церковнослужители, оставляя церковь, пополняли кадры чаще всего служащих или малоквалифицированных рабочих, но, оставаясь при этом «бывшими», работали там, где это было необходимо государству.

Таким образом, лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей представляло собой органическую часть ограничительно-дискриминационно и репрессивной политики советского государства, в том числе, направленную на подрыв влияния Русской православной церкви, в которой власти видели идеологического противника. Но, несмотря на все гонения и притеснения, не снявшие сана священнослужители сохранялись как корпоративная группа, а Русская православная церковь существовала как социальный институт. В отличие от других категорий «лишенцев», православные священно- и церковнослужители являлись консолидированной общностью. Бывшие «белые офицеры», жандармы, служащие полиции были разрознены, их объединяла только их прошлая служба, базы для консолидации в раннесоветском обществе у них не было. Иная ситуация складывалась в отношении священно- и церковнослужителей, для которых церковь являлась объединяющей основой. Несмотря ни на что, церковная организация, хоть и в крайне деформированном виде, но продолжала существовать, сохранила и полвека спустя использовала духовный и человеческий потенциал для своего возрождения.

## Список использованных источников и литературы

### Источники

#### Законодательные материалы

1. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М.: Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». 1940. 299 с.
2. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. М., 1937. 306 с.
3. Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/> (дата обращения: 23.03.2017)
4. Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/> (дата обращения: 23.03.2017)
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1934. № 50.
6. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 56.
7. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 71.
8. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 79.
9. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 75.
10. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 54.

#### Справочно-статистические материалы

11. Административно-территориальное деление Сибири. Новосибирск, 1966. 112 с.
12. База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [Электронный ресурс]. URL: [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/charset/ans](http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans) (дата обращения: 16.04.2017)
13. Боль людская: Книга Памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов: В 5-ти т. Томск, 1991-1999. Тт. 1-5.
14. Всесоюзная перепись 1926 года. Отдельный оттиск табличной части тома XXIII. Отдел II. М., 1930.
15. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 1998-2001. Тт. 1-3.
16. Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. Новосибирск, 1929. 114 с.
17. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 435 с.
18. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 624 с.
19. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 4. Новосибирск: Цифра, 2014. 640 с.
20. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск, 2000-2004. Тт. 1-11.
21. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1251 с.
22. Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. 594 с.
23. Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 506 с.

## **Периодические издания**

24. Газета «Советская Сибирь» 1927, 1930, 1931 гг.
25. Газета «Красное знамя» 1930 г.
26. Газета «Красный Алтай». 1928 г.
27. Газета «Рабочий путь». 1929 г.

## **Документальные материалы**

28. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. (1917-1998 гг.). Сб. / Отв. сост. Н. И. Разгон. Барнаул, Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. 383 с.

29. Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД [Электронный ресурс]. URL: <http://pkk.memo.ru/> (дата обращения 17.11.2016).

30. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. В 2-х кн. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 912 с.

31. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг.: В 2 кн. / Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск; М., 1997-1998.

32. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. М.: "Пропилеи", 1995. 400 с.

33. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 356 с.

## **Архивные материалы**

**Государственный архив Новосибирской области (ГАО)**

34. Ф. Р-47. Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск.

35. Ф. Р-384. Исполнительный комитет Ордынского районного Совета депутатов трудящихся.

36. Ф. Р-387. Исполнительный комитет Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся.

37. Ф. Р-392. Исполнительный комитет Чановского районного Совета депутатов трудящихся.

38. Ф. Р-393. Исполнительный комитет Чистоозерного районного Совета депутатов трудящихся.

39. Ф. Р-395. Исполнительный комитет Здвинского районного Совета депутатов трудящихся.

40. Ф. Р-397. Исполнительный комитет Пихтовского районного Совета депутатов трудящихся.

41. Ф. Р-398. Исполнительный комитет Барабинского районного Совета депутатов трудящихся.

42. Ф. Р-400. Исполнительный комитет Мошковского районного Совета депутатов трудящихся.

43. Ф. Р-407. Исполнительный комитет Ояшинского районного Совета депутатов трудящихся.

44. Ф. Р-409. Исполнительный комитет Легостаевского районного Совета депутатов трудящихся,

45. Ф. Р-411. Исполнительный комитет Колыванского районного Совета депутатов трудящихся.

46. Ф. Р-418. Исполнительный комитет Краснозерского районного Совета депутатов трудящихся.

47. Ф. Р-435. Исполнительный комитет Венгеровского районного Совета депутатов трудящихся.

48. Ф. Р-437. Исполнительный комитет Искитимского районного Совета депутатов трудящихся.

49. Ф. Р-438. Исполнительный комитет Татарского районного Совета депутатов трудящихся.

50. Ф. Р-440. Исполнительный комитет Кочковского районного Совета депутатов трудящихся.

51. Ф. Р-443. Исполнительный комитет Купинского районного Совета депутатов трудящихся.

52. Ф. Р-448. Исполнительный комитет Усть-Таркского районного Совета депутатов трудящихся.

53. Ф. Р-449. Исполнительный комитет Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся.

54. Ф. Р-457. Исполнительный комитет Болотнинского районного Совета депутатов трудящихся.

55. Ф. Р.-471. Исполнительный комитет Тогучинского районного Совета депутатов трудящихся.

56. Ф. Р-475. Исполнительный комитет Кыштовского районного Совета депутатов трудящихся.

57. Ф. Р-489. Исполнительный комитет Черепановского районного Совета депутатов трудящихся.

58. Ф. Р-490. Исполнительный комитет Коченевского районного Совета депутатов трудящихся.

59. Ф. Р-912. Исполнительный комитет Доволенского районного Совета депутатов трудящихся.

60. Ф. Р-1175. Исполнительный комитет Сузунского районного Совета депутатов трудящихся.

61. Ф. Р-1207. Исполнительный комитет Каргатского районного Совета депутатов трудящихся.

62. Ф. Р-1228. Исполнительный комитет Новосибирского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Новосибирск.

63. Ф. Р-1242. Исполнительный комитет Чулымского районного Совета депутатов трудящихся.

64. Ф. Р-1347. Исполнительный комитет Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск.

### **Государственный архив Томской области (ГАТО)**

65. Ф. Р-430. Томский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

66. Ф. Р-641. Исполнительный комитет советов народных депутатов Колпашевского района

67. Ф. Р-737. Исполнительный комитет советов народных депутатов Каргасокского района

68. Ф. Р-791. Исполнительный комитет советов народных депутатов Кожевниковского района

69. Ф. Р-801. Исполнительный комитет советов народных депутатов Шегарского района

70. Ф. Р-1023. Исполнительный комитет советов народных депутатов Парабельского района

71. Ф. Р-1041. Исполнительный комитет советов народных депутатов Зырянского района

### **Государственный архив Алтайского края (ГААК)**

72. Ф. Р-2А. Управление ФСБ по Алтайскому краю.

73. Ф. Р-312. Администрация г. Барнаул.

74. Ф. Р-652. Бийский районный исполнительный комитет.

75. Ф. Р-674. Змеиногорский районный исполнительный комитет.

### **Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО)**

76. Ф. Р-235. Исполнительный комитет Омского городского совета народных депутатов

77. Ф. Р-1544. Исполнительный комитет Тарского районного совета народных депутатов

### Литература

78. Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926-1936. Ithaca, London, Cornell University press, 2003.

79. Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921-1929. London, 1998. 280 p.

80. Адаменко А. М. Приходы Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX вв. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 192 с.

81. Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926-1937). Томск: ТГУ, 1990. 228 с.

82. Атаев Т.И. Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920-1930 гг. (на материалах Карачаевской автономной области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 33-36.

83. Байда Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 86-95.

84. Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М.: Мысль, 1986. 224 с.

85. Белоновский В. Н. Лишение избирательных прав как мера юридической ответственности // История государства и права. 2005. № 9. С. 13-16.

86. Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск: ТГУ, 1969. 210 с.

87. Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 118-129.
88. Бродович С. М. Советское избирательное право. Л.: Госиздат, 1925. 132 с.
89. Валуев Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: "Маджента", 2012. 155 с.
90. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35-46.
91. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40-54.
92. Веденеев Ю. А., Богодарова Н. А. Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций "Символ", 2002. 692 с.
93. Владимирский М. Организация советской власти на местах. М.: Госиздат, 1921. 146 с.
94. Гайлит О. А. К вопросу о методах антирелигиозной борьбы в 1930-е годы (на материалах Омской и Новосибирской областей) // Исторический ежегодник. Омск. 2000. С. 74-83.
95. Гайлит О. А. Материалы архива УФСБ о специфике отношений государства и церкви в 1930-е гг. // Гуманитарное знание. Вып. 5. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2001. С. 209-213.
96. Гайлит О. А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Омск, 2002.
97. Гайлит О. А. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 288-308.

98. Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия). М.: Знание, 1984. 64 с.
99. Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М.: Атеист, 1930. 154 с.
100. Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М.: Атеист, 1929. 52 с.
101. Гришаев В. Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. 240 с.
102. Гурвич Г. С. Основы советской конституции. М.: Госиздат, 1929. 261 с.
103. Гуцин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Наука, 1987. 330 с.
104. Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 18.05.2012)
105. Добкин А. И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; Спб.: Феникс: Atheneum.1992. Вып. 2. С. 600-628.
106. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.
107. Дуксин П. А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20-30-х годов XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 20-23.
108. Ергина Н. М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 61-67.
109. Ефремова Н. Н. Становление избирательного права в России // Государство и право. 1998. № 3. С. 111-118.
110. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

111. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
112. Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. Новосибирск, 1929. 114 с.
113. Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры. 2016. 163 с.
114. Кандидов Б. Меншевики и поповщина в борьбе против октябрьской революции. М.: Московский рабочий, 1931. 109 с.
115. Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918 – 1936 гг.) Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2009. 22 с.
116. Карпычева Е. В. Правовое регулирование формирования механизмов лишения и восстановления избирательных прав по Тверскому региону в 1918-1936 гг. // Пробелы в российском законодательстве. М., 2010. № 3. С. 241-243.
117. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917-1945 гг. СПб.: СПбГТУ, 1995. 138 с.
118. Килин А. П. Категория граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (Анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 95-103.
119. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920е – начало 50х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920– 1930х гг. 231 с.
120. Климук Я. А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1 (56). С. 131-135.
121. Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. 183 с.

122. Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. М., 2009. С. 283-302
123. Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
124. Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. 367 с.
125. Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917-конец 1930-х годов: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.
126. Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 387 с.
127. Красинский В.В. Лишение избирательного права в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2008. № 15 (вып. 4). С. 49-53.
128. Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html> (дата обращения: 17.04.2012)
129. Кринко Е. Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3(7). Сыктывкар, 2011. С. 81-85.
130. Кром М. М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // Архангельский хронограф [Электронный ресурс]. URL: <http://achronicle.narod.ru/krom.html> (дата обращения: 15.05.2017)
131. Куренкова Ю. О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 88-95.

132. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Издательство «Кучково поле», 2011. 720 с.
133. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М.: Политиздат, 1984. 256 с.
134. Лапин С. П. Советское избирательное право 1920-1930. СПб., 1998. 16 с.
135. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.
136. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3 т. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: [http://krotov.info/history/20/krasnov/000\\_ogl.html](http://krotov.info/history/20/krasnov/000_ogl.html) (дата обращения: 28.04.2012)
137. Леонов Д. Е. Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 1. 2015. С. 157-167.
138. Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29-43.
139. Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся. 1917–1936 гг. М.: Юридическая литература, 1966. 575 с.
140. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М.: РОСПЭН, 2010. 343 с.
141. Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.
142. Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 105-118.

143. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). отв. ред. С. А. Красильников, Изд. 2-е. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 456 с.
144. Марченко А. Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104-113.
145. Мезенцев Р. В. Антирелигиозная политика органов государственной власти на Алтае в 1930-1934 гг. // Мир Евразии. 2015. № 4 (31). С. 19-23.
146. Мезенцев Р. В., Модоров Н. С., Сидоренко Д. И. Взаимоотношения православного духовенства и советского государства в 30-е гг. XX в. (на примере Бийской епархии) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 253-257.
147. Миненков Д. Д. Тылоополченцы // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Новосибирск. 2010. С. 7-76.
148. Миронов Б. Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55-63.
149. Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900-1927. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/1900/mitrofanov.htm> (дата обращения: 25.03.2012)
150. Михалевич О. В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект. // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 1. 2011. С. 145-151.
151. Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Саранск, 2005. 19 с.
152. Морозова Н. М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918-1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199-205.
153. Морозова Н. М. Социальный портрет «лишенцев» Мордовского края: источники и методы исследования // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: Труды VIII конференции Ассоциации «История и

компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова. М.; Барнаул, 2003. С. 158–173.

154. Мухин В. Н. Положение православных в советском обществе в 1930-е года (на примере Казанской епархии). // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. №1 (28). С. 236-241.

155. Неживых Н. А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. 157 с.

156. Никулин А. А. Обновленческий раскол Западной Сибири в 1920-1930-х годах. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 85-90.

157. Никулин В. В., Шеин Э. А. Ограничение избирательных прав как фактор правового неравенства в советской России (1920-е гг.). // Вопросы современной науки и практики. 2010. № 4-6. С. 281-289.

158. Овчинников В. А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 255 с.

159. Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.

160. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. 425 с.

161. Олещук Ф. Н. Борьба церкви против народа. М.: Госполитиздат, 1939. 111 с.

162. Панкратова Е. В. Последствия деформации нравственных и моральных ценностей в советском обществе в 1930е годы. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2010. № 8. С. 58-60.

163. Петрищева Н. С. Выбирай, если достоин?: К вопросу о политической дискриминации священнослужителей в годы нэпа // Кубанские исторические

чтения: Материалы первой межвузовской научно-практической конференции (Краснодар, 14 мая 2010 г.). Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2010. С. 66-70.

164. Петрищева Н.С. Священный долг или политическая лояльность?: исторический опыт участия священнослужителей в политической жизни страны // Духовные ценности российского общества в XXI веке: материалы VI научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2010.[Электронный ресурс]. URL: <http://studydoc.ru/doc/2550129/petrishheva-n.s.--svyashhennyj-dolg-ili-politicheskaya> (дата обращения: 16.12.2016).

165. Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 79-82.

166. Полякова Д. А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 65–68.

167. Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930-е гг.: центр и провинция. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Волгоград, 2010. 28 с.

168. Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской Конституции. М.: Наука, 1982. 310 с.

169. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

170. Поспеловский Д. В. Тоталитаризм и вероисповедование. М., Библейско-богословский институт им. св. ап. Андрея, 2003. 655 с.

171. Потапов В., прот. Борьба компартии против Церкви в 1920-е годы. // История РПЦ в XX веке (1917-1933) Материалы конференции. Петрозаводск, 2002. С. 284-300.

172. Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: РГГУ, 2000. 336 с.

173. Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 94-100.

174. Растягаева Д. А. Социальный портрет «лишенца» в новейшей отечественной историографии // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: АГУ, 2000. С. 66-71.
175. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М.: Крутицкое подворье, 2007. 644 с.
176. Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. 174 с.
177. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН. 2002. 275 с.
178. Русина Ю. А. «Нет права голоса - нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 192-200.
179. Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 119-129.
180. Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 319 с.
181. Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918-1936 гг.), Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.
182. Саламатова М. С. Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). С. 93–101.
183. Саламатова М. С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927-1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М.: Звенья, 1996. С. 9-23.
184. Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921-1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2010. 24 с.

185. Серокурова Л. А. Опыт систематизации «фонда лишенцев» Севастопольского района: вопросы создания базы данных // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» / Отв. ред. Гарскова И. М. М.; Барнаул, 2008. С. 146-148.

186. Сидоренко Д. И. Репрессии православного духовенства Бийской епархии в 30-е гг. XX в. // Мир Евразии. 2012. №2-4 (17-19). С. 194-198.

187. Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале 1930-1936 гг. М.: Мосгорархив, 1995. 174 с.

188. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917-1936 годы. М.: ИД «Мир истории», 2003. 296 с.

189. Снычев И., митр. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб.: Царское дело, 1995. 214 с.

190. Сосковец Л. И. Верующие как маргиналы в советском обществе // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. Т. 10. № 1. С. 10–15.

191. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/1930/rusak00.htm> (дата обращения: 17.05.2012)

192. Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1929. 311 с.

193. Тихонов В. И. Кто достоин избирательных прав? Типология и контент-анализ заявлений лишенцев // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Труды 5-й конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс]. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/5/22.shtml> (дата обращения 05.04.2012)

194. Тихонов В. И. Проблемы категоризации при контент-анализе // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации "История и компьютер". [Электронный ресурс]. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/3/21.shtml> (дата обращения: 12.04.2012)

195. Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М.: Издательство объединения "Мосгосархив", 1998. 256 с.
196. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. 296 с.
197. Туманов Д. Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан // Евразийский юридический журнал № 4 (47). 2012. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=3031:lr---&catid=184:2010-12-13-11-50-40](https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3031:lr---&catid=184:2010-12-13-11-50-40) (дата обращения: 12.02.2017)
198. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск: Издательство Томского государственного университета, 2012. 562 с.
199. Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 560 с.
200. Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483-496.
201. Филимонов В. Г. Первая советская Конституция М.: Госюриздат, 1960. 78 с.
202. Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 - нач. 1940-х гг. Очерки истории. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. 474 с.
203. Фирсов С. Церковь в империи. СПб.: Сатис, 2007. 433 с.
204. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с.
205. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. №8. С. 16-31.

206. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.

207. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 375 с.

208. Фофанова Л. А. Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики советской власти в 20-30-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 130-135.

209. Царикаев А. Т., Джиникаева Д. О. Лишение избирательных прав в Северной Осетии во второй половине 1920-х годов. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № S11. С. 143-147.

210. Цыпин В., прот. История Русской церкви. 1917-1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

211. Цыпин В., прот. Русская православная церковь. 1925-1938. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. 430 с.

212. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М.: Издательство Московского университета, 1984. 206 с.

213. Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.

214. Шангин М. «Террор против совести». Омск: книжное издательство, 1994. 320 с.

215. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Издательство Казанского университета, 1970. 367 с.

216. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече: Лепта, 2010. 478 с.

217. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: О-во любителей церков. истории, 1999. 400 с.

218. Эйнгорн И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917-1937 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1982. 255 с.

**Приложение А**  
**Информационные поля базы данных**

1. Название архива
2. Номер фонда
3. Номер описи
4. Номер дела
5. Количество листов
6. Фамилия
7. Имя
8. Отчество
9. Год рождения
10. Возраст на 1930 г.
11. Пол
12. Национальность
13. Место рождения (по источнику)
14. Место рождения (формализованное)
15. Район проживания
16. Сельский совет
17. Населенный пункт
18. Образование (по источнику)
19. Образование (формализованное)
20. Место получения образования
21. Социальное происхождение (по источнику)
22. Социальное происхождение (формализованное)
23. Должность в церкви (по источнику)
24. Должность в церкви (формализованная)
25. Время начала службы в церкви
26. Год оставления службы в церкви
27. Занятие до революции

28. Род занятий во время гражданской войны
29. Занятие в год нэпа
30. Занятие в конце 1920-х
31. Занятие в начале 1930-х (по источнику)
32. Занятие в начале 1930-х (формализованное)
33. Участие в первой мировой войне
34. Служба в Красной армии
35. Служба в Белой армии
36. Подвергался ли репрессиям (по источнику)
37. Репрессии (формализованное)
38. Время репрессий
39. Время лишения избирательных прав
40. Был ли восстановлен в избирательных правах
41. Время восстановления
42. Повторное лишение избирательных прав
43. Количество едоков (для сельских «лишенцев»)
44. Количество трудоспособных членов семьи (для сельских)
45. Количество скота
46. Количество коров
47. Количество лошадей
48. Доходность хозяйства
49. Сумма уплачиваемого налога
50. Владение с/х машинами
51. Применение наемного труда.

**Приложение Б**  
**Категории контент-анализа**

Таблица Б.1 – Категории контент-анализа

Категория	Всего	Священник	Диакон	Псаломщик	Монахиня
1. Всю жизнь работал и был трудящимся	5	0	2	2	1
2. Очень рано начал трудовую жизнь	7	1	2	4	0
3. После революции работал, служил ...	5	3	1	0	1
4. Основное занятие - сельское хозяйство	23	1	0	22	0
5. Состою на советской службе	15	10	1	4	0
6. Занимаюсь общественно-полезным трудом	9	5	1	3	0
7. В настоящее время я - трудящийся; работаю на заводе...	17	5	4	4	4
8. По социальному положению я - трудящийся, бедняк	7	0	0	7	0
9. Происхожу из пролетариев, трудящихся, бедняков	11	3	3	4	1
10. Происхожу из крестьян	23	8	2	9	4
11. В настоящее время занимаюсь сельским хозяйством	19	5	2	9	2
	141	42	18	68	13
12. В настоящее время не служу	60	33	6	21	0

13. Не был эксплуататором	2	0	0	1	0
14. Псаломщиком не был, а был любителем пения	32	0	1	31	0
15. Не имею никакой собственности	9	4	3	1	1
16. Псаломщиком быть не мог из-за малограмотности	7	0	0	7	0
17. Псаломщиком был временно, платы не получал	14	0	0	14	0
18. К служителем культа не принадлежал	24	0	1	17	6
	148	37	11	93	7
19. У меня плохое здоровье	22	9	1	9	3
20. У меня большая семья	14	8	1	5	0
21. Учтите мой преклонный возраст	10	4	1	4	1
22. Остался без средств к существованию	7	2	0	4	1
23. Нахожусь в тяжелом материальном положении	14	3	3	8	0
24. Лишение прав затрудняет мне жизнь, получение работы	3	2	0	1	0
25. Моральное угнетение, отрицательное отношение	2	1	0	1	0
26. Нет сил работать, не способен к физическому труду	5	2	0	2	1
	77	31	6	34	6

27.Констатация факта лишения избирательных прав	44	8	6	28	2
28.Личные счеты	9	1	0	8	0
29.Мое дело уже разбиралось/разбирается в избиркоме	15	7	2	6	0
	68	16	8	42	2
30.Служил в церкви из-за болезни	5	1	0	3	1
31.Служил в церкви вынуждено, случайно, временно, по просьбе общины	39	11	5	21	2
32.Служил в церкви по своей неграмотности, темноте, плохо разобрался в обстоятельствах	14	4	1	9	0
33.Служил в церкви, потому что так воспитан	2	1	0	1	0
	60	17	6	34	3
34.Я не должен и не могу быть лишен избирательных (это недоразумение)	7	2	0	5	0
35.Считаю лишение меня прав делом неправильным, несправедливым, необоснованным (возмущение)	44	4	3	32	5

36.Поэтому и в силу изложенного прошу меня восстановить	42	19	6	14	3
37.Прошу восстановить на основании Инструкции о выборах	16	5	0	9	2
38.Ссылка на определенные статьи Инструкции о выборах	4	3	0	1	0
39.Уже прошли положенные по закону 5 лет	17	10	2	4	1
40.Прошу защиты, милости, снисхождения у органов власти	7	1	3	3	0
41.Снимите с меня черное пятно лишенца, хочу быть равноправным всем трудящимся	6	1	2	1	2
42.Жалоба на налогообложение	23	19	1	3	0
43.Прошу вернуть имущество	8	4	1	3	0
	166	64	17	72	13
44.Служба в Красной Армии	5	2	0	3	0
45.Революционная деятельность и активное участие в установлении сов. Власти	9	5	0	4	0
46.Тружусь на благо советской власти и трудового народа, занимаюсь общественно-полезной работой	7	3	2	2	0
47.Являюсь членом профсоюза	8	4	2	2	0

48.Очень лоялен по отношению к советской власти (всегда был предан ей)	8	7	1	0	0
49.Меня положительно характеризуют партийные и советские работники, коллеги, соседи	4	1	1	2	0
50.Восстановление даст мне возможность быть активным членом советского общества	3	1	1	1	0
51.Глубоко раскаиваюсь в своей прошлой деятельности, обещаю больше не служить	9	3	3	3	0
52.Хочу трудиться на благо государства (за победу социализма)	19	10	4	5	0
53.Открыто отрекся от сана в церкви, через газету (порвал с церковью)	30	18	6	6	0
54.Нет взысканий со стороны советской власти	11	6	1	4	0
55.Веду активную борьбу с религией	5	3	0	2	0
	118	63	21	34	0

## Приложение В

### Численность категории «служителей религиозного культа и монахов» в городах Сибирского края

Таблица В.1 – Лишение избирательных прав «служителей религиозного культа и монахов» в городах Сибирского края (чел./%)<sup>1</sup>

Окружные города	1927 г.	1929 г.
Ачинск	9/2	15/1,6
Бийск	37/2,3	54/2,2
Барнаул	62 /3,8	123/3,3
Иркутск	343/5	436/4,1
Каинск	7/3,2	4/1,3
Камень	57/7	10/1,7
Киренск	2/0,6	4/1,1
Красноярск	51/1,9	108/3,7
Минусинск	44/6,6	37/3,4
Новосибирск	28/0,8	117/2,2
Омск	100/1,6	66/1,2
Рубцовск	-	6/0,6
Славгород	14/2,1	18/2,4
Тара	19/5	23/4,7
Томск	205/4,1	261/4,7
Тулун	-	17/3,4
Щегловск	13/2,4	17/2,7
Итого	998/3	1326/2,9

В числителе – абсолютная цифра, в знаменателе – процент от общей численности «лишенцев».

<sup>1</sup> Составлено по: Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. С. 91-92.

## Приложение Г

### Численность «служителей религиозного культа и монахов» в сельской местности округов Сибирского края

Таблица Г.1 – Лишение избирательных прав «служителей религиозного культа и монахов» в сельской местности округов Сибирского края (чел./%)<sup>1</sup>

Округ	1926	1927	1929
Ачинский	143/22,5	208/8,3	285/4,2
Барабинский	225/30,2	384/7,3	434/4,7
Барнаулский	323/22,4	488/7,3	588/3,4
Бийский	388/26,4	729/7,7	722/5,9
Иркутский	293/16,1	327/9,5	334/4,4
Каменский	177/30,1	341/5,3	361/4,7
Канский	124/20,4	219/5,9	272/3,2
Киренский	Нет сведений	17/2,1	19/1,3
Красноярский	192/21	261/7,1	305/5,4
Кузнецкий	150/15,5	327/8,2	419/6,3
Минусинский	184/28,7	288/6,4	358/6,2
Новосибирский	277/18,7	484/5,4	594/4,2
Омский	349/25	786/6,3	887/5,3
Рубцовский	192/19,1	308/4,8	348/3,5
Славгородский	27/3,8	477/8,4	593/6,5
Тарский	169/36,6	255/7,1	289/5,6
Томский	380/21,4	524/6	599/5
Тулуновский	Нет сведений	136/5,7	160/3,6
Хакасский	45/20	164/10,2	158/6,9
Ойротия	66/23,2	416/18,1	474/16
Итого	3704/21,6	7139/7	8199/4,9

В числителе – абсолютная цифра, в знаменателе – процент от общей численности «лишенцев».

<sup>1</sup> Составлено по: Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. С. 104-105; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 499. Л. 24-25.